

ISSN 2541-9803

**ART LOGOS
(ИСКУССТВО СЛОВА)**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020
№ 3(12)

**ART LOGOS
(THE ART OF WORD)**

SCIENTIFIC JOURNAL

No. 3(12)
2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ART LOGOS
(ИСКУССТВО СЛОВА)

2020
№ 3
(12)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
3 февраля 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68617

Журнал издается
с 2017 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

М. Вержбицка, доктор филологии, Польша
С. Г. Гренье, доктор филологии, профессор, США
А. Дешперманн, доктор филологии, профессор, Германия
А. А. Карпов, доктор филологических наук, профессор, Россия
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Ю. Осьмухина, доктор филологических наук, профессор, Россия
З. И. Резанова, доктор филологических наук, профессор, Россия
И. А. Стернин, доктор филологических наук, профессор, Россия
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент, Россия

*Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии
с требованиями для авторов, установленными редакцией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими
мотивированный отказ в опубликовании.*

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
тел. +7(812) 451-91-76
<http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
ART LOGOS
(THE ART OF WORD)

2020
№ 3
(12)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
February 03, 2017

The certificate
of the mass media registration
ПН № ФС77-68617

The journal is issued
since 2017
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

M. Wierzbicka, Doctor of Philology, Poland
S. G. Grenier, Doctor of Philology, Professor, USA
A. Deppermann, Doctor of Philology, Professor, Germany
A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, Russia
T. V. Maltseva, Doctor of Philology, Full Professor, Russia (chief editor)
O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, Russia
Z. I. Rezanova, Doctor of Philology, Full Professor, Russia
I. A. Sternin, Doctor of Philology, Full Professor, Russia
M. V. Yagodka, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia

*The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.
The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.
Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board*

Founder's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-91-76
<http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>С. Л. Слободнюк</i> Аще забуду тебе, Вавилоне (опыт анализа локального текста)	6
<i>Т. В. Мальцева</i> «Охотничий текст» русской литературы	27
<i>А. В. Снигирев</i> Роль лексических средств в определении жанровой специфики произведения А. С. Пушкина «Метель»	42
<i>Е. В. Никольский</i> Романный субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (Статья первая)	50
<i>С. Ф. Меркушов</i> Универсальность категории абсурда в русском литературном процессе	66
<i>И. Б. Ничипоров</i> Предметный мир в сборнике рассказов Людмилы Улицкой «О теле души»	84

ЛИНГВИСТИКА, ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

<i>Т. Е. Лебедева</i> Лексика говоров Бокситогорского, Волховского, Подпорожского и Тихвинского районов Ленинградской области (материалы к Словарю говоров Ленинградской области)	92
<i>А. А. Штеба</i> Феномен эмотивной невыразимости (на примере языковой категоризации смешанных эмоций)	162

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Е. А. Цуканов</i> Женское лицо журналистики как антропологический казус	170
<i>О. Е. Мисяченко</i> Рецепция русским читателем художественных образов английской романтической поэзии (на материале произведения Дж. Байрона «Lines written in an album, at Malta» в переводе Ф. И. Тютчева)	179
Сведения об авторах	187

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

<i>Sergey Slobodnyuk</i> If I Forget Thee, O Babylon (Experience in Analyzing the Local Text).....	6
<i>Tatiana Maltseva</i> "The Hunting Text" of Russian Literature	27
<i>Alexey Snigirev</i> The Role of Lexical Means in Determining of Genre Specificity of the Work "The Snowstorm" by A. Pushkin.....	42
<i>Eugeniy Nikolsky</i> The Family Chronicle as Novel Subgenre: Questions of History and Theory (Article One)	50
<i>Stanislav Merkushev</i> Universality of the Category of Absurdity in Russian Literary Process.....	66
<i>Ilija Nichiporov</i> Object World in the Collection of Stories by Lyudmila Ulitskaya "About the Body of the Soul"	84

LINGUISTICS, THEORY OF DISCOURSE AND LINGUISTIC STYLES

<i>Tatiana Lebedeva</i> Dialect Vocabulary of Boksitogorskiy, Volkhovskiy, Podporozhskiy and Tikhvinskiy Districts of Leningrad Region (Articles for the Dictionary of the Dialects of the Leningrad Region)	92
<i>Alexey Shteba</i> The Phenomenon of Emotive Inexpressibility (on the Example of Language Categorization of Mixed Emotions)	162

INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Evgeniy Tsukanov</i> The Female Face of Journalism as an Anthropological Case	170
<i>Olga Misyachenko</i> Reception of Artistic Images of English Romantic Poetry by Russian Reader (on the Example of F.I. Tyutchev's Translation of the Work "Lines written in an album, at Malta" by G. Byron)	179
About Authors	188

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 82.091-821.161.1

ГРНТИ 17.01.07

С. Л. Слободнюк

Аще забуду тебе, Вавилоне (опыт анализа локального текста)

В статье представлено исследование деконструкции «вавилонского текста» в русской литературе. По результатам анализа автор приходит к выводу о том, что уже в XIX столетии образ Вавилона утрачивает жесткую связь с иеремиадой и ветхозаветные смыслы уступают место смыслам русской истории. Одним из главных последствий данной деконструкции стало обособление талионического сегмента и его переход в «новозаветный» дискурс отечественной словесности.

Ключевые слова: вавилонский текст, петербургский текст, семантические поля, смыслы, талион, формальный метод, цифровая гуманитаристика.

Sergey Slobodnyuk

If I Forget Thee, O Babylon (Experience in Analyzing the Local Text)

The article presents a study of the deconstruction of the «Babylonian text» in Russian literature. The author, based on the results of the analysis, comes to the conclusion that by the 19th century the image of «Babylon» loses its strong connection with the jeremiad, and the Old Testament meanings give way to the meanings of Russian history. One of the main consequences of this deconstruction is the isolation of the talionic segment and its transition into the «New Testament» discourse of Russian literature.

Key words: Babylonian text, Petersburg text, semantic fields, meanings, talion, formal method, digital humanities.

К вопросу о родословной одного локального текста

Если бы научный стиль позволял эпический зачин, следовало бы написать: «В начале было слово». Но стиль не позволяет, да и слова никакого не было. Было словосочетание – «Петербургский текст». И концепция В. Н. Топорова, проложившая дорогу другим «локальным» текстам: московскому, волжскому, сибирскому, северному, уральскому etc.

© Слободнюк С. Л., 2020

© Slobodnyuk S., 2020

Если бы я исследовал психологию научного творчества, можно было бы начать разговор о скрытых механизмах, действие которых формирует новые понятия и даже меняет принятую парадигму. Но первая встреча с теорией «петербургского текста» восторгов не вызвала и катарсисом не ознаменовалась. Тем более что «вавилонский текст», которому посвящена эта статья, был придуман мною задолго до знакомства с трудами В. Н. Топорова для рабочей маркировки фрагментов, чье содержание так или иначе соотносилось с эсхатологическим и апокалиптическим дискурсом Священного Писания.

Однако по мере накопления материала стало ясно, что «вавилонский текст» есть нечто большее, чем ярлык, используемый при черновой классификации материала. И постепенно крепло внутреннее убеждение в том, что *этот* текст может занять место рядом с текстом петербургским. Словом, повторное обращение к концепции В. Н. Топорова было предопределено.

Не предопределено было другое – запоздалое удивление тому, что в концепции нет четкого базового понятия. Согласно В. Н. Топорову, «[п]етербургский текст есть текст не только и не столько через связь его с городом Петербургом (экстенсивный аспект темы), сколько через то, что образует особый текст, текст *par excellence*, через его резко индивидуальный („неповторимый“) характер, проявляющийся в его внутренней структуре (интенсивный аспект)» [34, с. 27]. Иначе говоря, петербургский текст обретает свой «текстовой» статус 1) через нечто, которому не дается определения, либо 2) через нечто, являющее собой некий индивидуальный (и неведомо откуда взявшийся) характер, который реализует себя во внутренней структуре текста. Самое печальное – приняв любой из предложенных вариантов, мы все равно не узнаем, *что* есть *петербургский* текст, и почему он является таковым, если его связь с городом не столь уж важна.

Рассуждения, где провозглашается «сверхсеманτικότητα» «Петербургского текста, смыслы которого (или, точнее, смысл) превышают эмпирически-возможное в самом городе и больше суммы этого „эмпирического“», и утверждается, что «этот высший смысл – стрела, устремленная в новое пространство всевозрастающего смысла, который говорит о жизни и о спасении» [34, с. 28], на мой взгляд, имеют довольно отдаленное отношение к литературоведению. Зато они оказываются удивительно созвучны тезисам, которые, завершая авторское «введение в тему», сообщают, что: 1) «в Петербургском тексте русской литературы отражена квинтэссенция жизни в „лиминальном“ состоянии, на краю, над бездной, на грани смерти, и намечаются пути к спасению»; 2) «создание Петербургского текста» было «одним из самых весомых „ноосферических“ вкладов в русскую и мировую культуру»;

3) «Петербургский текст – мощное полифоническое резонансное пространство, в вибрациях которого уже давно слышатся тревожные синкопы русской истории и леденящие душу „злые“ шумы времени» [34, с. 65–66].

Что ж, сказано немало, но, в сущности, все можно свести к незатейливой формуле: *петербургский текст есть нечто, подобное страшным апокалиптическим творениям древних пророков, апостола Иоанна, плюс немного Леруа, Вернадского и Тейяра де Шардена...* Впрочем, справедливости ради обязательно следует предположить, что «теоретическая» отвлеченность финальных тезисов обусловлена мощной «конкретикой» предшествующих рассуждений, согласно которым: 1) «*Петербургский текст – понятие относительное и меняющее свой объект в зависимости от целей* (курсив мой. – С. С.), которые преследуются при операционном использовании этого понятия»; 2) «крайние пределы, внутри которых обращение к Петербургскому тексту сохраняет свой смысл», это – «теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, составляющих субстрат Петербургского текста („экстенсивный“ вариант), и теоретико-множественное произведение тех же признаков („интенсивный“ вариант)»; 3) «единство Петербургского текста не в последнюю очередь обеспечивается и единым „локально“-петербургским словарем», который «задает языковую и предметно-качественную парадигму Петербургского текста», а также «семантическое пространство Петербургского текста – как „ближнее“, эмпирическое, так и „дальнее“, сферу последних смыслов и основоположных идей» [34, с. 27].

Возможно, читатель обратил внимание на то, что слово *конкретика* в начале предыдущего абзаца поставлено в кавычки? Я сделал это намеренно, поскольку *относительность базового понятия* лишает смысла *любые* конкретные рассуждения о «крайних пределах» и прочем. Лишает полностью, если только... Если только мы не сумеем, следуя канону диалектики, определить «петербургский текст» через противоположное понятие. – Увы, не сумеем, ибо, в отличие от духа и материи, добра и зла, прекрасного и безобразного, жизни и смерти, «петербургскому тексту» нельзя подобрать настоящего антагониста. Не будем же мы наперекор здравому смыслу утверждать, что таковым является текст московский [20]?..

И, тем не менее, отрицать *реальность петербургского текста* значило бы отрицать очевидное. Образ Петербурга стараниями Пушкина, Гоголя, Достоевского, Андрея Белого давным-давно обрел статус архетипа, порождающего развернутый многоуровневый дискурс, в котором важную роль играют апокалиптико-эсхатологические структуры. Последнее, учитывая значение мессианской идеи для русской литературы, совсем не удивительно. Но коль

скоро русский литературный мессианизм есть производная от мессианизма библейского, не унаследовал ли «эсхатологический» Петербург судьбу другого города? Если исходить из того, что мессианская идея, иудео-христианская апокалиптика и библейский эсхатологизм образуют сложную систему, одним из важнейших элементов которой выступает Вавилон, ответ напрашивается сам собой. Принимая эту мысль, мы и выходим на понятие «вавилонского текста».

Данный текст, на мой взгляд, имеет три существенных отличия от северного собрата. *Первое*, и самое важное, состоит в том, что «Вавилон» является собой *универсальный* и самодостаточный культурный знак, сохраняющий при этом живую связь с первоисточниками: Книгой пророка Иеремии и 136-ым псалмом.

Второе отличие обусловлено природой архетипических потенций «Вавилона». Эти потенции были сформированы в сложном взаимодействии исторического, религиозного, правового и этического переживания древних авторов; причем органическое единство исходных элементов не отрицает определенной автономии каждого из них.

Третье отличие проявляет себя в целенаправленном функционировании «вавилонского текста», который может быть корректно сведен к ограниченной совокупности семантических полей, образуемых понятиями «враг, плен, тоска, возмездие, грех, тайная мудрость etc.».

Иными словами, в отличие от петербургского, текст, порождаемый Вавилоном, поддается достаточно четкому определению по формальным признакам. Именно это обстоятельство и вытеснило «вавилонский текст» на задворки моих научных предпочтений.

Несколько слов о форме и сущности

В начале 80-х годов прошлого столетия уважающий себя студент-филолог просто обязан был с придыханием произносить имена корифеев из Тарту и с пиететом отзываться об отцах-формалистах. Я себя, естественно, уважал, поэтому произносил-отзывался. Тем более что «форма» выгодно отличалась от мистической «народности» и полумистического «революционного гуманизма»: она была *объективна*. К несчастью, скоро выяснилось, что текст, препарированный тартуанским скальпелем, после обратной сборки упрямо не желал оживать, и старательно соединенные в прежнем порядке детали почему-то превращались в осязаемую, зримую, но неживую сумму частей.

Следующий удар по вере во всемогущество формальных показателей нанесло стиховедение. Скажем, данные об особенностях гумилевского стиха, полученные В. С. Баевским [5], объективно отражают соотношение между дву-

сложниками, трехсложниками и неклассическими размерами etc. Больше того, они доказывают, что метрика поэта изначально была совсем не-символистской. Другой вопрос: раскрывают ли такие сведения *природу* гумилевского *антисимволизма*? Вряд ли... Опираясь данными В. С. Баевского, можно уверенно говорить лишь о том, что в области стихосложения поэт сразу нашел свою, особую, дорогу (и тем самым скорректировать хронологию акмеизма). Но ответа на вопрос, *почему* певец «чужого неба», едва вступив на путь конквистадора, объявил войну мэтрам Серебряного века, мы не получим.

В некоторых случаях доверчивое следование за формальными показателями способно завести в трясину добросовестных заблуждений. Так, в работе В. Е. Верховоломовой, посвященной разбору ритмических форм в циклах Гумилева и Ахматовой, отдельное место отведено знаменитым «Библейским стихам»: «Для Ахматовой <...> было важно строфическое единообразие в цикле. Иногда при строфическом неравенстве частей цикла единство достигается особой формой рифмовки, <...> использованием одного и того же размера. В пределах одного стихового единства у поэтессы доминирует определенный метр. Это составляет своеобразие ахматовского поэтического рисунка. Например, микроцикл «Библейские стихи» (из книги Anno Domini MCMXXI) помимо тематического единства „скрепляется“ метрическим рисунком»; «три стихотворения объединяет в цикл основная метрическая форма с двумя двусложными междударными промежутками, которая незначительно варьируется» [8, с. 157–158]. Согласитесь, звучит убедительно. И результаты сведены в таблицу: при желании можно даже потрогать руками [8, с. 158]. Но лучше этого не делать, поскольку капитальная с виду конструкция тут же завалится набок...

Начну с того, что в первых изданиях книги «Anno Domini MCMXXI» нет никакого микроцикла «библейских стихов». Есть только стихотворение «Рахиль», поскольку... «Лотова жена» и «Мелхола» были созданы, если верить авторской датировке, немного позже: 24 февраля 1924 г. и в 1959–1961 гг. [4, II, ч. 2, с. 347–348; см также: 4, I, с. 376, 402; 4, II, ч. 2, с. 42–43].

Полнота строфического единообразия в ахматовском цикле, исходя из данных, представленных автором статьи (!), тоже вызывает сомнения – 5 шестистиший («Рахиль»), двенадцатистишие + четверостишие («Лотова жена»), 26-стишие («Мелхола») [8, с. 158]; к тому же тип рифмовки в строфах тоже различен [8, с. 158]. Таким образом, идея о верховенстве «метрического рисунка» над «тематическим единством» оказывается, мягко говоря, рыхловатой, ведь формальные показатели (даже будучи безусловно объективными) есть не более чем формальные показатели. Поэтому любое гипостазирование

формы, находящейся в живой связи с сущностью, неминуемо уводит в сторону от истины.

Однако в последние годы в филологии наблюдается тенденция к реабилитации формально-структуральных методик, нашедших новую опору в цифровой гуманитаристике. Технологии, позволяющие создавать безразмерные базы данных с полнотекстовым поиском, предлагают исследователю по истине «демиургический» соблазн: довести количество материала до критической отметки и добиться качественного скачка. Почему нет? – отдельные алгоритмы формализации давным-давно разработаны и эффективно применяются в филологических исследованиях: стоит только написать нужную программу, и извечная тайна слова станет явью.

В желании проверить, насколько эффективен формализованный подход к тексту, когда берешь в союзники достижения «цифры», мы с коллегами предприняли междисциплинарное исследование архетипики «вавилонского текста» [подробно см. 40], основные этапы которого я (с соответствующими ссылками) кратко опишу в следующем разделе. Но прежде необходимо сделать несколько замечаний о методике упомянутой работы.

В *подготовительный период* была проведена формализация объекта, по завершении которой «вавилонский текст» обратился в сумму первичных смыслов (сакральный, исторический, этический, правовой). Это позволило: 1) убедиться, что объект исследования не является умозрительной величиной, 2) провести критический отбор первичного материала и, 3) выявив соответствующие архетипические элементы, определить:

а) претекст – 136 псалом, минимальный объем которого вмещает в себя максимальное количество первичных смыслов;

б) базовый индикатор (на основании количественных показателей) – первый стих данного псалма (в церковнославянском и синодальном переводе); «На реках Вавилонских / При реках Вавилона» (Пс., 136:1).

Далее были выбраны текстовые базы для поиска, а именно «Национальный корпус русского языка» [21]; «Русская виртуальная библиотека» [26]; «Фундаментальная электронная библиотека: „Русская литература и фольклор“» [37]; «Некоммерческая электронная библиотека „ImWerden“» [22] и «Университетская библиотека онлайн» (коллекция издательства «ДиректМедиа») [36]. Корректность будущей выборки обеспечивалась отсеиванием неточных совпадений и ограничением по объему (расстояние между искомыми совпадениями не должно было превышать объема 136 псалма).

«Тамо седохом и плакахом», или «цифровой» комментарий к иеремиаде

Назвав 136-й псалом квинтэссенцией вавилонского текста, мы ничуть не погрешим против истины. 9 стихов, напрямую связанных с творением пророка Иеремии, поражают невероятной концентрацией эмоций и смыслов, по-

рожденных годами вавилонского плена: неизбежная печаль и тоска по земле обетованной; равная закону обязанность помнить Иерусалим; искренняя надежда на неминуемое и справедливое божественное воздаяние.

Уже начальные строки псалма формируют исходную триаду «Вавилон – плач – память»: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внемгда помянути нам Сиона / При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс., 136:1). Эта триада инициирует две тесно связанные темы: возвращение и карающее божественное воздаяние. Последнее, замечу, имеет *безусловно справедливую* природу, что неявно утверждается тем, что возможным объектом небесного возмездия сначала оказываются пленники Вавилона и только потом – его «дочь»: «Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего / Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего» (Пс., 136:5–6); «Дщи Вавилона окаянная, блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам / Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!» (Пс., 136:8).

Контаминация семантических полей, порожденных идеей талиона, не просто замыкает смысловые круги. Потенциальное наказание, ожидающее пленников в случае нарушения закона, уравнивается дважды: 1) *прямо* – неминуемостью грядущей кары Вавилону и 2) *неявно* – синтаксической конструкцией 5–6 стихов. Таким образом, автор псалма объединяет воедино три разные последовательности смыслов, исходной точкой которых является Вавилон: «Вавилон – плен – кара Вавилону», «Вавилон – пленники – возмездие за возможную неверность», «Вавилон – пленники – воздаяние за верность».

Выявленные последовательности легли в основу поисковых выражений, а поскольку первый стих 136 псалма, вне всякого сомнения, играет роль *внутреннего* претекста, начальный поиск осуществлялся по выражениям «На реках Вавилонских» и «При реках Вавилона». Результаты были обнадеживающими и показательными: «На реках Вавилонских» – 205 совпадений; «При реках Вавилона» – 6 совпадений. Доминирование церковнославянской версии не вызывало сомнений, поэтому в дальнейшей выборке в основном были задействованы выражения: 1) «На реках Вавилонских»; 2) «На реках Вавилонских» & «забуду тебе, Иерусалиме»; 3) «На реках Вавилонских» & «Дщи Вавилона».

К нашему удивлению, ни 2-е, ни 3-е выражение не дали ни одного понастоящему прямого совпадения (текстовые единицы, где они обнаруживались, не были соразмерны 136-му псалму) [40, р. 517].

Не менее любопытную картину дал поиск по выражениям «аще забуду тебе, Иерусалиме», «дщи Вавилоня окаянная» (дополнительно – «если я забуду тебя, Иерусалим», «дочь Вавилоня, опустошительница»). Совпадения, конечно, были... Но вот вопрос: следует ли, для примера, учитывать двойное цитирование «аще забуду тебе...» в «Братьях Карамазовых»? Формально – да, а по существу – нет, потому что источник воспроизводится в переносном смысле [40, р. 518]: «В эту минуту вдруг словно выскочил из комнаты штабс-капитан и тотчас затворил за собою дверь. Лицо его было исступленное, губы дрожали. Он стал пред обоими молодыми людьми и вскинул вверх обе руки.

– Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика! – прошептал он диким шепотом, скрежеща зубами. – *Аще забуду тебе, Иерусалиме*, да прильпнет...

Он не договорил, как бы захлебнувшись, и опустился в бессилии пред деревянную лавкой на колени. <...> Коля выскочил на улицу.

– Прощайте, Карамазов! Сами-то придете? – резко и сердито крикнул он Алеше.

– Вечером непременно буду.

– Что он это такое про Иерусалим... Это что еще такое?

– Это из Библии: „*Аще забуду тебе, Иерусалиме*“, – то есть если забуду всё, что есть самого у меня драгоценного, если променяю на что, то да поразит...» [26; 12, X, с. 59–60; курсив мой. – С. С.].

Параллельно я задался вопросом, надо ли принимать во внимание парафразисы искомым выражений и стихов?.. На первый взгляд – безусловно: ведь они наглядно (хотя и косвенно) отражают динамику осмысления и переосмысления «вавилонского текста». Так, у Симеона Полоцкого «дщи Вавилоня» уже не просто «окаянная», но «окоюнна зело», а карающая механика талиона украшена призывом к киднеппингу (sic!) etc.; ср.: «Дщи Вавилоня окаянная, блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам. Блажен иже имет и разбиет младенцы твоя о камень» (Пс., 136:8–9) || «Но, о дщи Вавилоня окоюнна зело, / блажен, иже воздаст ти за ны равно дело. / Блажен, иже потщится твоя похищати / младенцы и о камень твердый разбивати» [30, с. 310]. Но эти изменения, вероятнее всего, обусловлены необходимостью адаптировать церковнославянскую Псалтирь «и для чтения, услаждающего слух, и для *пения в домашней обстановке на тот или иной „глас“*» [28, с. 119; курсив мой. – С. С.]...

В. К. Тредиаковский расцвечивает исходный текст жуткими подробностями: «Ты ж, о! Вавилонска дщерь, жди зла в окаянстве; / Счастлив! кто тебе отмстит / За погибель смертну нам от тебя в наянстве / И ниже тебя простит. // Счастлив! в место кто твое метнет зельный пламень / И твою

кровь пролиет, / Иль младенцев ухватив о жестокий камень / Головою разбьет» [35, с. 188]. Однако любовно выписанные ужасы, наверное, стоит отнести на счет авторского темперамента, жаждущего немного оживить сухую талионическую формулу «блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам» (Пс., 136:8).

В том же ключе выписаны соответствующие строки А. П. Сумарокова («Из 136 псалма»). Подобно Тредиаковскому, автор подчеркивает злобность вавилонской дочери, призывает на голову «окаянной» закон возмездия и, мечтая о карающем пожаре, пророчит счастье палачу маленьких вавилонян: «Когда бы кто губя, / О окаянная дочь злая Вавилона, / Для нам подобна стона, / Как ты повергла нас, повергнул и тебя / И жительство твое пожрал бы лютый пламень: / Блажен той, кто побьет детей твоих о камень» [32, ч. 1, с. 193].

Поэты XIX столетия также не добавили претексту новых значимых смыслов. К примеру, Ф. Н. Глинка, лишив вавилонянку «окаянства», живописует правовые основания для деяний будущего восстановителя справедливости: «О, в ком дух мести бог возбудит / На злую Вавилона дочь, / И от кого терпеть ей будет / За то, что терпим мы теперь? // Блажен, кто, стоны преселенцев / Послышав, на тебя пойдет / И плачущих твоих младенцев, / Взмахнув, о камень расшибет!..» [11, I, с. 256]. Л. А. Мей дополняет сцены желанного возмездия как однозначными, так и многосмысленными подробностями: «О, блажен и блажен, / Злая дочь Вавилона, / Кто воздаст твоей злобе сторицею, / Кто *младенцев твоих оторвет / От нечистого лона / И о камень их мощной десницею / Пред тобой разобьет!*» [21; 22; 19, с. 235]. Но *злая* дочь (или *дочь*) Вавилона в обоих случаях экспрессивно не дотягивает до «окаянной» и проигрывает «опустошительнице» Синодального перевода на семантическом уровне.

И, наконец, Н. М. Языков добавляет в финальные строки нотку свободолюбия, осложненную садистическим «мордентом» и сменой гендерного вектора: «Блажен, кто смелою десницей / Оковы плена сокрушит, / Кто плач Израиля сторицей / На притеснителях отмстит! // Кто в дом тирана меч и пламень / И смерть ужасную внесет / И с ярким хохотом о камень / Его младенцев разобьет!» [39, ч. 2, с. 19]. Но и здесь, если убрать эмоции и прочее, получается, как и в предыдущих случаях, все тот же талион...

Утешив себя и коллег сентенцией о значимости отрицательных результатов, я предложил применить те же самые поисковые выражения к Ветхому Завету, и мы с удивлением обнаружили, что наши формальные показатели напрочь опровергают существование вавилонского текста в Священном Писании. В то же время семантические поля, окружающие ключевые слова, убедительно свидетельствовали об обратном, ведь собственно «Вавилон» и

его производные (поисковое выражение «вавилон*») встречаются в Ветхом Завете 171 раз. Распределение результатов поиска было не менее красноречивым: 168 совпадений дала книга пророка Иеремии, 3 – Псалтирь, 1 – Третья книга Маккавейская. Семантические поля, продуцируемые связкой «Вавилона» с понятиями «возмездие», «мщение», «воздаяние», также дали неравномерное распределение (поисковые выражения «вавилон*» & «*мщен*», «вавилон*» & «*мсти*», «вавилон*» & «возда*», «вавилон*» & «возмез*»): Иеремия – 6 – 1 – 8 – 1; Псалтирь – 0 – 0 – 1 <...> etc. [см. 40, р. 518]. Кроме того, понимая, что объектом талионического воздаяния в библейском тексте была не только столица Вавилонского царства, мы провели дополнительный поиск по выражениям «*мщен*», «*мсти*», «возда*», «возмез*» и получили иное, хотя опять же неравномерное, распределение: Иеремия – 8 – 5 – 5 – 0; Псалтирь – 5 – 0 – 16 – 2 etc. Полученные данные были включены в расчет коэффициента Пирсона (r), который у Иеремии оказался равен 0,59, а в Псалтири вплотную приблизился к единице (0,96) [40, р. 518].

Сильные связи «Вавилона» с талионической сферой, объективно подтвержденные «Пирсоном», снимают сомнения в правомерности моего утверждения о том, что главную роль в формировании вавилонского текста играют именно семантические поля. Правда, триумф количественного подхода несколько омрачает то обстоятельство, что доминирование смыслов над формой было очевидно даже на «гипотетическом» этапе исследования...

В то же время эффект от использования цифровых технологий вряд ли можно считать нулевым. Электронный поиск не просто свел к минимуму временные затраты на обработку текстовых массивов. В нашем распоряжении оказалась обширная база данных, которая *наглядно и сразу* показала объективные отличия *собственно «вавилонского текста»* от «вавилонского текста», присутствующего в русской литературе.

Как уже говорилось, первый стих 136 псалма можно считать своеобразным внутренним претекстом. Применяя к этому стиху «триадный» подход, мы без труда выделяем последовательность: *плен – плач – воспоминание о Сионе* («На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона / При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс., 136:1)). Взаимообусловленность составляющих триады, на мой взгляд, не требует доказательств. Как не требует доказательств и то, что каждый элемент продуцирует собственные смыслы: «плен» – исторический; «плач» – этический; «воспоминание о Сионе» – сакральный. С «талионическим» смыслом дело обстоит сложнее, однако при некотором усилии он легко выявляется: 136 псалом является неотъемлемой частью иеремиады и

поэтому необходимым образом связан с идеей равного воздаяния, реализуемого в награде за верность (для евреев) и неотвратимом жестоком наказании (для вавилонян и Вавилона).

Дальнейшее соотнесение данных с русским литературным дискурсом показало, что внешнее следование форме крайне редко сопровождается сохранением сущности. Сидение на реках Вавилонских, обычно выступающее символом неизбывной тоски по утраченной родине (по большей части в литературе русского Зарубежья [см. 22]), как ни странно, используется авторами и в ироническом ключе. Поводы для иронии различны (курсив мой. – С. С.):

– житейские проблемы: «Скрылися нимфы Геликонские от очей моих, а я оплакиваю их отшествоие, быв к ним приобщен от юности моей, и мог лет тридцать говорить: „От юности моя мнози борют мя страсти“. Ибо страсти в поэзии моей и изъяснялись, а ныне вместо того говорю я: „*На реках Московских седоном и плакахом*: како воспою в таком граде? Повесихом *на вербиях органы наши*“» (А. П. Сумароков) [26; 31]; «– И черт нас занес в такую дыру, вот вам и все удовольствие, сиди да гляди, как ручей бурлит, – сказал капитан, обращаясь ко всем сразу. – Как еврей *на реках Вавилонских*: сиди и плачь, тут сам черт с горя сопьется, а не только мы, грешные...» (М. П. Новиков) [37; 24, с. 126]; «За апрель я получил от Лейкина 70 руб., и теперь только 13-е, а у меня и на извозца нет. Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь... *на реках Вавилонских седоном и плакахом...*» (А. П. Чехов) [37; 38, с. 70];

– национальное самосознание: «Но ведь это хлам, Яков Моисеевич, – проникновенно сказала я, — хлам, не интересный даже этнографам, поскольку вы не китайцы, а очередные еврей с очередным плачем *на реках вавилонских*» (Д. И. Рубина) [21] etc.;

– идеология и политика: «Вчерашний звонок Суслову, – он явно уклоняется от беседы, и это понятно. Сказал, что имеет задание, над которым будет работать „за городом“, чтобы удалиться от звонков. Разрешает позвонить „на той неделе“.

В Секретариате, не хуже нас, новомирцев, сидят *на реках вавилонских*» (А. Т. Твардовский) [21; подробно см. 33]; «*На реках Вавилонских. // Мы ждём и ждём гостей незваных / И в ожиданье ни гу-гу! / И всё сидим на чемоданах, / Как на последнем берегу*» (А. А. Галич) [22; 10, I, с. 334]; «...В России судьба баснословна, странна, иностранна, чудна, / то праведна, то уголовна, абсурда и смысла полна. / Небесного поприща странник! Отечество славя свое, / ты тоже – изгнанник, избранник, чернец, иностранец ее. / Всем миром встает на колени великодержавный приют, / когда „*На реках Вавилон-*

ских...“ его домочадцы поют» (О. Николаева) [22; 23, с. 4]; «*На реках вавилонских* стонем, / в тимпаны да кимвалы бьём. / То домового мы хороним, / то ведьму замуж выдаём. // Под посвист рака на горе / шабашим мы на телешоу, / и в этой мерзостной игре / жида венчаем с Макашовым (Т. Ю. Кибиров) [22; 16, с. 3].

Сама ирония, обретающаяся по берегам рек вавилонских, тоже разнообразна. Она может быть грустной или горькой (далее курсив мой. – С. С.): «Дорога от М. до Р. идет семьдесят верст проселком. Дорога тряска и мучительна; лошади сморены, еле живы; тарантас сколочен на живую нитку <...>. Но на этот раз дорога была для меня поучительна. Сколько раз проезжал я по ней, и никогда ничто не поражало меня: дорога как дорога, и лесом идет, и перелесками, и полями, и болотами. Но вот лет десять, как я не был на родине, не был с тех пор, как помещики взяли в руки гитары и запели:

На реках вавилонских – тамо седоком и плакахом... –

и до какой степени всё изменилось кругом!

С тех пор и народ „стал слаб“, и все мы оказались „просты... эх, как мы просты!“, и „немец нас одолел!“» (М. Е. Салтыков-Щедрин) [26; 27, XI, с. 21–22]; «Творческая скудость наших революционеров-комитетчиков становилась очевидною и для них самих. Их угрозы арестами и обысками уже не производили действия, их ругали безвозбранно и дружно, тоска по власти, по нормальному порядку выросла за два месяца действия нового строя до размеров стона *на реках Вавилонских*» (Ф. Д. Крюков) [22; 17].

Иногда ирония, претендуя по воле автора на статус сатиры, рядится в классовые одежды, декорируя при этом национальную идею: «Дело происходило на Трафальгарской площади в Лондоне. Празднование Старого Нового года российским бизнесом <...> Морозный звон кремлевских курантов с эстрады на Трафальгарской площади заглушали лишь трели мобильных телефонов: это выискивали друг друга – свои своих – в многотысячной толпе представители так называемой „русской диаспоры“. Когда я слышу слово „диаспора“ в устах телевизионщиков или посольских работников России, я представляю себе древних иудеев, скованных одной цепью, плачущих у пирамид египетских или *на реках вавилонских*, сгрудившихся вокруг седобородого раввина с томищем Талмуда на коленях. За этими людьми стояла страна, народ, Бог из разрушенного Храма. <...> Как можно называть „диаспорой“ россиян, рассеявшихся по разным концам мира и не желающих, в общем-то, иметь ничего общего ни друг с другом, ни со своей стороной, где уже давно распались кружки и раздружились дружки?» (З. Зиник) [22; 15, с. 54–55; курсив мой. – С. С.].

Конечно, встречается и другое использование смыслового потенциала претекста. Но и здесь все неоднозначно. Скажем, в есенинской «Инонии» реки Вавилона становятся символом страданий *русского* крестьянина, наивно верившего богу Заветов: «Проклинаю тебя я, Радонеж, / Твои пятки и все следы! / Ты огня золотого залежи / Разрыхлял киркою воды. <...>. / Твое солнце когтистыми лапами / Прокогтялось в душу, как нож. / *На реках вавилонских мы плакали,* / И кровавый мочил нас дождь» [26; 13, II, с. 63; курсив мой. – С. С.].

3. Зиник, беззастенчиво эксплуатируя сакральную составляющую, превращает плач на реках в неотъемлемый атрибут иудаизма: «Иудаизм, каким мы его знаем сейчас, – это религия невозвращения, религия перманентного плача *на реках Вавилонских*, религия изгнания и эмиграции, когда и Храм и Иерусалим перенеслись на небо» [22; 15, с. 205; курсив мой. – С. С.]. А у М. Д. Симашко претекст становится простым географическим понятием: «Не одна Библия свидетельствует о весьма деятельном еврейском присутствии далеко *за реками Вавилонскими*. „Шах-наме“ – перевод древнейших арийских сказаний – лучшее тому доказательство» [22; 29, с. 151; курсив мой. – С. С.].

Принимая во внимание сказанное выше, мы должны констатировать, что русский литературный дискурс провел капитальную деконструкцию первичного «вавилонского текста». Уже в XIX веке плач при реках Вавилона перестал жестко соотноситься с исторической основой, и это, в свою очередь, привело к редукции сакральных элементов, а также трансформации правовых и моральных ожиданий. Одновременно произошло ослабление значимых связей с книгой Иеремии, и место ветхозаветных заняли русские исторические смыслы: отмена крепостного права, революция 1917 года, третья волна эмиграции etc. Особую роль в этом процессе играла эмоциональная составляющая 136 псалма. Энергия катастрофических ожиданий, войдя в резонанс с апокалиптическим настроением русской души, непрерывно подпитывалась эсхатологизмом исторических событий и в итоге расколола монолит семантических полей. Одним из наиболее значимых последствий этого раскола стал переход талионической составляющей в «новозаветный» дискурс отечественной словесности.

«Пал Вавилон, город великий», или Слава Новому Вавилону

Исследование истории Вавилона, ставшего «жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу» (Откр., 18:2) обещало быть несложным, потому что «вавилонский текст» Нового Завета сконцентрирован в семи стихах Откровения Иоанна Богослова. Казалось бы, идеальные условия для работы! – и глубокого анализа смысловых доминант не требуется, и поисковые

выражения практически в готовом виде представлены в самом претексте (курсив мой. – С. С.): «И другой ангел следовал за ним, говоря: пал, *пал Вавилон, город великий*, потому что он *яростным вином блуда* своего напоил все народы» (Откр., 14:8); «И *город великий распался* на три части, и города языческие пали, и Вавилон *великий* воспомянут пред Богом, чтобы дать ему *чашу вина ярости гнева* Его» (Откр., 16:19); «И жена облечена была в порфиру и багряницу <...> и держала золотую *чашу* в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою *блудодейства* ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон *великий, мать блудницам* и мерзостям земным» (Откр., 17:4–5); «Пал, *пал Вавилон, великая блудница*, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо *яростным вином блудодейства* своего она напоила все народы» (Откр., 18:2); «*Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий!* ибо в один час пришел суд твой» (Откр., 18:10); «*Горе, горе тебе, город великий*, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море, ибо опустел в один час!» (Откр., 18:19); «И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, *великий город*, и уже не будет его» (Откр., 18:21).

Для окончательного облегчения задачи область разработки решено было ограничить русской поэзией, эсхатологические настроения которой (особенно в период *fin de siècle*) полностью созвучны идеям Апокалипсиса. Однако первые результаты поиска обескуражили: церковнославянский извод оказался в принципе не востребованным. Поисковые выражения на русском языке («пал Вавилон», «город великий», «великий город», «чаш*» & «вин*», «вин*» & «блуд*», «ярост*» & «вин*», «ярост*» & «гнев*», «велик*» & «блуд*», «мат*» & «блудниц*», «город*» & «распа*», «горе» & «город*», «горе» & «Вавилон*», «горе тебе, город») не дали сколько-нибудь значимых совпадений.

Даже «Первое переложение Апокалипсиса», принадлежащее перу В. А. Жуковского, который, как известно, не церемонился с исходным текстом, минимально расходилось с источником; ср.: «И другой ангел следовал за ним, говоря: пал, *пал Вавилон, город великий*, потому что он *яростным вином блуда* своего напоил все народы» (Откр., 14:8) || «Летел другой по небу ангел, / Гласящий: „пал великий Вавилон, / Понеже яростным вином разврата / Народы все он напоил“» [21; 22; 14, с. 338]; «И Вавилон *великий* воспомянут пред Богом, чтобы дать ему *чашу вина ярости гнева* Его» (Откр., 16:19) || «Тот будет пить / Господней ярости вино, в его / Сосуде гнева», [21;

22; 14, с. 338]; «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы» (Откр., 18:2) || «И мне тогда единый из седми / Носящих чаши ангелов сказал: / „Я покажу тебе суд над великой / Блудницею, сидящею на многих / Водах; вели блудодеянье с нею / Цари земные, и вином ея разврата / Земные люди упивались“», «Пал Вавилон, великий град, блудница!» [21; 22; 14, с. 341, 342] etc. А строить концепцию, упирая на то, что Жуковский и его современники регулярно «стягивали» новозаветные строки, не имело смысла; ср.: «Пал Вавилон, город великий <...> Вавилон великий, мать блудницам» (Откр., 14:8, 17:5, 18:2) || «Пал Вавилон, великий град, блудница!» [21; 22; 14, с. 342]; «И увидел я другого Ангела <...>; и говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его <...>. И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий. <...> И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его» (Откр., 14:6–8; 18:21) || «Мне слово дивное гремело: / „Великий град – падет, падет!..“» (А. Г. Ротчев) [21].

Другие поисковые выражения привели к стихам А. А. Ахматовой («ярост*» + «вин*» & «блуд*»), М. А. Волошина («ярост*» & «вин*»), А. А. Блока («чаш*» & «вин*»), Д. Л. Андреева («велик*» & «блуд*»), но и здесь в итоге – обманутые ожидания. Реминисценции Ахматовой и Волошина, конечно, отсылают к Апокалипсису, но не имеют прямого отношения к самому «вавилонскому тексту»: «И яростным вином блудодеянья / Они уже упились до конца, / Им чистой правды не видать лица / И слезного не ведать покаянья» [21; 4, II, ч. 1, с. 234]; «Ангел непогоды / Пролил огонь и гром, / Напоив народы / Яростным вином. // Средь земных безлюдий / Тишина гудит / Грохотом орудий, / Топотом копыт» («Над полями Альзаса»; ноябрь 1914 г.) [21; 9, с. 197].

Блок использует исключительно «блудничный» потенциал первоисточника и забрасывает героиню Апокалипсиса на пьяные улицы ночного города, освещенные красными фонарями: «И ломится в черный притон / Ватага веселых и пьяных, / И каждый во мглу увлечен / Толпой проституток румяных... // <...> Вечерняя надпись пьяна / Над дверью, отворенной в лавку... / Вмешалась в безумную давку / С расплеснутой чашей вина / На Звере Багряном – Жена» [36; 6, II, с. 170–171].

Что касается автора «Розы Мира» и «Русских богов», то его текст говорит сам за себя: «Вкруг Земли есть крошечная сфера / Всемогущего там Люцифера. // <...> Никогда не блистали воочью / Никакой человеческой расе, /

Но заблещут грядущею ночью / Очи женской его ипостаси. / Распадутся исконные формы, / Расползутся железные фермы, / Чуть блеснет им, как адские горны, / Взор великой блудницы – Фокермы» [21; 1, с. 97–98]. Упомянутая Андреевым дама, как нетрудно заметить, связана с «вавилонским текстом» лишь формально, поскольку, согласно «Розе Мира», она есть «второе лицо» «Гагтунгра, великого демона Шаданакара», особая «сторона демонического существа, втягивающая, всасывающая души и судьбы» в его орбиту [2, с. 158–159].

На фоне столь впечатляющих успехов «цифровой» анализ пришлось остановить. Но осталась необходимость понять, почему обкатанная ранее методика оказалась неприменимой к новозаветной версии «вавилонского текста».

На мой взгляд, одной из главных причин провала стала природа «пре-текстового» Вавилона, который перестал восприниматься поэтами как реальность. В Апокалипсисе «великий город» напрямую ассоциировался с Римом. Однако со временем связь стала ослабевать, и уже в толковании Андрея Кесарийского Вавилон перешел на уровень образа, олицетворяющего «смешение этого мира и житейской смуты» [3]. Богословский же комментарий начала XX столетия подчеркивает, что «великий город» представляется павшим «только в видении» и должен восприниматься как «прекрасный образец для всякого боговраждебного города» [36; 25, с. 576].

В таком качестве Вавилон никак не мог конкурировать с теми чудовищными полисами, что возводили в своих мирах демиурги Серебряного века и их попутчики. Абстрактные бесовщина и блудодеяние в дебрях «адища», где улица провалена «как нос сифилитика», где «лысый фонарь / сладострастно снимает / с улицы / черный чулок», а небо смотрит «в белый газ / лицом безглазым василиска» (В. В. Маяковский) [18, I, с. 55, 62, 39, 37], выглядели просто невинно, и топот апокалиптического коня тонул в шуме «яростного людского потока» (В. Я. Брюсов) [7, I, с. 442, 444].

И хотя «в великом ужасе, скрывая лица, – люди / То бессмысленно зывали: „Горе! с нами бог!“, / То, упав на мостовую, бились в общей груди... / Звери морды прятали, в смятеньи, между ног», смысл происходящего не открылся никому, кроме проститутки и сумасшедшего: «Только женщина, пришедшая сюда для сбыта / Красоты своей, – в восторге бросилась к коню, / Плача целовала лошадиные копыта, / Руки простирала к огневеющему дню. / Да еще безумный, убежавший из больницы, / Выскочил, растерзанный, пронзительно крича: „Люди! Вы ль не узнаете божией десницы! / Сгибнет четверть вас – от мора, глада и меча!“» [7, I, с. 443].

Впрочем, и для прозревших «восторг и ужас длились – краткое мгновение. / Через миг в толпе смятенной не стоял никто: / Набежало с улиц смежных новое движенье, / Было все обычным светом ярко залито» [7, I, с. 443]. Настало иное время: *Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным покинул сцену, а его место занял Город, немилосердно терзающий своих пленников.*

Но где плен, там плач и тоска об утраченном; где плач и тоска об утраченном, там (пусть иллюзорная) надежда вернуть счастливое вчера либо обрести прекрасное завтра. Другими словами, хотя Вавилон ушел, «вавилонский текст» и *вавилонские смыслы* никуда не исчезли. Затаившись в куцах утопических чаяний, они терпеливо ожидают часа, когда с неба прогремит: «Горе, горе тебе, великий город», – и тогда «луны, сотворенные владыками естеств» [7, I, с. 443], погаснут, и безумцу с блудницей воздастся по вере их...

Список литературы

1. Андреев Д. Л. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Моск. рабочий; Фирма Алеся, 1993. Т. 1. Русские боги: Поэтический ансамбль. 463 с.
2. Андреев Д. Л. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Уралия, 1997. Т. 2. Роза Мира. 608 с.
3. Андрей Кесарийский. Толкование на Апокалипсис Святого Иоанна Богослова. Электронный ресурс. URL: <http://rusbible.ru/slavic/otkr.14.html#r-otkr-14> (дата обращения: 03.08.2020).
4. Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2002.
5. Баевский В. С. Николай Гумилев – мастер стиха // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 86–99.
6. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1963.
7. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. лит., 1973–1975.
8. Верховилова Е. В. Ритмические формы в лирических циклах Н. Гумилева и А. Ахматовой // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4–2. С. 154–159.
9. Волошин М. А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Пб. писатель, 1995. 704 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
10. Галич А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Локид, 1999. («Голоса. Век XX»).
11. Глинка Ф. Н. Сочинения: в 3 т. М.: Тип. газ. «Русский», 1869–1872.
12. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1988–1996.
13. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1995–2001.
14. Жуковский В. А. (Первое переложение Апокалипсиса) // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2011. Т. 4. Стихотворные повести и сказки. С. 330–351.
15. Зиник З. У себя за границей. М.: Три квадрата, 2007. 288 с.
16. Кибиров Т. Ю. «На реках вавилонских стонем...» // Знамя. 1999. № 4. С. 3.

17. Крюков Ф. Д. Новым строем. Электронный ресурс. URL: http://fedor-krjukov.imwerden.de/Publicist_1917/Novim_stroem.htm (дата обращения: 04.08.2020).
18. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961.
19. Мей Л. А. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1972. 678 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
20. Москва и «московский текст» русской культуры. М.: РГГУ, 1998. 224 с.
21. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruscorgo.ru/new/> (дата обращения: 03.08.2020).
22. Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden». Электронный ресурс. URL: <https://imwerden.de/> (дата обращения: 03.08.2020).
23. Николаева О. Отрывки // Новый мир. 1988. № 8. С. 3–4.
24. Новиков М. П. Из пережитого // Новиков М. П. Из пережитого. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. С. 17–331. (Семейный архив).
25. Орлов Н. [Комментарий к Апокалипсису Святого Апостола Иоанна Богослова] // Толковая Библия: в 11 т. Репр. изд. 1904–1913 гг. Стокгольм, 1987. Т. 11. С. 517–609.
26. Русская виртуальная библиотека. Электронный ресурс. URL: <https://rvb.ru/> (дата обращения: 05.08.2020).
27. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977.
28. Сидорович Л. Н. «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и Василия Титова как итог творческого взаимодействия двух талантливых мастеров восточнославянской культуры XVII века // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2006. № 7. С. 117–124.
29. Симашко М. Д. Из книги «Четвертый Рим» // Иерусалимский журнал. 2000. № 6. С. 106–158.
30. Симеон Полоцкий. Псалтирь царя Давида, художеством рифмотворным равномерно слога и согласноконечно, по различным стихом родом преложенная // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № S4. С. 276–315.
31. Сумароков А. П. [Письмо] Г. В. Козицкому от 4 марта 1770 г. // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 137.
32. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе: в 10 ч. 2-е изд. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787.
33. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2002. № 5. Электронный ресурс. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1735> (дата обращения: 04.08.2020).
34. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство–СПБ, 2003. 616 с.
35. Третьяков В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. СПб.: Наука, 2009. 668 с.
36. Университетская библиотека онлайн. Электронный ресурс. URL: <https://biblioclub.ru/> (дата обращения: 04.08.2020).
37. Фундаментальная электронная библиотека: «Русская литература и фольклор». Электронный ресурс. URL: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 05.08.2020).

38. Чехов А. П. Письмо Чехову Ал. П., 13 мая 1883 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974 [1974–1983]. Т. 1. Письма, 1875–1886. С. 68–72.

39. Языков Н. М. Стихотворения: в 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.

40. Slobodnyuk S. L., Tsurkan V.V. Archetypes of «The Babylonian Text» in the Russian Literary Discourse [Архетипика «вавилонского текста» в русском литературном дискурсе: опыт междисциплинарного исследования] / Slobodnyuk S. L., Tsurkan V. V., Abramzon T. E., Kozko N. A. Interdisciplinary Research Practice. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 437. Pp. 515–521.

References

1. Andreev, D. L. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 3 t. Moscow: Mosk. rabochij; Firma Alesya Publ., 1993. Т. 1. *Russkie bogi: Poe`ticheskiy ansambl`* [Russian Gods: Poetic Ensemble]. 463 p. (In Russian).

2. Andreev, D. L. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 3 t. Moscow: Uraniya Publ., 1997. Т. 2. *Roza Mira* [Rose of the World]. 608 p. (In Russian).

3. Andrej Kesarijskij. *Tolkovanie na Apokalipsis Svyatogo Ioanna Bogoslova* [Interpretation on the Apocalypse of St. John the Divine]. URL: <http://rusbible.ru/slavic/otkr.14.html#r-otkr-14> (data obrashheniya 03.08.2020).

4. Axmatova, A. A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 6 t. Moscow: E`llis Lak Publ., 1998–2002. (In Russian).

5. Baevskij, V. S. *Nikolaj Gumilev – master stixa* [Nikolay Gumilyov – master of verse] *Nikolaj Gumilev. Issledovaniya. Materialy`. Bibliografiya* [Nikolay Gumilyov. Research. Materials. Bibliography]. St. Petersburg: Nauka, 1994. Pp. 86–99. (In Russian).

6. Blok, A. *Sobranie sochinenij*: V 8 t. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury` Publ., 1960–1963. (In Russian).

7. Bryusov, V. Ya. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 7 t. Moscow: Xudozh. lit. Publ., 1973–1975. (In Russian).

8. Verxolomova, E. V. *Ritmicheskie formy` v liricheskix ciklax N. Gumileva i A. Axmatovoj* [Rhythmic forms in lyric cycles of N. Gumilyov and A. Akhmatova] *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University]. 2008. № 4–2. Pp. 154–159. (In Russian).

9. Voloshin, M. A. *Stixotvoreniya i poe`my`* [Poems]. St. Petersburg.: Pb. pisatel` Publ., 1995. 704 p. (B-ka poe`ta. Bol`shaya seriya). (In Russian).

10. Galich, A. A. *Sochineniya* [Collected Works]: v 2 t. Moscow: Lokid Publ., 1999. («Golosa. Vek XX»).(In Russian).

11. Glinka, F. N. *Sochineniya* [Collected Works]: v 3 t. Moscow: Tip. gaz. «Russkij» Publ., 1869–1872. (In Russian).

12. Dostoevskij, F. M. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 15 t. Leningrad: Nauka Publ., 1988–1996. (In Russian).

13. Esenin, S. A. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]: v 7 t. Moscow: Nauka; Golos Publ., 1995–2001. (In Russian).

14. Zhukovskij, V. A. (*Pervoe perelozhenie Apokalipsisa*) [(First transcription of the Apocalypse)] *Zhukovskij V. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V. 20 t. T. 4. Stixotvornye povesti i skazki* [Zhukovsky V. A. Complete works and letters: V. 20 volumes. V. 4. Poetic

stories and fairy tales]. Moscow: Yazyki slavyanskix kul'tur Publ., 2011. Pp. 330–351. (In Russian).

15. Zinik, Z. *U sebya za granicej* [At home abroad]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2007. 288 p. (In Russian).

16. Kibirov, T. Yu. «Na rekax vavilonskix stonem...» ["We groan on the rivers of Babylon ..."] *Znanya*. 1999. № 4. P. 3. (In Russian).

17. Kryukov, F. D. *Novy'm stroem* [New order]. URL: http://fedor-krjukov.imwerden.de/Publicist_1917/Novim_stroem.htm (data obrashheniya 04.08.2020).

18. Mayakovskij, V. V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]: v 13 t. Moscow: Gos. izd-vo Xudozh. lit. Publ., 1955–1961. (In Russian).

19. Mej, L. A. *Izbranny'e proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1972. 678 p. (B-ka poe'ta. Bol'shaya seriya). (In Russian).

20. *Moskva i «moskovskij tekst» russkoj kul'tury* [Moscow and the "Moscow text" of Russian culture]. Moscow: RGGU, 1998. 224 p. (In Russian).

21. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (data obrashheniya 03.08.2020).

22. *Nekommercheskaya e'lektronnaya biblioteka «ImWerden»* [Non-commercial electronic library "ImWerden"]. URL: <https://imwerden.de/> (data obrashheniya 03.08.2020).

23. Nikolaeva, O. *Otryvki* [Excerpts] *Novyj mir* [New world]. 1988. № 8. Pp. 3–4. (In Russian).

24. Novikov, M. P. *Iz perezhitogo* [From the experience] Novikov M. P. *Iz perezhitogo*. Moscow: E'nciklopediya sel i dereven' Publ., 2004. Pp. 17–331. (Semejnyj arxiv). (In Russian).

25. Orlov, N. *[Kommentarij k Apokalipsisu Svyatogo Apostola Ioanna Bogoslova]* [Commentary on the Apocalypse of the Holy Apostle John the Theologian] *Tolkovaya Bibliya* [Explanatory Bible]: V 11 t. Repr. izd. 1904–1913 gg. Stokgol'm, 1987. T. 11. Pp. 517–609. (In Russian).

26. *Russkaya virtual'naya biblioteka* [Russian virtual library]. URL: <https://rvb.ru/> (data obrashheniya 05.08.2020).

27. Saltykov-Shhedrin, M. E. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 20 t. Moscow: Xudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (In Russian).

28. Sidorovich, L. N. «*Rifmotvornaya psaltir'*» *Simeona Poloczkiego i Vasiliya Titova kak itog tvorcheskogo vzaimodejstviya dvux talantlivyx masterov vostochnoslavyanskoj kul'tury XVII veka* ["Rhyming Psalter" by Simeon Polotsky and Vasily Titov as a result of the creative interaction of two talented masters of East Slavic culture of the 17th century] *Vestnik Poloczkiego gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarny'e nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities]. 2006. № 7. Pp. 117–124. (In Russian).

29. Simashko, M. D. *Iz knigi «Chetvertyj Rim»* [From the book "The Fourth Rome"] *Ierusalimskij zhurnal* [Jerusalem Journal]. 2000. № 6. Pp. 106–158. (In Russian).

30. Simeon Poloczkiy. *Psaltir' czarya Davida, xudozhestvom rifmotvornym ravnomerno sloga i soglasnokonechno, po razlichnym stixom rodom prelozhennaya* [Psalter of Tsar David, arranged in an artistic rhyming syllable] *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2009. № S4. Pp. 276–315. (In Russian).

31. Sumarokov, A. P. *[Pis'mo] G. V. Koziczkomu ot 4 marta 1770 g.* [[Letter] to G. V. Kozitsky dated March 4, 1770] *Pis'ma russkix pisatelej XVIII veka* [Letters from Russian writers of the 18th century]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. P. 137. (In Russian).

32. Sumarokov, A. P. *Polnoe sobranie vsekh sochinenij: V stixax i proze* [Complete collection of all works: In poetry and prose.]. V 10 ch. 2-e izd. Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1787. (In Russian).
33. Tvardovskij, A. T. *Rabochie tetradi 60-x godov* [Workbooks from the 60s] Znamya. 2002. № 5. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1735> (data obrashheniya 04. 08. 2020). (In Russian).
34. Toporov, V. N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury`* [Petersburg text of Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 2003. 616 p. (In Russian).
35. Trediakovskij, V. K. *Sochineniya i perevody` kak stixami, tak i prozoyu* [Writings and translations both in poetry and prose]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. 668 p. (In Russian).
36. *Universitetskaya biblioteka onlajn* [University Library Online]. URL: <https://biblioclub.ru/> (data obrashheniya 04.08.2020).
37. *Fundamental`naya e`lektronnaya biblioteka: «Russkaya literatura i fol`klor»* [Fundamental Electronic Library: "Russian Literature and Folklore"]. URL: <http://feb-web.ru/> (data obrashheniya 05.08.2020).
38. Chexov, A. P. *Pis`mo Chexovu Al. P., 13 maya 1883 g. Moskva* [Letter to Chekhov Al. P., May 13, 1883 Moscow] *Chexov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis`ma: v 12 t. T. 1. Pis`ma, 1875–1886* [Chekhov A. P. Complete Works and Letters: In 30 volumes. Letters: In 12 volumes. V. 1. Letters, 1875–1886]. Moscow: Nauka Publ., 1974 [1974–1983]. Pp. 68–72. (In Russian).
39. Yazy`kov, N. M. *Stixotvoreniya: V 2 ch.* [Poems: In two parts]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1858. (In Russian).
40. Slobodnyuk, S. L., Tsurkan, V.V. Archetypes of «The Babylonian Text» in the Russian Literary Discourse [Arxetipika «vavilonskogo teksta» v russkom literaturnom diskurse: opy`t mezhdisciplinarnogo issledovaniya] / Slobodnyuk S. L., Tsurkan V. V., Abramzon T. E., Kozko N. A. Interdisciplinary Research Practice. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 437. Pp. 515–521. (In English)

«Охотничий текст» русской литературы

В статье описывается принцип формирования «охотничьего текста» русской литературы как тематического единства, в котором отдельные авторские тексты демонстрируют определенную общность замысла и его воплощения. Устанавливается, что тематическое единство «охотничий текст» вбирает в себя произведения художественной, профессиональной охотничьей, публицистической и массовой литературы, имеет междискурсивную природу, представляет собой иерархически организованный свертхтекст и включает авторские субтексты различного характера.

Ключевые слова: свертхтекст, текстовые массивы, тема охоты, охотничий текст русской литературы.

Tatiana Maltseva

"The Hunting Text" of Russian Literature

The purpose of this work is to describe the principle of formation of the "hunting text" of Russian literature as a thematic unity, in which individual author's texts demonstrate the commonality of the concept and its implementation. It is defined that the thematic unity "hunting text" includes works of fiction, professional hunting, journalistic and mass literature, has an interdiscursive nature, it is a hierarchically organized supertext which includes author's subtexts of a different nature.

Key words: supertext, text arrays, hunting theme, hunting text of Russian literature.

... Слово "охота" все еще имеет обаятельную силу... для всех русских. Слышится в этом слове родимый разгул, родимое молодечество и удадь. Веет от этого слова темным бором, безграничным полем, широкой волею, широким раздольем.

Л. Мей («Соборное воскресенье»)

Вообще охота свойственна русскому человеку: дайте мужику ружьё, хоть верёвками связанное, да горсточку пороху, и пойдёт он бродить, в одних лаптишках, по болотам да по лесам, с утра до вечера.

И. С. Тургенев («Записки ружейного охотника Оренбургской губернии С. А-ва»)

Введение

Охота как феномен русской национальной культуры имеет многоплановое отражение в искусстве. Охота как проявление силы, выносливости, отваги и мужества человека, мужчины, война – важная тема русского фольклора

и древнерусской литературы, потому что «[з]вериная ловля в тогдашнее время приносила юношеству, к войне готовившемуся и к ратоборным подвигам приобучавшемуся, великую пользу» [34, с. 88].

Охота как «лов», промысел описана в специальной охотничьей литературе. Охота как «благородная забава» и страсть нашла отражение в художественной литературе, в записках и воспоминаниях заядлых охотников. «Охотничьи страницы» русских писателей и поэтов, наблюдающих природу в уединенных странствиях по ее лесам с «ружьем и лирой», полные лиризма, любования красотой и разнообразием ландшафтов, многообразием птиц и зверей, представляют широкую картину русского мира и русского быта.

Произведения охотничьей тематики были популярны в XIX–XX веках, потому что их авторов отличало много достоинств: они одновременно были, по выражению С. Т. Аксакова, «охотники с душой, натуралисты и литераторы». Благодаря таланту выдающихся русских писателей – «страстных охотников» С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого – тема охоты стала частью «большой» литературы.

Уже в начале XX века были сделаны попытки объединения «охотничьих страниц» русской поэзии и прозы в альманахи и сборники. Это альманах «Охотничий рог» 1925 года издания [28], сборник «Охота и охотник» с предисловием Д. К. Соловьева 1925 года издания [26], сборник «Охота в русской художественной литературе» со вступительной статьей Н. Смирнова 1927 года издания [27]. Но дальше тематического отбора текстов и эмоциональных оценок произведений тогда дело не пошло.

Охотничий миф [7; 8], охотничий нарратив [22], охотничий дискурс [25], охотничий рассказ [24], концепт «охота» [36], охотничий мотив, тема охоты [17; 19], охотничий жанр [4] как литературоведческие категории стали рассматриваться совсем недавно. Подобные исследования показывают, что в современной филологии «охотничий текст» осмысливается как некое единство, представляющее собой практическую, эстетическую и ментальную ценность.

Цель настоящей статьи состоит в описании принципа формирования «охотничьего текста» русской литературы XIX века как тематического единства, в котором отдельные авторские тексты демонстрируют определенную общность замысла и его воплощения. Вхождение авторского охотничьего субтекста в такое единство предполагает исследование этого субтекста в рамках тематического контекста, литературной и культурной традиции.

Материал и метод

В современной отечественной филологии активно реализуется тенденция исследования текстовых массивов, объединяемых общим объектом или событием, общей темой, мотивом. Результативность такого принципа изучения текстовых массивов демонстрируют работы по исследованию локального текста. Методология анализа локального текста как иерархически организо-

ванного сверткста, имеющего тематическое ядро, комплекс субтекстов разной стилистики (фольклорных и авторских) может быть применена и по отношению к другим тематическим единствам.

В настоящей статье мы предлагаем принцип описания такого текстового единства, как «охотничий текст» русской литературы. Материалом исследования служат тексты различных дискурсов: художественного, профессионального охотничьего, публицистического, массовой литературы.

Охота как объект описания

Разработка темы охоты в отечественном литературоведении практически только началась. Перед исследователями в первую очередь стоит задача поиска и систематизации тематических охотничьих текстов, смыслового ядра образа охоты, исследования способов трансляции смыслов этого образа и закрепления их в авторских текстах. Разнообразные характеристики охоты (способ охоты, повадки животных и птиц, виды добычи, особенности охотничьих угодий, охотничьи ритуалы, снаряжение), ее значимое место в истории и национальной культурной памяти, роль в создании общенациональной картины мира представляют охоту как топос с разнообразными смысловыми парадигмами.

Большинство исследователей отправной точкой изучения темы охоты считают середину XIX века, когда в русскую литературу «пришла группа "охотников", создавших русскую классику» [13, с. 96], «понимающих дело» охоты: Н. А. Майков, И. С. Тургенев, А. С. Хомяков, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров, А. К. Толстой, А. А. Фет, Л. Н. Толстой, А. Н. Островский, С. С. Дудышкин, А. И. Халанский, Е. Э. Дряинский, – а С. Т. Аксакова – родоначальником русской охотничьей литературы. Творчество перечисленных авторов представляет собой не весь «охотничий текст», а только вершину одного из дискурсов, составляющих его, – художественную литературу. Этот пласт «охотничьего текста» изучен достаточно подробно в силу значимости имен авторов художественного и «охотничьего текста» и эстетической ценности самих текстов [см.: 9; 12; 13; 15; 31; 33; 38].

Пока обойдены вниманием другие направления «охотничьего текста»: охотничья мифология и эпос; специальная охотничья литература (каноны царских и великокняжеских охот, правила дворянских охот, технология охоты); охотничья журналистика; документально-беллетристическая охотничья проза. Рассмотрим эти составляющие «охотничьего текста».

1. Охотничья мифология

Мифологическое ядро охотничьего текста составляют фольклорные тексты. Их изучение было начато Е. Б. Вирсаладзе в монографии «Грузинский охотничий миф и поэзия» [7] на материале грузинского охотничьего мифа. Приведенные в монографии многочисленные песни и сказания народов Кавказа представляют мотив охоты в фольклоре как доминантный. Методика,

предложенная Е. Б. Вирсаладзе, свидетельствует о типологической общности фольклорной тематики в любом национальном фольклоре. С момента выхода монографии Е. Б. Вирсаладзе (1976 год) ученые в единичных случаях обращались к охотничьим мотивам в фольклоре некоторых народов России: осетинскому и карачаевскому [2], кумыкскому [35], эвенкийскому [16], бурятскому [2]. Системно такие исследования, в том числе и в славянском фольклоре, не проводились. Эта тема еще ждет своего исследователя.

2. Специальная охотничья литература

Ведущая роль охоты как промысла и развлечения в царской и великокняжеской среде и особые требования к организации царской охоты, должностные ритуалы (например, преподнесение почетной рукавицы, пожалование из рядовых сокольников в начальные и др.) стали основой создания канона охоты, отраженного в специальных регулятивных текстах. Первыми такими документами являются «Охотничий регул, принадлежащий до псовой охоты» (ок. 1635), «Урядник или Новое Уложение и устройство чина Сокольничьи пути» (1656). Охотой с птицей увлекались многие русские цари. Соколиная, ястребиная и кречетная охота стали целым ритуалом, что и отражено в устройении «чина Сокольничьи пути».

В конце XIX века Николай Иванович Кутепов, заведующий хозяйством Императорской охоты, по поручению императора Александра III написал четырехтомный труд об истории царской охоты на Руси «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» (1896–1911) [36]. Каждый том был посвящен отдельному периоду в истории охоты и имел собственное название: 1 том – «Великокняжеская и Царская охота на Руси с X по XVI век», 2 том – «Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. XVII век», 3 том – «Царская и Императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век», 4 том – «Императорская охота на Руси. Конец XVIII и XIX век». По мнению издателей, зрелищные сцены царской охоты и охотничьего быта требовали изобразительного материала, поэтому для иллюстрирования книги были приглашены известные художники: Н. С. Самокиш (художественный редактор издания, создавший 173 иллюстрации, виньетки и заставки) [иллюстрация 1], А. П. Рябушкин, А. Н. Бенуа, В. И. Суриков, И. Е. Репин, А. М. Васнецов, В. М. Васнецов, К. В. Лебедев, Ф. А. Рубо, Л. С. Бакст, Л. О. Пастернак, А. К. Беггров, Е. Е. Лансере, К. А. Савицкий, В. А. Серов и другие живописцы.

Книга Н. И. Кутепова была адресована не только охотникам – она представляла собой живописную историю русской культуры и охоты как части национальной истории. Шедеврами иллюстрированного дореволюционного книгоиздания являются также книги «Охота в Беловежской Пуще», посвя-

щенная охоте Императора Александра II в Беловежской пуще в 1860 году. Книга была иллюстрирована рисунками известного художника М. А. Зичи (Михая Зичи) и издана в 1862 году. В 1903 году была издана книга Георгия Карцова «Беловежская пуща. Ее исторический очерк, современное охотничье хозяйство и высочайшие охоты в пуще». Эти иллюстрированные издания до сих пор являются ценными источниками для авторов, пишущих об охоте, и художников, в том числе современных. Охотничьи полотна создают многие современные художники: В. А. Горбатов, автор серий рисунков «Соколиная охота в рисунках», «Сокольники Алексея Михайловича»; С. А. Кириллов (картина «Царский сокольничий с соколом») [иллюстрация 2], С. Н. Ефошкин (картина «Сокольничий VII века»), О. С. Маслов (картина «Царская охота» [иллюстрация 3], А. В. Глебов (картина «Царская охота» [иллюстрация 4] и другие художники.

С нашей точки зрения, графические работы и живописные охотничьи полотна тоже могут являться частью «охотничьего текста», так как графика и живопись демонстрируют визуальный образ охоты и связанных с ней ритуалов с опорой на семантику литературных образов. Живописные образы охоты в разнообразных изобразительных вариантах наряду с письменными «охотничьими текстами» представляют единую философско-эстетическую концепцию национальной жизни и транслируют те же смыслы этого ритуала, что вошли в общенациональную картину мира: охота – это проявление удали, силы, ловкости, выносливости, мужества и отваги.

Удачная охота возможна при условии слаженных коллективных действий и высокого развития сопутствующих ей ремесел. Как писали авторы в начале XIX века, охота «требуется больших приготовлений, отличной сбруи, множества людей, лошадей, собак...» [23, с. 159], поэтому наряду с описанием царской соколиной охоты уже с XVIII века начинают издаваться наставления и руководства по другим видам охоты и для других сословий. В 1766 году в Санкт-Петербурге была издана на русском языке первая в России охотничья книга «Наставления человеку, упражняющемуся в охоте, и разговор двух приятелей пустынного и лесолова, о должности охотника в наблюдении охоты и хранении заповедных мест». Книга была переводная с немецкого языка, автором перевода был Л. И. Краузолд. «Наставления...» дали толчок созданию отечественных охотничьих руководств. В течение XIX века было издано несколько десятков руководств для любителей охоты: «Карманная книга для егерей и охотников» анонимного автора Н. Н. и А. Ф. Храброва (1836) [23], «О псовой охоте» А. Венцеславского (1846) [6], «Псовая охота» Н. Реутта (1846), «Замечания московского охотника

на ружейную охоту с легавой собакой» Н. А. Основского (1852), «Полное руководство ко псовой охоте» П. М. Губина (1890), «Русская охота» Л. П. Сабанеева (1897) и другие. В 1873 году вышла первая в России энциклопедия «Охота в России во всех ее видах» М. П. Вавилова. Эти издания подпитывали интерес к охоте и, возможно, побудили многих охотников писать свои охотничьи заметки.

Специальная «охотничья литература» тоже пока не исследована и не систематизирована, хотя она представляет большую историческую и культурную ценность. В ней не только описывались приемы ведения охоты – такая литература содержала важные практические сведения о природном и животном мире России. Роль специальной литературы совершенно точно отметил один из авторов XIX века, знаток псовой охоты Петр Михайлович Мачеварианов: «Охота, вообще, есть сильное влечение, страсть к занятию любимым предметом и энергическое, настойчивое стремление к доведению до всевозможного совершенства как действий, так и различных принадлежностей этого предмета. Успех же в достижении желаемого молодит душу и тешит сердце охотников, бодрит и веселит стариков и молодежь доводит до восторга. Но успех этот достигается не лежачим на боку, а приобретается трудом и тонким знанием всего относящегося до избранного предмета охоты» [21, с. 7]. Этой цели и служили специальные руководства.

На сегодняшний день научных библиографических указателей такой литературы нет. В распоряжении исследователя находятся два дореволюционных издания «указателей» охотничьей литературы: «Библиографический указатель книг и статей охотничьего и зоологического содержания» Л. П. Сабанеева (1883) [30] и «Русская охотничья библиотека» Н. Ю. Анофриева (1905) [2].

Специальная охотничья литература с библиографической и исторической точки зрения рассмотрена в монографии О. А. Егорова «Очерк истории русской псовой охоты (XV–XVIII вв.)» [11]. В монографии приведено большое количество архивных материалов о времени и месте изданий по псовой охоте, об авторах специальной литературы.

3. Охотничья журналистика

Охотничья журналистика XIX века – практически не исследованная область «охотничьего текста», хотя журнальных материалов по охоте для анализа достаточно. В 1842 году Н. Реутт стал издавать первый в России «охотничий» «Журнал коннозаводства и охоты» (1869–1874), с 1855 года стала выходить еженедельная «Газета лесоводства и охоты» (1855–1859 гг.). Следом стали издаваться «Журнал охоты» (1858–1877, 1890–1893), «Журнал

Московского общества охоты» (1870). Конечно, издание охотничьих журналов и газет было делом рук энтузиастов, но издатели смогли привлечь к участию известных публицистов, писателей, ученых, интересующихся жизнью природы и охотой.

В 1873 году выдающийся общественный деятель биолог Леонид Павлович Сабанеев начал издавать популярный журнал «Природа». Вышло 17 иллюстрированных томов журнала, который с 1878 года, объединившись с «Журналом Императорского общества охоты», стал выходить под названием «Природа и охота». В новом журнале печатались известные ученые: химик Д. И. Менделеев, географ, антрополог, этнограф, археолог, музеевед, Д. Н. Анучин, биолог С. А. Усов, ботаник И. Д. Чистяков, знаменитый русский натуралист, орнитолог и зоолог, писатель и путешественник М. Н. Богданов, зоолог Н. П. Вагнер и многие другие.

Конец XIX века знаменуется взрывным развитием охотничьей журналистики – журналы открываются один за другим: «Русский охотник. Еженедельный иллюстрированный журнал (под редакцией В. П. Урусова, издавался в 1890–1895 гг.), «Охотник: еженедельный иллюстрированный журнал, посвященный всем отраслям спорта» (издатель М. И. Нейбюргер, 1887–1889 гг.); ежемесячный иллюстрированный журнал «Охотничье дело» (под редакцией Н. В. Туркина, 1901–1903 гг.); «Конская охота. Коннозаводский, скаковой и рысистый еженедельный иллюстрированный журнал» (под редакцией Г. П. Богданова, 1891–1907 гг.); иллюстрированное еженедельное издание «Охотничья газета», которую издавали Л. В. Сабанеев и Н. В. Туркин (1888–1912 гг.) и другие.

Материалы охотничьей тематики печатались и в литературно-публицистических журналах «Современник», «Москвитянин», «Библиотека для чтения», что свидетельствует об общем интересе к теме охоты, которая рассматривалась не только как промысел или забава, но и как инструмент межсословного объединения, коренная основа русского характера.

Ценность охотничьей периодики состоит в насыщенности публикаций бытовыми подробностями охоты, хрониками охотничьих событий, о которых нигде больше не упоминается, что подчеркивает уникальность опубликованных в журналах материалов. Кроме того, в журналах печатались материалы фактографического характера, тоже больше нигде не публиковавшиеся: перепись состояния зверофонда России, региональные особенности промысла отдельных видов зверей, описание охотничьих угодий разных краев и областей.

Научный подход к охотничьей и природоведческой журналистике наметен в статьях А. В. Ляпиной [18], О. В. Кубышко [14]. В работах исследователей описано как общее состояние природоведческой и охотничьей журналистики конца XIX века, так и роль охотничьей прессы как элемента «нового социокультурного сознания»: «охотничья пресса на широком фоне проблемно-тематических связей демонстрирует многогранный опыт взаимодействия человека с миром живой природы, ориентируясь, в том числе, на лучшие традиции классической литературы, создавшей позитивный образ охоты и охотника» [18, с. 58].

4. Документально-беллетристическая охотничья проза

Этот пласт «охотничьего текста» жанрово разнороден: его составляют записки, письма, охотничьи рассказы, очерки, случаи на охоте, воспоминания, размышления, эскизы, зарисовки с натуры, были, картинки с натуры. В этом ряду присутствуют выдающиеся и достаточно известные произведения: «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» Сергея Тимофеевича Аксакова (1852), «Записки мелкотравчатого» Егора Эдуардовича Дриянского (1859), «Записки псового охотника Симбирской губернии» Петра Михайловича Мачеварианова (1876), «Записки охотника Восточной Сибири» Александра Александровича Черкасова (1856–1863 гг.) и др.

У охотничьей беллетристики есть свои особенности. Так как этот пласт «охотничьего текста» представляет собой воспоминания, все произведения объединяет общее отношение к охоте как золотому времени «настоящей» жизни на воле, в среде «величественной, таинственной и наивной, прекрасной и могущественной, искренней и простой» [29. 1891. № 3. С. 6], «лучшие моменты» из прошлой жизни, «блаженные часы и дни» и общие эмоции азарта и восторга. Общее мнение о «прелести» охоты так выразил один из авторов: «Вам, господа охотники, хорошо известны все эти чувства, какие овладевают нами в лесу, с пожелтевшими деревьями, с коричневой подстилкой из опавших, мокрых от утреннего тумана листьев, с этой осенней тишью, – все эти ожидания, волнения, усиленный стук пульса, вся эта напряженность нервов и вся прелесть этого дела» [29, 1891. № 4].

Кроме того, охотничья беллетристика формирует собирательный образ охотника как «героя времени». По мнению В. А. Кошелева, такой герой был «выражением внутренней потребности времени, которому на определенном этапе оказался необходим именно *охотник* как некий объединяющий символ (курсив автора. – Т. М.) [13, с. 111]. В образе охотника-повествователя был создан тип современного героя русской жизни, наделенного лучшими чертами русского национального характера. Необходимость поиска основы наци-

онального единства отметил еще Аксаков в предисловии к «Запискам об охотеньи»: «Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетями и удочкой за рыбою – все имеют одно основание: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою» [1, IV, с. 10]. В образе охотника такой характер был найден.

Ценность и значимость охотничьей беллетристики в создании философско-эстетической концепции национальной жизни отмечена в исследовательской литературе. Укажем работы Н. А. Хохловой [36], М. М. Одесской [24], А. В. Мельниковой [22]. Охотничья беллетристика тиражировала востребованный образ героя, живущего в единении с природой, и закрепляла его в сознании читателя.

Таким образом, рассмотрев разнообразные характеристики охоты в произведениях различной стилистической и жанровой природы, мы установили, что тема охоты, занимающая значимое место в истории и национальной культурной памяти и играющая важную роль в создании общенациональной картины мира, объединяет все проанализированные составляющие в тематическое единство – «охотничий текст» русской литературы.

Заключение

Итак, мы рассмотрели содержание понятия «охотничий текст» русской литературы и возможные составляющие этого текста. Установив, что тема охоты рассматривается в современном литературоведении в русле различных литературоведческих категорий: охотничьего мифа, охотничьего нарратива, охотничьего дискурса, охотничьего рассказа, концепта «охота», охотничьего мотива, – мы предположили, что они рассматриваются в рамках единого тематического контекста, имеющего общий топос – охота.

В настоящей статье мы описали принцип формирования «охотничьего текста» русской литературы XIX века как тематического единства, в котором отдельные авторские тексты демонстрируют определенную общность замысла и его воплощения.

Выяснив, что исследуемое тематическое единство вбирает в себя произведения художественной, профессиональной охотничьей, публицистической и массовой литературы, мы установили, что «охотничий текст» имеет междискурсивную природу, представляет собой иерархически организованный сверткест и включает авторские субтексты различного характера. Вхождение авторского охотничьего субтекста в тематическое единство «охотничий текст» предполагает исследование этого субтекста в рамках тематического контекста, литературной и культурной охотничьей традиции.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 5 т. / [Под общ. ред., с вступ. статьей и примеч. С. Машинского]; [Илл.: Л. Хайлов]. М.: Правда, 1966 (Б-ка «Огонек»).
2. Анофриев Н. Ю. Русская охотничья библиотека: Полн. список книг и брошюр с краткими о каждой из них отзывами. Брест-Литовск: Тип. И. Кобринца, 1905. 160 с.
3. Батуева И. Б. Формирование культуры охотничьего промысла у бурят // Вестник Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств. 2015. № 2 (9). С. 13–16.
4. Булгаков М. По следу Хоря и Калиныча: рождение охотничьего жанра в русской художественной литературе // Свой: приложение к газете «Культура». 2015. № 1. С. 36–40. Электронный ресурс. URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/zapiski-okhotnika/75475-posledu-khorya-i-kalinycha/> (дата обращения: 05.08.2020).
5. Васильченко Ю. А., Олянич А. В. Лингвосемиотика охотничьей коммуникации: Монография. Волгоград, 2014. 140 с.
6. Венцеславский А. О псовой охоте. М., 1846. 116 с.
7. Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы; АН СССР, 1976. 361 с. (Серия «Исследования по фольклору и мифологии»).
8. Вирсаладзе Е. Б. Из истории охотничьего эпоса в Грузии. Б.м., 1958. С. 70–75.
9. Громов В. А. Ружье и лира Тургенева // Охотничьи просторы. М., 1964. Вып. 20. С. 190–200.
10. Губин П. М. Полное руководство ко псовой охоте: в 3 ч. М., 1890. 178 с.
11. Егоров О. А. Очерк истории русской псовой охоты (XV–XVIII вв.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 664 с.
12. Ковалев В. А. «Записки охотника» И. С. Тургенева. Вопросы генезиса / отв. ред. В. Г. Базанов; АН СССР, Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский дом). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 133 с.
13. Кошелев В. А. Эффект *охотника* в русской литературе середины XIX века // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 1: И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. С. 95–111.
14. Кубышко О. В. Журналы Л. П. Сабанеева: история становления и типология специализированного периодического издания XIX века // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 1. С. 176–185.
15. Куделько Н. А. Традиции поэтики И.С. Тургенева в русской литературе XX в. (Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский, Ю. П. Казаков): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 219 с.
16. Лазарева Л. Б. Промысловые обряды эвенков // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (2). С. 96–99.
17. Ляпина А. В., Черенкова В. В. Тема охоты в эпистолярном дискурсе И. С. Тургенева // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. Электронный ресурс. URL: <http://www.science-education.ru> (дата обращения: 05.08.2020).
18. Ляпина А. В. Опыт взаимодействия человека и природы в специализированной прессе конца XIX века (на материале журналов «Природа и охота» и «Русский охотник») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6: Журналистика. С. 49–61.
19. Ляпина А. В. Тема охоты в журнальной беллетристике второй половины XIX века (на материале журнала «Природа и охота») // Славянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Т. П. Рогожникова. Омск, 2015. С. 141–150.

20. Мамчуева Ф. О. Образ божества охоты в карачаевской и осетинской традиционной культуре: сравнительно-сопоставительный аспект (на примере карачаево-балкарских и осетинских песен и легенд) // Всероссийские Миллеровские чтения. 2018. № 6. С. 53–61.
21. Мачеварианов П. М. Записки псового охотника Симбирской губернии. В двух частях. Приложение к «Журналу охоты», 1876. М., 1876. 119 с.
22. Мельникова А. В. Охотничьи нарративы в русской литературе второй половины XIX – первой трети XX в. // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. (Эволюция форм художественного сознания; вып. 4). С. 61–81.
23. Н. Н., Храбров А. Ф. Карманная книга для егерей и охотников или бесценный подарок любителям звериной ловли и птичьей стрельбы. М.: Тип. А. Евреинова, 1836. 222 с.
24. Одесская М. М. Русский охотничий рассказ второй половины XIX века (типология, традиции): дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 200 с.
25. Олянич А. В. Охотничий дискурс // Дискурс-Пи. Екатеринбург, 2015. № 2. Т. 12. С. 170–172.
26. Охота и охотник / под редакцией и с предисловием Д. К. Соловьева. Л.-М.: Новая Деревня, Российская государственная академическая типография, 1925. 200 с.
27. Охота в русской художественной литературе / ред. и вступ. ст. Н. Смирнова. М.: Современные проблемы, 1927. 381 с.
28. Охотничий рог. М.: Современные проблемы, 1925. 294 с.
29. Природа и охота. Ежемесячный иллюстрированный журнал. М., 1878–1892.
30. Сабанеев Л. П. Библиографический указатель книг и статей охотничьего и зоологического содержания. М.: тип. А.А. Карцева, 1883. 479 с.
31. Сегень А. Национальные особенности тургеневской охоты (К 150-летию выхода «Записок охотника») // Наш современник. 2002. № 8. С. 57–62.
32. Сокаева Д. В. Тема охоты в несказочной прозе Осетии // Фундаментальные исследования. 2014. № 6–2. С. 405–408.
33. Стенина В. Ф. Охота в чеховском тексте: ритуал и поведенческие стратегии // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2013. № 3 (40). С. 288–290.
34. Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских. Харьков: Императорский университет, 1818. Ч. 1. 208 с.
35. Халипаева И. А. Охотничьи легенды и предания кумыков // European Social Science Journal. 2014. № 12 (51). С. 177–182.
36. Хохлова Н. А. Об особенностях концепта охоты в рассказах А. П. Чехова первой половины 1880-х годов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 11–19.
37. [Царская охота на Руси]: Ист. очерк Николая Кутепова: в 4 т.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1896–1911.
38. Швецова Т. В. «... с нею, как с поэзией, связано особое чувство» (Тема охоты в «Записках охотника» И. С. Тургенева) // Спасский вестник: материалы Всероссийской Тургеневской конференции к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева, 21–25 сент. 2008 г., Спасское-Лутовиново / ред.-сост. Е. Н. Левина. Тула: ИПП «Гриф и К», 2009. Вып. 16. С. 118–125.

Иллюстрации

1. Самокиш Н. Н. Электронный ресурс. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/veralex/post232285711/> (дата обращения: 15.08.20).
2. Кириллов С. А. Царский сокольник с соколом. Электронный ресурс. URL: <https://www.kirillovgallery.ru/index.php?menu=29&type=document&p=72&lang=> (дата обращения: 15.08.20).
3. Маслов О. С. Царская охота с соколом. Электронный ресурс. URL: <https://vfl.ru/fotos/d1b9b68531091387.html?antid=1> (дата обращения: 15.08.20).
4. Глебов А. В. Царская охота. Электронный ресурс. URL: http://www.artlib.ru/objects/gallery_950/artlib_gallery-475486-o.jpg (дата обращения: 15.08.20).

References

1. Aksakov, S. T. *Sobr. soch.* [Collected Works]: V 5 t. [Pod obshch. red., s vstup. stat'ej i primech. S. Mashinskogo]; [Ил.: Л. Hajlov]. Moscow: Pravda Publ., 1966 (В-ка «Ogonek»). (In Russian).
2. Anofriev, N. YU. *Russkaya ohotnich'ya biblioteka: Poln. spisok kn. i broshyur s kratimi o kazhdoj iz nih otzyvami* [Russian Hunting Library: Complete List of Books and Brochures with Brief Reviews]. Brest-Litovsk: tip. I. Kobrinca, 1905. 160 p. (In Russian).
3. Batueva, I. B. *Formirovanie kul'tury ohotnich'ego promysla u buryat* [Formation of the culture of hunting among the Buryats] *Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts]. 2015. № 2 (9). Pp. 13–16. (In Russian).
4. Bulgakov, M. *Po sledu Horya i Kalinycha: rozhdenie ohotnich'ego zhanra v russkoj hudozhestvennoj literature* [On the trail of Khor and Kalinych: the birth of the hunting genre in Russian fiction] *Svoj: prilozhenie k gazete «Kul'tura»* [Own: supplement to the newspaper "Culture"]. 2015. № 1. Pp. 36–40. Elektronnyj resurs. URL: <https://portal-kultura.ru/svoy/articles/zapiski-okhotnika/75475-po-sledu-khorya-i-kalinycha/>
5. Vasil'chenko, YU. A., Olyanich A. V. *Lingvosemiotika ohotnich'ej kommunikacii: Monografiya* [Linguosemiotics of hunting communication: Monograph]. Volgograd, 2014. 140 p. (In Russian).
6. Venzeslavskij, A. *O psovoj ohote* [About hound hunting]. Moscow, 1846. 116 p. (In Russian).
7. Virsaladze, E. B. *Gruzinskij ohotnichij mif i poeziya* [Georgian hunting myth and poetry]. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury; AN SSSR, 1976. 361 s. (seriya «Issledovaniya po fol'kloru i mifologii»). (In Russian).
8. Virsaladze, E. B. *Iz istorii ohotnich'ego eposa v Gruzii* [From the history of the hunting epic in Georgia]. B.m., 1958. С. 70–75. (In Russian).
9. Gromov, V. A. *Ruzh'e i lira Turgeneva* [The gun and the lyre by Turgenev] *Ohotnich'i prostory* [Hunting spaces]. Moscow, 1964. Vyp. 20. Pp. 190–200. (In Russian).
10. Gubin, P. M. *Polnoe rukovodstvo ko psovoj ohote. V trekh chastyah* [The Complete Guide to Hound Hunting. In three parts]. Moscow, 1890. 178 p. (In Russian).
11. Egorov, O. A. *Oчерк istorii russkoj psovoj ohoty (XV–XVIII vv.)* [Essay on the history of Russian hound hunting (XV – XVIII vv.)]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 2008. 664 p. (In Russian).

12. Kovalev, V. A. «*Zapiski ohotnika*» I. S. Turgeneva. *Voprosy genezisa* ["Notes of a hunter" by I. S. Turgenev: questions of genesis] otv. red. V. G. Bazanov; AN SSSR, In-t rus. lit-ry (Pushkinskij dom). Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1980. 133 p. (In Russian).

13. Koshelev, V. A. *Effekt ohotnika v russkoj literature serediny XIX veka* [The hunter's effect in Russian literature of the mid-19th century] I. S. Turgenev. *Novye issledovaniya i materialy*. Vyp. 1: I. S. Turgenev. *Novye issledovaniya i materialy* [I.S.Turgenev. New research and materials. Issue 1: I.S. Turgenev. New research and materials] otv. red. N. P. Generalova, V. A. Lukina. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arheo Publ., 2009. Pp. 95–111. (In Russian).

14. Kubyshko, O. V. *ZHurnaly L. P. Sabaneeva: istoriya stanovleniya i tipologiya specializirovannogo periodicheskogo izdaniya XIX veka* [L. P. Sabaneev's journals: the history of formation and typology of a specialized periodical of the 19th century] *Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [News of the Southern Federal University. Philological sciences]. 2016. № 1. Pp. 176–185. (In Russian).

15. Kudel'ko, N. A. *Tradicii poetiki I.S. Turgeneva v russkoj literature XX v. (B. K. Zajcev, K. G. Paustovskij, YU. P. Kazakov): dis. ... d. filol. nauk* [The traditions of poetics of I.S. Turgenev in Russian literature of the XX century. (B. K. Zaitsev, K. G. Paustovsky, Yu. P. Kazakov): dis. ... d. filol. sciences]. Moscow, 2005. 219 p. (In Russian).

16. Lazareva, L. B. *Promyslovye obryady evenkov* [Evenk fishing rituals] *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki* [Arctic XXI century. Humanitarian sciences]. 2014. № 1 (2). Pp. 96–99. (In Russian).

17. Lyapina, A. V., Cherenkova V. V. *Tema ohoty v epistolyarnom diskurse I.S. Turgeneva* [The topic of hunting in the epistolary discourse of I.S.Turgenev] *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2014. № 5. Elektronnyj resurs. URL: <http://www.science-education.ru>.

18. Lyapina, A. V. *Opyt vzaimodejstviya cheloveka i prirody v specializirovannoj presse konca XIX veka (na materiale zhurnalov «Priroda i ohota» i «Russkij ohotnik»)* [The experience of interaction between man and nature in the specialized press of the late 19th century (based on the magazines "Nature and Hunting" and "Russian Hunter")] *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology]. 2019. T. 18. № 6: ZHurnalistika. Pp. 49–61. (In Russian).

19. Lyapina, A. V. *Tema ohoty v zhurnal'noj belletristike vtoroj poloviny XIX veka (na materiale zhurnala «Priroda i ohota»)* [The topic of hunting in journal fiction of the second half of the 19th century (based on the journal "Nature and Hunting")] *Slavyanskije chteniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2 chastyah* [Slavic readings: materials of the All-Russian scientific and practical conference: in 2 parts]; otv. red. T. P. Rogozhnikova. Omsk, 2015. Pp. 141–150. (In Russian).

20. Mamchueva, F. O. *Obraz bozhestva ohoty v karachaevskoj i osetinskoj tradicionnoj kul'ture: sravnitel'no-sopostavitel'nyj aspekt (na primere karachaevsko-balkarskih i osetinskih pesen i legend)* [The image of the deity of the hunt in the Karachai and Ossetian traditional culture: a comparative-comparative aspect (on the example of Karachai-Balkarian and Ossetian songs and legends)] *Vserossijskie Millerovskie chteniya* [All-Russian Millerov readings]. 2018. № 6. Pp. 53–61. (In Russian).

21. Machevarianov, P. M. *Zapiski psovogo ohotnika Simbirskoj gubernii. V dvuh chastyah. Prilozhenie k «ZHurnalu ohoty»* [Notes of a hound hunter of the Simbirsk province. In two parts. Appendix to the "Log of the Hunt"]. 1876. Moscow, 1876. 119 p. (In Russian).

22. Mel'nikova, A. V. *Ohotnich'i narrativy v russkoj literature vtoroj poloviny XIX – pervoj treti XX v.* [Hunting Narratives in Russian Literature in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries] *Dialogi klassikov – dialogi s klassikoj: sb. nauch. st.* [Dialogues of classics – dialogues with classics: collection of scientific articles]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014. (Evolyuciya form hudozhestvennogo soznaniya; vyp. 4). Pp. 61–81. (In Russian).
23. N. N., Hrabrov, A. F. *Karmannaya kniga dlya egerej i ohotnikov ili bescennyj podarok lyubitelyam zverinoj lovli i ptich'ej strel'by* [A pocket book for gamekeepers and hunters or an invaluable gift for lovers of animal fishing and bird shooting]. Moscow: Tip. A. Evreinova, 1836. 222 p. (In Russian).
24. Odesskaya, M. M. *Russkij ohotnichij rasskaz vtoroj poloviny XIX veka (tipologiya, tradicii): dis. ... kand. filol. nauk* [Russian hunting story of the second half of the XIX century (typology, traditions): dis. ... cand. philol. sciences]. Moscow, 1993. 200 p. (In Russian).
25. Olyanich, A. V. *Ohotnichij diskurs* [Hunting discourse] *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi]. Ekaterinburg, 2015. № 2. T. 12. Pp. 170–172. (In Russian).
26. *Ohota i ohotnik* [Hunting and hunter] pod redakciej i s predisloviem D. K. Solov'eva. Leningrad-Moscow: Novaya Derevnja, Rossijskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya, 1925. 200 p. (In Russian).
27. *Ohota v russkoj hudozhestvennoj literature* [Hunting in Russian fiction] red. i vstup. st. N. Smirnova. Moscow: Sovremennye problem Publ., 1927. 381 p. (In Russian).
28. *Ohotnichij rog* [Hunting horn]. Moscow: Sovremennye problem Publ., 1925. 294 s.
29. *Priroda i ohota. Ezhemesyachnyj illyustrirovannyj zhurnal* [Nature and hunting. Monthly illustrated magazine]. Moscow, 1878–1892. (In Russian).
30. Sabaneev, L. P. *Bibliograficheskiy ukazatel' knig i statej ohotnich'ego i zoologicheskogo sodержaniya* [Bibliographic index of books and articles of hunting and zoological content]. Moscow: tip. A.A. Karceva, 1883. 479 p. (In Russian).
31. Segen', A. *Nacional'nye osobennosti turgenevskoj ohoty (K 150-letiyu vyhoda «Zapisok ohotnika»)* [National features of the Turgenev hunt (To the 150th anniversary of the release of "Notes of a Hunter")] *Nash sovremennik* [Our contemporary]. 2002. № 8. Pp. 57–62. (In Russian).
32. Sokaeva, D. V. *Tema ohoty v neskazochnoj proze Osetii* [The topic of hunting in the non-fairytale prose of Ossetia] *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2014. № 6–2. Pp. 405–408. (In Russian).
33. Stenina, V. F. *Ohota v chekhovskom tekste: ritual i povedencheskie strategii* [Hunting in Chekhov's text: ritual and behavioral strategies] *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education]. Gorno-Altajsk, 2013. № 3 (40). Pp. 288–290. (In Russian).
34. Uspenskij, G. P. *Opyt povestvovaniya o drevnostyah russkih* [The experience of narrating about the antiquities of the Russians]. Har'kov: Imperatorskij universitet Publ., 1818. CH. 1. 208 p. (In Russian).
35. Halipaeva, I. A. *Ohotnich'i legendy i predaniya kumykov* [Hunting legends and traditions of the Kumyks] *European Social Science Journal*. 2014. № 12 (51). Pp. 177–182. (In Russian).
36. Hohlova, N. A. *Ob osobennostyah koncepta ohoty v rasskazah A. P. Chekhova pervoj poloviny 1880-h godov* [On the features of the concept of hunting in the stories of A.P. Chekhov in the first half of the 1880s] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2015. № 400. Pp. 11–19. (In Russian).

37. [*Carskaya ohota na Rusi*]: *Ist. ocherk Nikolaya Kutepova* [Royal hunt in Russia: historical sketch of Nikolai Kutepov]. V 4 tt.: Ekspediciya Pzgotovleniya gos. bumag, 1896–1911. (In Russian).

38. SHvecova, T. V. «... s neyu, kak s poeziej, svyazano osoboe chuvstvo» (*Tema ohoty v «Zapiskah ohotnika» I. S. Turgeneva*) [“... with her, as with poetry, a special feeling is connected” (The theme of hunting in the “Notes of a Hunter” by I. S. Turgenev)] *Spasskij vestnik: materialy Vserossijskoj Turgenevskoj konferencii k 190-letiyu so dnja rozhdeniya I. S. Turgeneva, 21–25 sent. 2008 g., Spasskoe-Lutovinovo* [Spassky Bulletin: materials of the All-Russian Turgenev Conference on the 190th anniversary of the birth of I. S. Turgenev, 21–25 Sep. 2008, Spasskoye-Lutovinovo] red.-sost. E. N. Levina. Tula: IPP «Grif i K», 2009. Vyp. 16. Pp. 118–125. (In Russian).

Роль лексических средств в определении жанровой специфики произведения А. С. Пушкина «Метель»

В статье рассматривается жанровая специфика повести А. С. Пушкина «Метель». Отмечая отсутствие единого взгляда на жанровую природу «Метели» в литературоведении, автор обнаруживает в произведении Пушкина жанровые признаки новеллы, рассказа и повести. Применяя методику медленного чтения, компонентного и статистического анализа, автор устанавливает парадоксальность жанрового статуса «Метели»: по формальным признакам это – новелла, но по содержанию и композиции – рассказ, для которого более характерен прием ретроспекции. Анализ названия произведения, эпиграфа к нему и авторской идеи движения/неподвижности, которая имеет не только событийный, но и философский смысл, приводит к закреплению за произведением авторской жанровой номинации.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, повесть «Метель», фабула, сюжет, жанр, лексические средства.

Alexey Snigirev

The Role of Lexical Means in Determining of Genre Specificity of the Work "The Snowstorm" by A. Pushkin

The article examines the genre specificity of the story "The Snowstorm" by Alexander Pushkin. The author notes the absence in literary criticism of a unified view of the genre nature of "The Snowstorm". The author analyzes the presence of genre signs of a novel, a short story and a story in Pushkin's production. Applying the technique of slow reading, component and statistical analysis, the author establishes the paradoxical nature of the genre status of "The Snowstorm". In formal terms, "The Snowstorm" is a novel, but in terms of content and composition it is a short story with method of retrospection. Analysis of the title, the epigraph and the author's idea of movement/immobility, which has not only an eventful, but also a philosophical meaning, leads to the assignment of the author's genre nomination to the work.

Key words: A. Pushkin, "The Snowstorm", story, plot, genre, lexical means.

Произведения, в которых, на первый взгляд, главенствующей является фабула, и авторская позиция не выражена вовсе, вызывают неизменный

успех у читателя и искреннее недоумение у исследователя. Когда же большой художник создает именно такое, прежде всего фабульное, произведение, – недоумение исследователя не знает границ.

Примером могут служить «Повести Белкина» А. С. Пушкина, где основой всего внешне является именно фабула, а автор не виден ни при каком рассмотрении. Действительно, «Повести Белкина» в целом и в частности входящая в них повесть «Метель» – самые загадочные произведения русской литературы, что наглядно демонстрирует тот огромный «разброс» интерпретаций, которые они вызывают. В них видят и прощание с прошлым, и подготовку к женитьбе (М. Гершензон, В. Узин), и желание показать несостоятельность в России жанра новеллы (Н. Берковский), и пародию на жанры сентиментальных и романтических повестей (А. Чичерин, Л. Анненский), и создание из беллетристики русской классической прозы (В. Тюпа), и воплощение темы бунта (Г. Макогоненко).

Высокая насыщенность «Повестей Белкина» событиями, лежащая на поверхности, их ярко выраженная фабульность позволяют исследователям жанрово определять их как новеллы (Н. Петрунина, Г. Макогоненко), забывая об авторском определении – «*Повести Белкина*» (здесь и далее курсив наш. – А. С.). Действительно, в читательской рецепции произведения эти осознаются как новеллы по причине преобладания в них внешнего действия. «Метель» же из всех повестей цикла наиболее фабульна, в ней читатель обнаруживает длинную цепь событий, совершенно не замечая автора, который раньше прогуливался по Санкт-Петербургу с Евгением Онегиным. Предположим, что «Метель» все же можно определить жанрово как новеллу, и, следовательно, она должна отличаться острым центростремительным сюжетом и композиционной строгостью. Таким образом, получается, что для «Метели» главной идеей должна быть идея движения, причем движения стремительного и развивающегося в прямой последовательности. Представляется интересным определить, каким образом в тексте воплощается, и воплощается ли вообще, данная идея движения.

Поставив перед собой такую задачу, позволим себе проанализировать «Метель» и посмотрим, каким же образом она сделана именно как новелла. При этом будут использоваться методики медленного чтения, компонентного и статистического анализа.

Но начнем с названия. В четырехтомном словаре русского языка слово «метель» определяется как «сильный ветер со снегом». Значение слова «ветер» же подается как «движение потока воздуха в горизонтальном положении». Таким образом, компонентный анализ существительного «метель»

позволяет выявить категориально-лексическую сему «*движение*». Создается ситуация, когда само название новеллы дает сигнал читателю о том, что движение станет важным для всего повествования. Об этом говорит и эпиграф, взятый из Жуковского, который начинается строками «Кони мчатся по буграм...»

Как уже отмечалось, предполагается, что «Метель» написана в жанре новеллы, для которой важны как формальные признаки – небольшой объем, рассказ о каком-то случае, передача именно фабулы; так и поэтизация случая, предельное обнажение ядра сюжета, которым становится одно событие. Таким образом, если говорить о функционально-смысловых типах текста, новелла по определению представляет собой повествовательный тип. Такой тип текста имеет следующие особенности: установка на рассказ о событиях с показом хода их в развитии, выделение основных узловых фактов, изображение событий во взаимосвязи. Но при этом содержание и форма «Метели» несколько отличаются от канонического повествовательного типа, для которого характерны логическая последовательность событий, подчеркивание динамики действия, хронологизация композиции. В связи с этим остановимся на рассмотрении персонажей и композиции новеллы Пушкина.

Нетрудно заметить, что персонажи «Метели» на протяжении всей новеллы не претерпевают никакого движения. Марья Гавриловна с первых строк до последних остается романтически настроенной барышней на выданье; Бурмин, хоть и ходят слухи о его прошлом, так и остается человеком с «интересной бледностью» [2, с. 76]; Владимир во второй части оказывается героем второго плана, и Пушкин холодно замечает: «Владимир уже не существовал» [2, с. 75].

В композиции новеллы есть, как может показаться, завязка – решение Марьи Гавриловны и Владимира пожениться, и развязка – осознание Бурминым того, на ком именно он женат. Возникает ощущение, что кульминация как таковая отсутствует. По всей логике кульминация должна наступить, когда Марья Гавриловна приезжает в церковь, но вместо этого автор уводит нас в сторону и описывает злоключения Владимира. При внимательном прочтении мы можем найти две сюжетные линии в новелле.

Первая, которую можно обозначить как линию отношений Марьи Гавриловны и Владимира, выглядит следующим образом: Марья Гавриловна влюбляется во Владимира – Они договариваются о тайном венчании – Венчание не происходит – Владимир уходит на войну – Смерть Владимира.

Перед нами обычная, простая линия, ограниченная двумя точками: появление Владимира в роли «бедного армейского прапорщика» и его смерть. Следует отметить, что эти события хронологически совпадают со временем их совершения.

С другой стороны, есть и вторая, более сложная сюжетная линия, которую можно определить как линию отношений Марьи Гавриловны и Бурмина. Обозначить ее можно через такие важные, узловые моменты, как: Венчание Бурмина с Марьей Гавриловной – Возвращение Бурмина с войны и повторное знакомство его с Марьей Гавриловной – Признание Бурмина – История его женитьбы – Бурмин узнает в Марье Гавриловне девушку, с которой он повенчан.

Это реконструкция событий во времени, и выглядит она линейно. В новелле, как мы помним, сюжетная линия выглядит иначе – история Бурмина и Марьи Гавриловны дается через ретроспекцию, представленную в финале новеллы.

Это композиция более полная: в ней есть и завязка (приезд Бурмина), и кульминация (его призвание в любви), и развязка (Бурмин узнает Марию Гавриловну). Первая же линия, связанная с образом Владимира, который, как мы уже замечали, является образом второстепенным, так же не суть важная и не суть главная.

При этом выясняется одно любопытное обстоятельство – фабула первостепенна, сюжет отношений Бурмина и Марьи Гавриловны имеет обратное движение и развивается через ретроспекцию.

Таким образом, если говорить об особенностях жанра «Метели», то перед нами парадоксальная ситуация: по всем формальным признакам это – новелла, но по содержанию и композиции – рассказ, для которого более характерен прием ретроспекции.

Однако только одно определение жанра не дает нам представления о том, как именно сделана «Метель» Пушкина. Отталкиваясь от положения, что идея движения должна быть главной в новелле, посмотрим реализацию ее на различных языковых уровнях.

Идея движения на лексическом уровне реализуется глагольной лексикой. Именно поэтому мы обратили особое внимание на лексическое пространство глаголов в тексте «Метели». Всего в тексте 368 глагольных слов и словоупотреблений: причастий и деепричастий, личных форм глаголов различных видов (умереть – умирать, уговорить – уговаривать, заложить – закладывать).

Как известно, глаголы совершенного вида обозначают действие, ограниченное пределами целостности. Целостность действия в этом случае связана с неделимостью действия, обозначаемого глаголом, на фазы. Действие, выражаемое глаголами совершенного вида, сосредоточено в одной точке, в одном пределе. Поэтому глаголы совершенного вида не могут сочетаться с фазовыми глаголами (начать, продолжить, кончить). Глаголы несовершенного вида обозначают действие длительное, протяженное во времени, не ограниченное в одной точке.

И снова мы сталкиваемся с проблемой жанра данного произведения. В новелле должны преобладать глаголы совершенного вида, так как сама последовательность событий заложена в значении этих глаголов. Глаголы несовершенного вида не характерны для новеллы, если исходить из их грамматической семантики. Новелла – это, прежде всего, быстрая сменяемость, кратковременность событий, что на грамматическом уровне выражается глаголами совершенного вида. Длительное, продолжительное действие, выражаемое глаголами несовершенного вида, характерно скорее для рассказа.

Г. А. Золотова выделяет различные функции глагольного вида: «У глаголов совершенного вида различаются функции аориста и перфекта: у глаголов несовершенного вида – имперфекта, в двух разновидностях: процессуально-длительный и качественно характеризующий» [1, с. 27].

С точки зрения функции категории вида, все глагольные формы, встречающиеся в тексте новеллы, можно разделить на три группы:

1. Глаголы, выполняющие аористивную функцию. Эти глаголы, последовательно сменяя друг друга, ведут сюжет от завязки к развязке. Например: *взвидеть, взглянуть, воскликнуть, взять, вздумалось* и т.д.: «Марья Гавриловна *взглянула* на него с удивлением» [с. 78], «Я молча *выпрыгнул* из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами» [2, с. 79].

2. Глаголы, выполняющие перфективную функцию, которая включает в сюжетное время состояние (лица, предмета, пространства), являющееся результатом предшествующего действия, либо предельное состояние, перешедшее в новое качество. Например: *обвенчать, отобедать, забыть, подойти, возмужать, возвратиться, успокоить* и т.д.: «Он славился во всем округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно *ездили* к нему *поить, попить, поиграть* по пять копеек в бостон с его женой...» [2, с. 68].

3. Глаголы, выполняющие имперфективно-процессуальную функцию, при этом действие или состояние предстают в их наблюдаемой протяженности, не ограниченной временными рамками. Например: *видеть, слышать, чувствовать, вредить, бросать, бежать*, и т.д.: «Лошадь его чуть *ступала*» [2, с. 72], «Марья Гавриловна сама, в беспрестанном бреду, *высказывала* свою тайну» [2, с. 74].

Итоги статистического анализа глагольных форм совершенного и несовершенного вида в тексте «Метели» представлены в следующей таблице.

Вид глагола	Количество глагольных лексем	%
Глаголы в имперфективно-процессуальной функции	165	45
Глаголы в перфективной функции	131	35
Глаголы в аористивной функции	72	20
	369	100

Как наглядно можно убедиться, в тексте «Метели» глаголы совершенного вида преобладают количественно (в целом 55% от общего числа глаголов). Но исследование показало, что из них 35% приходится на глаголы в аористивной функции. Все это говорит о том, что на грамматическом уровне наблюдается использование таких видо-временных форм глаголов, которые подчеркивают не характер и смену событий, а длительность, повторяемость, незавершенность действия, выражаемого этими глаголами.

Продолжая рассматривать реализацию идеи движения в произведении, отметим лексемы, выражающие временную и пространственную обусловленность действия. Если продолжать считать «Метель» произведением фанбульным, ориентированным на действие, то преобладающими в нем должны быть обстоятельства времени, обозначающие быструю смену событий, подчеркивающие динамизм действия, такие, как: *в одну минуту, тотчас, скоро, вдруг*, и т.д. Однако из 50 выделенных обстоятельственных детерминантов с временным значением, выраженных наречием или косвенным падежом существительного с предлогом или без, только 5 обстоятельств с временным значением являются таковыми. Например: «*Скоро* нашел он дорогу и въехал во мрак дерев...» [2, с. 72], «*В одну минуту* дорогу занесло...» [2, с. 71] и т.д. Все же остальные обстоятельственные детерминанты с временным значением подчеркивают длительность, многократность действия, протяженность его во времени: «*Марья Гавриловна долго* колебалась...» [2, с. 77], «*Целый день* Владимир был в разъезде» [2, с. 71] и т.д.

Схожую картину мы можем констатировать, проанализировав обстоятельственные детерминанты с пространственным значением. В тексте преобладают пространственные детерминанты, характеризующие пространство в первую очередь как длительное, протяженное. Например: «Но он ехал, ехал... роще *не было конца*» (Пушкин, с. 72), «Недалече: *верст с десяток* будет» [2, с. 73].

Завершая разговор о синтаксисе новеллы Пушкина «Метель», нельзя не отметить, что в тексте преобладают предложения, осложненные однородными членами, сложносочиненные предложения, бессоюзные сложные предложения, то есть такие синтаксические конструкции, одним из средств связи в которых является перечислительная интонация, что не может не «играть» на монотонность, неторопливость повествования. Такая «неспешная» манера не может быть свойственной произведению сюжетному. Например: «Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее *предаться* ему, *венчаться* тайно, *скрываться* несколько времени, *броситься* потом к ногам родителей...» [2, с. 69], «Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов было отвергнуто» [2, с. 69].

Остановимся на эпизоде метели, в которой теряется Владимир, несколько подробнее. Именно в этом эпизоде мы можем наблюдать все языковые средства, которые служат для создания образа не движения, а его отсутствия. Это лексические повторы («Все сугробы да овраги; *поминутно* сани опрокидывались, *поминутно* он их поднимал» [2, с. 72]), использование глаголов несовершенного вида в сочетании с фазовыми глаголами, то есть составных глагольных сказуемых («Время *шло*; Владимир *начал* сильно *беспокоится*» [2, с. 72], «Наконец, в стороне *стало* что-то *чернеть*» [2, с. 72] и т.д.).

Кроме того, метель предстает уже не только метеорологическим явлением. Можно говорить о концептуально важном образе «метели». Описание метели становится центральным местом произведения, именно метель «*не утихала*; ветер *дул навстречу*, как будто *силясь остановить* молодую преступницу» [2, с. 71]. После метели все развитие сюжета идет на убыль. Именно тогда автор дает важный сигнал в тексте, характеризуя ситуацию движения следующим образом: «Но возвратимся к добрым ненарадновским помещикам и посмотрим, что у них *делается*. А *ничего*» [2, с. 73].

Таким образом, можно говорить и о третьей, имплицитной, линии сюжета, кульминацией которой становится именно метель. Метель, в которую попадает Владимир, является высшей точкой не движения, не действия, как должно было бы быть, а «анти-движения», замедления, отсутствия движения, бесконечного блуждания, беспрестанных задержек. Исходя из этого можно утверждать, что третья линия сюжета произведения – это линия движения, переходящего в неподвижность. Данная сюжетная линия заложена уже в названии новеллы и имеет свою кульминацию – сцену метели.

Итак, и название, и эпиграф, и заявленная по ходу текста обращенность к фабульной литературе, литературе прежде всего действия, движения как основы произведения, оборачивается противоположностью. В «Метели» на самом деле ничего и никуда не двигается, ни один характер не развивается, все остается на своих местах и даже композиция текста построена на ретроспекции. Кроме того, сюжетная линия перехода движения в статику становится не менее важной, чем остальные линии произведения. Как можно увидеть на всех уровнях текста – начиная от композиции и заканчивая уровнем глагольной лексики – реализуется идея не движения, как, казалось бы, должно быть, а идея затягивания действия, прекращения движения, перехода в статическое состояние.

После прочтения «Метели», да и остальных «Повестей Белкина», приходит ощущение того, что в произведениях есть что-то невыразимое, более важное, чем фабула, чем мастерски построенная композиция и блистательная

авторская ирония. Движение, радостное упоение жизнью, многочисленные авантюрные приключения, к счастью для читателя, оборачиваются в большинстве случаев благополучными финалами, – все эти очевидные свойства повестей вступают в конфликт с их языком. Как мы показали, именно на языковом уровне была воплощена идея отсутствия движения, прекращения его, идея энтропии. Принимая во внимание то, что в «Повестях Белкина», как и в «меленьких трагедиях», написанных в этот же период «Болдинской осени», очень много героев, чей жизненный путь заканчивается смертью, можно предположить, что в «Метели» прежде всего на языковом уровне А. С. Пушкиным сознательно или подсознательно реализуется ощущение неизбежности смерти.

Список литературы

1. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998, 528 с.
2. Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 6 т. М., 1949. Т. 4. С. 306–319.

References

1. Zolotova, G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. YU. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 1998, 528 p. (In Russian).
2. Pushkin, A. S. *Metel'* [The Snowstorm] Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch: v 6 t.* [Full composition of writings: v 6 t.]. Moscow, 1949. T. 4. Pp. 306–319. (In Russian).

Романный субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (Статья первая)

В статье, обобщив свои многолетние изыскания, автор раскрывает сущность семейной хроники – жанра литературы, предметом которого является изображение жизни нескольких (как правило, от двух до четырёх) поколений одного семейства. Авторы семейной хроники сопоставляют судьбы разных поколений, выявляют их сходство и различия, фиксируют преемственность поколений в контексте эпох. История семьи способна в сжатом виде вместить историю страны в ту или иную драматическую эпоху. Эти произведения создаются писателями именно для того, чтобы возродить преемственность поколений – т.е. доказать, что главные катаклизмы позади, и жизнь продолжается, несмотря на трагические и драматические коллизии. Однако историзм романа семейной хроники своеобразен: крупные события, присутствующие в романе, не интересуют автора сами по себе, но они находят отражение как имеющие значение для данной семьи. В первой статье анализируются атрибутивные признаки данного жанра.

Ключевые слова: романная проза, жанры, семейная хроника, роман-эпопея, романная ситуация, «мысль семейная», историзм, хроникальность, повседневность.

Eugeny Nikolsky

The Family Chronicle as Novel Subgenre: Questions of History and Theory (Article One)

In the article the researcher reveals the essence of the family chronicle – a genre of literature, the subject of which is the image of the life of several (usually from two to four) generations of the same family. The authors of the family chronicle compare the fates of different generations, identify their similarities and differences and record the continuity of generations in the context of epochs. The history of the family is able to contain the history of the country in a concise form in a particular dramatic era. These works are created by writers precisely in order to revive the continuity of generations, that is, to create a new one and to prove that main cataclysms are over and life continues, despite the tragic and dramatic collisions. However, the historicism of the novel-family chronicle is peculiar: the major events present in the novel do not interest the author as such, but they are reflected as significant for the family. The first article analyzes the attributes of this genre.

Key words: novel prose, genres, family chronicle, the novel-epic, "the idea family" historicism, novel situation, chroniclemost, everyday life.

Появление в XIX–XXI веках многочисленных произведений с большей или меньшей точностью определяемых как «семейные хроники» – «Будденброки» Томаса Манна, «Сага о Форсайтах» Голсуорси, «Семья Тибо» Мартена дю Гара, «Хроника Паскье» Дюамеля, – явление общеизвестное. Специфика жанрового типа, как и всякого иного, во многом определяется его генезисом. Семейная хроника по ряду признаков, несомненно, может быть соотнесена с социально-бытовым романом, получившим развитие уже в литературе XVIII–XIX веков. Сужение семейной тематики в первой половине XIX века и, напротив, ее последующее расширение имеют причины социально-исторического и типологического порядка.

Жанр семейной (чаще родовой) хроники никогда не уступал по своей популярности детективу, исторической беллетристике и любовному роману. В сознании читателей хроника рода всегда была наиболее солидным и основательным литературным жанром [8].

Романы и длинные повествования о бытии и смене поколений воистину украшают каждую национальную литературу. Их объединяют такие общие особенности, как схожесть судеб, развитие конфликтных ситуаций, преемственность и обновление бытовых традиций и прочие. В немецкой литературе читательское призвание отдано «Будденброкам» Т. Манна. Французская литература выдвигает двадцать томов романного полотна о Ругонах и Маккарах Э. Золя; «..и Компанию» Жана-Ришара Блока; историческую пенталогию «Проклятые короли» М. Дрюона. Английские хроники возглавляет «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси. Яркое произведение этого типа, созданное в Латинской Америке, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса также соотносится с этим жанром. Стремление расширить пределы повествования, имеющего вполне частный характер, рассмотреть в малом великое становится влиятельным художественным принципом литературы XX века [9].

Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни.

М. М. Бахтин посвятил свои работы изучению истории романа; он довел свои изыскания до литературы XX века. Исследователь не выделил «семейную хронику» как особый подвид романа, а только определил некоторые пути ее дифференциации. Сам этот термин Бахтин не применял, но в качестве синонима рассматриваемому нами жанру он ввел терминологическое сочетание «роман поколений» и определил некоторые особенности проблематики и мотивов жанра, в частности, выделяя как особый мотив «разрушение идил-

лии» [2, с. 381]. Ученый отметил, что «роман поколений» с его мотивом «разрушения идиллии» (т.е. вырождения и распада) вызван историческими событиями XIX–XX веков, катаклизмами эпохи. Принимая в целом концепцию М. М. Бахтина, мы считаем, что общественные катаклизмы, экономические и культурные кризисы второй половины XIX – начала XX веков действительно способствовали появлению «семейной хроники» как особого поджанра романной прозы.

А. В. Чичерин в своей известной книге «Возникновение романа-эпопеи» [17], анализируя появление литературных новинок, отмечает и некоторые общие закономерности литературного процесса, приводящие к появлению новых жанровых форм. Анализ концепции А. В. Чичерина показывает, что исследователь не отделял «семейную хронику» от романа-эпопеи. В указанных жанрах наблюдаются тенденции сближения, пересечения, но полного отождествления не происходит. Анализ различия основных черт этих жанровых разновидностей будет проведен нами ниже.

Рассмотрение форм репрезентации семейной истории в художественной словесности не относится к наиболее разработанным аспектам мировой филологии, несмотря на то, что данной проблеме посвящен ряд довольно основательных исследований. Примером могут служить работы И.-Л. Ру [3], К. Делл [1], Д. Джонса [2], Н. П. Порохняк [15] и других. Во время подготовки этой статьи мы столкнулись с проблемой терминологической неопределенности относительно понятия романа семейной хроники в зарубежном и отечественном литературоведении, поскольку ученые для обозначения объекта своего исследования использовали разную терминологию. Обратимся к англо-американским, польским и украинским источникам, что позволит нам обогатить методологическую базу нашего исследования.

Сразу отметим, что нет единого подхода к определению самого термина «роман семейная хроника», а также критерии для классификации этого литературного жанра. Длительное время роман семейной хроники, или семейный роман, вообще трактовался литературными критиками как «тривиальный» жанр, который не имеет художественной ценности. Однако на современном этапе развития литературоведения появляются труды, которые высоко оценивают роль романов такого типа. В таком контексте следует обозначить монографию К. Делл «The Family Novel in North America from Post – war to Post – Millennium: A study in Genre» («Семейный роман в Северной Америке во второй половине XX века: изучение жанра») [1]. Основные положения этой работы мы рассмотрим ниже. Среди известных нами работ необходимо отметить два подхода к классификации произведений о семье. Один из них предложила К. Делл, а другой – Д. Джонс [17].

Литературовед Д. Джонс предложил рассматривать семейную парадигму, основываясь на следующих фазах семейных отношений. Ученый отмечает и выделяет фазу детства и период ранней зрелости, моменты, когда герой оставляет семью, покидает отчий дом, период выбора брачного партнера (время ухаживаний), период создания семьи, где описываются отношения между супругами, а затем между родителями и детьми и завершающий семейное бытие, как правило, период мудрой и спокойной старости. Кроме того, выделяются сюжеты, в которых описывается смерть или возможность гибели героя или героев [17, p. 293].

По нашему мнению, в романе семейной хроники присутствуют все вышеозначенные сюжетные линии. Применяв методологический подход Д. Джонса к анализу семейной хроники «Люборацкие» украинского писателя А. Свидницкого, «Дела Артамоновых» М. Горького и пенталогии Вс. Соловьева «Хроника четырех поколений», а также «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси, мы находим подтверждение идеи Д. Джонса о фазах внутрисемейных отношений в указанных произведениях.

Так, у Всеволода Соловьева описываются и юношеские годы Сергея Горбатова, и детские годы его сыновей, что соответствует образцу детского нарратива. Отъезд Сергея во Францию и отбытие его сыновей на учебу можно отнести к переходному нарративу. В произведении описываются романтические отношения Сергея Горбатова-старшего с нежно любимой Таней, княжной Пересветовой, а также история взаимной жертвенной любви (на фоне войны 1812 года, декабристского восстания и ссылки в Сибирь) Бориса Горбатова и Нины Ламзиной – здесь мы имеем дело с романтическим нарративом. Кроме того, в романе описаны четыре супружеских пары Горбатовых (на протяжении трех поколений, включая и факт адюльтера). Изображены в «Хронике...» и разнообразные отношения между родителями и детьми, дядями и племянниками. То же самое мы прослеживаем в развитии и становлении главных героев «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси и в романе «Люборацкие» А. Свидницкого.

Монография И.-Л. Ру «Семейный роман. Опыт определения жанра» является одним из наиболее обстоятельных современных исследований романа семейной хроники. Материалом послужили произведения писателей Западной Европы (Англия, Франция, Германия) и Азии. Различая *family novel* и *novel* (собственно семейный роман и роман вообще) и выделяя семейный роман как отдельный подвид (субжанр), исследовательница утверждает, что семья и поколения как мотив длительное время существует в литературной традиции, однако «семейный роман не развивался как отдельный жанр до

конца XIX столетия» [18, p. 2]. По мнению И.-Л. Ру, одним из первых романов семейной хроники в мировой литературе стали «Будденброки» Т. Манна: «... это первый прототип семейного романа, <...> который определил быстрое развитие этого субжанра тем, что он показал более-менее его четкую форму, что "выделило" его среди других типов романной прозы» [18, p. 4].

Разночтения по поводу дефиниции исследуемого жанра присутствуют и при анализе иных произведений. Возьмем, к примеру, «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Так, польской литературовед Ю. Пальчевский употребляет по поводу романа Голсуорси термин *roman-fleuve* (роман-река) и указывает основные характеристики такого произведения: реалистическое изображение истории двух поколений одной семьи на фоне широкой панорамы жизни британского общества во второй половине XIX столетия [19, s. 6]. Однако такая дефиниция нам представляется неполной, так как здесь не раскрывается жанровая сущность произведения.

Американская исследовательница И.-Л. Ру пользовалась термином *family novel*, т.е. семейный роман, анализируя «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси. А. Л. Ферст этот роман характеризует как *multigenerational novel* – роман о множестве поколений. К. Делл внедряет понятие *family saga*, семейная сага, или *famile chronicle*. Во французском литературоведении встречается термин *Le-roman-cycle familia* (циклический семейный роман), применяемый для романов, посвященных истории нескольких поколений одной семьи.

Литературовед К. Делл предлагает свое разделение текстов о семье и выделяет такие подвиды романа:

1) семейный «романс» – жанр, в котором изображается зарождения семьи, повествуется о начале отношений, развитии чувств, помолвке, бракосочетании;

2) домашний роман (семейно-бытовой роман), который сводится к изображению бытовых сцен, описанию образа жизни семьи в пределах одного поколения;

3) семейный роман, в котором описывается семья в пределах одного или двух поколений;

4) семейная сага, или роман семейная хроника, где представлено изображение жизни больше двух поколений [16, p. 34]. Однако в этом описании нами не было найдено четких критериев разграничения между домашним и семейным романами.

Кроме того, К. Делл определяет виды семейного романа по типу социально-психологической принадлежности героев, по изображению этнических, или конфессиональных групп (англосаксонские, протестантские семьи, семьи белых или семьи афроамериканцев, еврейские семьи).

Хотя исследование построено на основе романов американской прозы второй половины XX столетия, нам представляется продуктивными и перспективными мысли автора относительно природы художественного творчества. К. Делл пытается объяснить, почему жанр семейного романа негативно воспринимался критиками. Она считает, что часто в научных трудах семейный роман ассоциировался с домашним романом (*domestic novel*), т.е. не с художественными, а с документальными хрониками – описаниями родословной, родового древа, которые начиная с XV столетия известны в Европе под названием «домашние хроники». Например, о заветной родовой тетради речь идет в романе Томаса Манна «Будденброки», или о франкоязычных записках у Вс. Соловьева.

По словам И. С. Кона, в данном контексте речь идет о так называемых документальных семейных хрониках торговцев и ремесленников, возникших в Италии в XIII–XIV вв. и распространившихся затем в других странах и в других социальных группах. Хроники изначально предназначались для узкого круга родственников, ведь в них излагалась история «...семьи и важнейшие события жизни авторов, однако они весьма не психологичны; личность автора проступает в изложении, но отнюдь не является предметом исследования» [4, с. 71].

Основным недостатком таких текстов, по мнению критиков, является невысокий уровень художественности. Однако, несмотря на отсутствие острых социальных проблем, «трафаретность» в изображении героев, поведение которых легко предсказать, описание жизни лишь в рамках одной семьи, преимущественно в пределах одного района, города или местечка, такие произведения вызывали значительный интерес широкого круга читателей. К. Делл полагает, что семейный роман – «это жанр, который не только очень живой, но и радикальный и революционный так же, как и время, в которое исследуемые тексты были написаны» [16, р. 8]. Взяв за основу герменевтический подход, К. Делл на синхронном уровне определяет функцию семейного романа как «*social diagnosis*» («социальный диагноз»), то есть его назначение – определить общественную болезнь и выявить её причины и следствия.

Принимая во внимание то, что семейный дискурс часто сопрягается с политическим дискурсом, исследовательница на базе изучения художественного текста анализирует состояние американского общества. В таком контексте актуальной становится тема социальных недугов (в том числе и для конкретной общественной группы, класса или сословия) как важная часть проблематики семейных хроник вообще. К. Делл утверждает, что тему социальной болезни в художественном тексте не «обязательно следует считать

симптомом упадка, <...> она также может быть индикатором кризиса», после которого индивид может выйти обновленным и исцеленным. Литературовед при таком подходе трактует болезнь как путь к очищению, как своего рода катарсис, способный обновить душу, очистить отношения в пределах одной семьи или одного сословия, открыть новые пути и возможности. Данное наблюдение актуально, например, не только для соловьевской пенталогии, но и для «домашнего романа» Генриха Сенкевича «Семья Поланецких». Подробнее типы внутрисемейной эволюции мы рассмотрим ниже.

В таком контексте примечательно и наблюдение И.-Л. Ру, которая полагает, что семейный роман является своего рода «энциклопедией, которая позволяет посмотреть на жизнь людей, жизнь одной нации в прошлом» [18, р. 169]. Например, история семьи в семейной хронике С. Т. Аксакова вписывается в историческое время. Для этого автор вводит информацию о социальных порядках той поры. Такой же подход мы можем наблюдать в романе «Люборацкие» А. Свидницкого. В произведении представлена панорама жизни православного духовенства и мелкопоместной шляхты в 40–60 гг. XIX столетия на Украине. Развитие семейных отношений в романе «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси происходит на фоне расцвета и упадка Викторианской эпохи в Британии в конце XIX – начале XX столетия.

В таком контексте примечательно наблюдение о том, что центральной темой в романе семейной хроники выступает «упадок (decline) рода» [19, р. 168]. Кроме того, авторы романов такого типа предпринимают попытки развить этот жанр в более современную форму посредством использования мифологических парадигм (например, «Сто лет одиночества»), психологизма, следуя при этом сложившейся традиции.

Убыстрение темпов исторического развития в XIX–XX веках и активное внедрение общественных событий в качестве причинно-следственных составляющих жизни простых людей не могли не отразиться в искусстве и литературе. События французской буржуазной революции, наполеоновских войн, реставрации, крутые общественные повороты приводили к тому, что в сознание очень широких масс «...проникло значение истории. Свое собственное существование множество людей, непосредственно затронутых событиями этого времени, начинает понимать как нечто исторически обусловленное» [13, с. 5]. Романы В. Скотта, А. де Мюссе, Б. Констана, О. де Бальзака и других талантливых романистов первой половины XIX века уже отличаются тем, что в них многое исторически обусловлено, «и с первых строк **история** входит в них как главная действующая сила» (выделено мною. – *Е. Н.*) [13, с. 5].

Разумеется, что личность немислима вне контактов с обществом. Поэтому при определении личности и ее места в романе надо иметь в виду характер ее взаимоотношений с обществом. Прояснить такое соотношение нам позволяет понятие романной ситуации, составляющей базовую основу романа как жанра.

Романная ситуация представляет собою взаимоотношения личности, среды и микросреды, где личностью является герой, обладающий более-менее значимым внутренним миром; микросредой – совокупность главных героев; средой же – совокупность таких героев, с которыми соприкасаются герои романного типа, и которые, как правило, далеки и чужды им.

Вследствие этого в романе всегда имеет место дифференциация и иерархия персонажей, которые составляют микросреду и чьи судьбы воспроизводятся наиболее четко и дифференцированно. Им отдается большая часть воспроизводимого в романе пространства и времени, в силу чего романский сюжет, стремясь к полноте и масштабности, как правило, ограничен в пространстве местом пребывания и встреч главных героев, а во времени – тем периодом их жизни, который необходим для становления и проявления их сознания, для обретения ими более весомой, с точки зрения героя и автора, жизненной позиции. Таким образом, специфика романной ситуации и особенно такой ее значимой части, как микросреда, является определяющим фактором для уточнения жанровых трансформаций семейного романа.

Применительно к теме нашего изыскания отметим, что «... пространственно-временные отношения оказываются узлом связей, позволяющих уточнить понятие сюжета, рода, жанра, художественной системы» [10, с. 21]. Особо выделим также и то, что эти же отношения внутри структуры художественного произведения «играют роль своеобразных систем отсчета (арен событий, их последовательность) и наиболее ярко это выступает в романах-хрониках» [7, с. 7].

Исходя из всего вышеизложенного, нам представляется целесообразным обратиться к дефиниции такого понятия, как время. Обычно приводится следующее определение: время – проявление бытия, с точки зрения настоящего, прошлого и будущего и покоящихся на них отношений «раньше», «одновременно», «позже». Время отражает длительность и последовательность событий. Оно неразрывно связано с изменением. Без изменения, т.е. без процессов, нет времени, оно относительно независимо по отношению к тому, что именно изменяется.

Выделим необходимые для нас свойства и качества времени. Во-первых, оно отражает в себе все происходящие в объективной и субъективной реальности процессы в их последовательном движении, без какой-либо аксиоло-

гической (или экзистенциальной) рефлексии. Во-вторых, время характеризуется следующими свойствами: длительностью, последовательностью, необратимостью.

Под первым из них подразумевается, что любой факт или явление занимает во времени определенное положение, которое может быть количественно измерено (в традиционных единицах измерения – часах, днях, годах, столетиях и т.д.). При этом следует учитывать то, что темп (или интенсивность) процесса в разных условиях может измениться. Иными словами, за один промежуток времени (день, час) может произойти разное количество событий.

Применительно, к изучению особенностей прозы это означает, что определенные части романа могут содержать описание большого количества событий, а другие – констатировать (причем зачастую весьма кратко), что ничего особенного не произошло. При этом вполне естественно, что общий «ход времени» не нарушается, а лишь фиксируется художником. Последовательность (как свойство времени) означает, что события расположены во времени, подобно звеньям одной цепи. Необратимость – это то, что последовательность не может быть изменена; однако, в художественном произведении автор волен как угодно располагать факты, если это соответствует его глубинным замыслам, хотя читатель, подойдя к финалу, все равно восстанавливает реальную последовательность событий.

Академик Д. С. Лихачев писал: «Когда время произведения течет открыто и связано с историческим временем, в произведении легко может совмещаться несколько рядов и последовательность событий может перестанавливаться. Ведь перестановки совершаются в этом случае на фоне исторического времени. Читатель легко может ориентироваться в реальной последовательности событий, восстановить эту последовательность. События имеют как бы некоторую прикрепленность. За последовательностью событий в произведении стоит другая последовательность – историческая, реальная» [5, с. 41].

Наиболее ярко такая особенность структуры художественного произведения проявляется в историческом романе и в хрониках. Вполне закономерно, что при всей широте романной проблематики возникает множество частных аспектов, которые (в конечном счете) формируют различные виды, типы и подтипы этого жанра.

М. М. Бахтин отмечал, что роман является становящимся и развивающимся жанром. Роман концентрируется в себе типологические особенности художественной проблематики. Постоянное движение романа объясняется не изменением его жанровой сущности, а тем, что его основная ситуация всякий

раз наполняется новым конкретно-историческим содержанием и находит воплощение в различных жанровых формах. По мнению А. Я. Эсалнек, «... романное начало присутствует там, где есть явно выделенные семантически и сюжетно герои, обладающие возможностью и потребностью самостоятельно и творчески мыслить и потому, как правило, противостоящие широко или узко представленной среде» [15, с. 170].

В качестве такой среды в произведении может быть представлен обобщенный образ эпохи, которую герои могут принимать и не принимать, искать свое место в потоке исторического времени. Таким образом, романное начало может пересекаться с хроникальностью, образуя тем самым своеобразный жанровый синтез, получивший наименование романа-хроники.

Исходя из этого, дополняя все вышесказанное, обратимся к толкованию в литературоведческой науке самого термина хроника, составляющего вторую часть семантического ядра определения исследуемого жанра. Итак, хроника – это «литературный жанр, излагающий исторические события в их временной последовательности» [12]. При этом подразумевается, что временная последовательность должна быть линейной, т.е. не иметь в себе отступлений от прямолинейности своей организации.

В «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987) приводится более развернутое определение: «хроника – (греч. *chronika* – летопись) литературный жанр, содержащий изложение событий в их временной последовательности. В центре время – как субъект исторического процесса. Если в дневнике на первый план выступает личность автора, а в историческом романе – характеры и взаимоотношения действующих лиц, активно проявляющих себя в истории, то в хронике организующей силой сюжета и композиции представляется сам ход времени (подчеркнуто мною. – *Е. Н.*), которому подвластны действия и судьбы персонажей. Для хроники характерен экстенсивный сюжет, образующийся чередованием сцен, фрагментов, картин меняющейся действительности, структура хроники отражает темп, длительность, порядок и ритм отражаемых событий, за точку отчета которых принимаются моменты реально-исторического времени... Замкнутое, остановившееся время – предмет семейной, усадебной реалистической хроники (С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков)... Редкая как самостоятельный жанр хроника образует внутри многих произведений систему включения реального исторического времени в вымышленный сюжет» [14, с. 487].

Отметим, что, сопрягаясь с хроникальностью, романное начало не утрачивает своей специфики, но все произведение в целом приобретает новый эстетический смысл. В процессе развития литературы сложилось несколько типов романов-хроник. Это, прежде всего, хроника историческая (например,

произведения В. С. Пикуля «Слово и дело», «Реквием каравану PQ-17» и другие), хроника производственная, имевшая место в советской литературе 1920–30-х годов, и, наконец, семейная.

Для последнего типа романа отличительной чертой является специфика соотношения среды и микросреды, которая представлена группой лиц, связанных между собой родственными узами, то есть микросреда равна семье. Особо отметим, что состав микросреды в ходе действия романа может меняться из-за основных процессов: появления на свет, взросления, старения, смерти героев произведения. Так же изменчивы и сами функции персонажей: они могут переходить из главных героев во второстепенные, т.е. из микросреды в среду, и наоборот.

Средой в семейных романах выступает все общество в целом (или какая-нибудь его часть) на протяжении значительного, а не краткого времени (как в романах Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» или В. Шишкова «Угрюм-река»), периода истории. Итак, в семейных хрониках, наблюдается господство последовательного (линейного) изложения событий, что является характерной чертой и отличает хронику от других жанров. К примеру, если взять хорошо известные романы У. Фолкнера «Шум и ярость» и «Герой нашего времени» М. Лермонтова, то в них мы наблюдаем гетерохронное изложение событий, чего нет в семейной хронике.

Следует особо отметить, что типичная для романа проблема взаимодействия личности и окружающего мира представлена в семейной хронике так же, как и в других разновидностях этого жанра.

Для произведений рассматриваемого нами жанра характерно обращение проблематики на изображение бытия одной семьи на протяжении нескольких (т.е. 2–4) поколений. В проблематику семейных хроник включаются различные аспекты: социально-экономические, нравственные и, наконец, эволюция семьи или ее деградация. Поэтому для дальнейшего анализа нам необходимо рассмотреть следующий жанрообразующий фактор – темпоральное построение семейных хроник.

По мнению З. И. Кирнозе, в произведениях этого жанра присутствует «особое родовое время, органически прикрепленное, приращенное к жизни семьи. В периодах сватовства и жениховства, медовых месяцев и созревания плода, подрастания сыновей и дочерей, превращения их самих в мужей и жен есть свой естественный ритм, определяемый и природой человека и вековыми установлениями семьи» [3, с. 157]. Этот общий ритм ослабляет и округляет временные разграничения каждой индивидуальной жизни, входящей в семью, создает предпосылки для изображения единства жизни поколений,

синтеза понятий «семья» и «время». Родовое время можно рассматривать, по-видимому, как признак того «фольклорного времени», которое порождает в литературе уже во времена античности особый тип семейной идиллии.

Сочетание понятий «семья» и «время» рождает особую связь. Восприятие подробностей жизни, обычаев, установлений тормозит развитие сюжета, делая ритм семейной хроники несколько замедленным. Протяженность во времени, стремление к охвату десятилетий, без которых невозможно показать изменения в семье на протяжении нескольких поколений, тяготение к полноте изображения обычно требуют от семейной хроники большого объема. Этот формальный признак оказывает между тем свое воздействие на все элементы ее структуры. Семейные хроники обычно «разбираются» на отдельные тома, хотя настоящее движение осуществляется только при их сцеплении. Объем повествования, наличие нескольких книг, осознание невозможности для читателя охватить их сразу требуют от авторов приемов повтора, напоминания, поиска «опорных» ситуаций, деталей и мотивов.

Здесь несомненны определенные трудности и для автора, и трудности не только технические. Они сказываются уже в построении сюжета. По своему характеру хроника в ее естественном свойстве предполагает поступательное развертывание событий, их простую хронологическую последовательность, цепочку причин и следствий, взаимообусловленность образов. В идеале семейная хроника должна излагаться неторопливым языком, незаметно ориентируя читателя на восприятие самых существенных и важных моментов. Наконец, главное – герои. Хроникальные персонажи преимущественно являются собой так называемые типизированные образы представителей различных социальных слоев. Здесь подразумеваются не только отдельные личности, но, конечно, и большие семьи, кланы и сонмы родственников.

Художественное время может расширяться за счет сведений о родословии героев (вплоть до XVI в. и далее, если учесть, что само действие происходит в XIX–XX вв.). В развитии художественной семейной хроники, как отмечает И. П. Видуэцкая, «обычно действуют представители трех последних поколений, а история рода в более отдаленные времена в сжатом виде сообщается в начале. Она создает своеобразный зачин, являющийся знаком того, что перед нами семейная хроника» [2, с. 211]. Мы специально освещаем этот аспект, ибо краткие повествования об истории поколений стали, если использовать кожиновскую паратерминологическую метафору, тем зерном, из которого выросла семейная хроника как романный субжанр.

В русских семейных хрониках также присутствуют сведения о происхождении фамилии. Высокая культура дворянской генеалогии косвенно повлияла и на поэтику романа семейной хроники, в котором художественное время может расширяться за счет сведений о родословии героев (вплоть до

XI столетия и далее, если учесть, что само действие происходит в XIX–XX вв.). Для произведений такого рода типично наличие генеалогической справки, повествующей о предыстории рода.

Склонность к самовыражению в семейных хрониках была свойственна писателям-дворянам с богатыми родословными, истории которых волновали авторов, подчас – последних отпрысков своих фамилий или отдельных ветвей (как, скажем, Лермонтов, Герцен, или Бунин). Поэтому очень редко мы найдем в семейных романах отрицательное, по преимуществу, отношение к аристократии в целом, к родной старине, порою даже не обходится без некоторой доли осуждения прошлых и современных нравов.

В целом же у семейной хроники есть свой собственный тип сюжета. Т. Манн писал по этому поводу: «Сюжет ведь бесконечно безразличен, но какой-то все-таки нужен», включая в этот «какой-то» рассуждения о том, какова предыстория героини, «кто был "ее" муж и при каких обстоятельствах "она" за него вышла? Каковы были "взаимоотношения супругов"...» [6, с. 8]. И пусть семейные коллизии здесь явно не единственные, они занимают едва ли не ведущее место среди коллизий социальных и психологических по преимуществу, как и в социально-бытовом романе вообще. Понятно, что семейная хроника, с одной стороны, тоже подпадает под это определение, с другой – являет собой и нечто особое. Однако это скорее логический допуск, нежели отражение действительного положения вещей.

Бытовой мир статичен. В нем есть социальное многообразие, но нет становления. В историческом же времени заложено движение. Время не только не может остановиться, но самый его бег уже осознан литературой. Рассматривая проблему времени и пространства в романе, отметим, что скорее можно отменить литературные персонажи, чем остановить время в литературе.

Теория исторического процесса прямо связана с проблемой времени, с проблемой прошлого, настоящего и грядущего, олицетворенного в семейной хронике преемственностью поколений, каждое из которых выполняет свою собственную миссию. При этом авторская установка направлена на то, что задачи истории постепенно разрешаются, и каждое последующее поколение приближается к такому моменту, когда трагические противоречия будут изжиты. Идея прогресса предполагает превращение каждого поколения и эпохи истории в звенья единой цепи, ведущей к будущему, оправдывающему страдания и муки настоящего и прошлого.

В семейных хрониках мы замечаем примечательную особенность этого жанра – соотнесение историй частной (т.е. семейной) жизни с историей страны, а также возможно соотнесение с историей целого сословия или социальной группы.

История четырех поколений старинной дворянской семьи составляет центральную линию повествования в романе Вс. Соловьёва. Это рассказ о сложных перипетиях судеб представителей рода Горбатовых, хроника расцвета, упадка, вырождения и в финале – возрождение рода в новых условиях пореформенной России.

Следующий комплекс проблем, связанных со спецификой историзма, заключается, по нашему мнению, в описании культурной и бытовой жизни семейств и, конечно, в изменениях, которым подвергается эта часть их бытия. Но при описании этих художественных явлений необходимо отметить главное – через них ощущается реальное действие времени, т.е. история частных лиц – основная проблема жанра. При анализе историзма следует учитывать еще один немаловажный аспект – проявление в произведениях такого типа собственно крупных исторических событий.

Авторов семейных хроник не интересуют исторические события сами по себе, они используют их лишь для того, чтобы показать, как они влияют на жизнь семьи. Поэтому в развитии жанра семейной хроники наблюдается постепенный переход от прямого описания события к своеобразному вынесению его в фон действия или вообще «за скобки» сюжетного повествования. Авторы как бы снижают масштаб истории, «очеловечивая» ее, показывая частные проявления бытия семьи, через которые реализуются общие закономерности.

Акцент на будущем, погружение персонажей в исторический поток, представление о том, что человек может разрешить свою судьбу собственными силами, «...делают идею цепи поколений не столь необходимой и ведут к трансформации жанра семейной хроники в исторический роман, в социальную эпопею, имеющую другое идейное содержание, требующую нового метода отражения и другой, чем у семейной хроники, структуры» [3, с. 156].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
2. Видуэцкая И. П. "Пошехонская старина" в ряду семейных хроник русской литературы // Салтыков-Щедрин. 1826–1976. Статьи. Материалы. Библиография / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом); Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; [Ред. коллегия: А. С. Бушмин (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 206–219.
3. Кирнозе З. И. Французский роман XX века: (Годы 20–30-е: Проблемы жанра); Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. 351 с.
4. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 367 с.

5. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и др. работы. СПб.: Алетейя, 1997. 508 с.
6. Манн Т. Письма. М.: Наука, 1975. 465 с.
7. Марков В. А. Пространство и время в литературе: структурно-типологический анализ // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1987. С. 6–14.
8. Никольский Е. В. Истоки и развитие жанра «семейная хроника» в русской литературе: от Нестора до наших дней // Традиции в русской литературе. Н. Новгород, 2011. С. 11–23.
9. Никольский Е. В. К вопросу о специфике жанра романа-семейной хроники и его зарождении в русской классической литературе // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Кирилло-Мефодиевские чтения. М., 2009. С. 314–320.
10. Петрова Н. А. Функция пространственно-временных отношений в сюжетообразовании произведения // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1987. С. 19–27.
11. Порохняк Н. П. Роман семейная хроника з погляду літературної антропології // Вопросы литературоведения. Вып. 79. Черновцы, 2010. С. 134–145.
12. Скрябина Т. Л. Хроника // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 1171.
13. Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. М.: Сов. писатель, 1955. 372 с.
14. Эпштейн М. Н. Хроника // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 487.
15. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста. М.: Флинта, 2004. 184 с.
16. Dell Kerstin. The Family Novel in North America for Post – war to Post – Millennim: A study in Genre. [Электронный ресурс]. URL: http://ubt/opus.hbz-nrw.de/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf «The Family Novel in North America from Post – war to Post – Millennium: A study in Genre» (дата обращения: 01.01.2020).
17. Jonnes Denis. The Matrix of Narrative: Family Systems and the Semiotics of Story. Berlin; New York; Mouton de Gruyter. 1990. 293 p.
18. Ru Yi-Ling. The Family Novel. Toward a Generic Definition. New York: Peter Lang Publishing Ins., 1992. 221 p.
19. Palczewski J. K. John Galsworthy. Warszawa: Czytelnik. 1981. 103 s.

References

1. Bahtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznyh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies over the Year]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1975. 502 p. (In Russian).
2. Vidueckaya, I. P. "*Poshekhonskaya starina*" v ryadu semejnyh hronik russkoj literatury ["Poshekhonskaya antiquity "in a series of family chronicles of Russian literature] *Saltykov-SHC Hedrin. 1826–1976. Stat'i. Materialy. Bibliografiya* [Saltykov-Shchedrin. 1826-1976. Articles. Materials. Bibliography] AN SSSR, In-t rus. literatury (Pushkinskij dom); In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo; [Red. kollegiya: A. S. Bushmin (otv. red.) i dr.]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1976. Pp. 206–219. (In Russian).
3. Kirnoze, Z. I. Francuzskij roman XX veka: (Gody 20-30-e: Problemy zhanra) [French novel of the XX century: (Years 20-30s: Problems of the genre)]. Gor'k. gos. ped. in-t inostr. yaz. im. N. A. Dobrolyubova. Gor'kij: Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1977. 351 p. (In Russian).
4. Kon, I. S. *V poiskah sebya. Lichnost' i ee samosoznanie* [Looking for yourself. Personality and its identity]. Moscow: Politizdat Publ., 1984. 367 p. (In Russian).

5. Lihachev, D. S. *Istoricheskaya poetika russkoj literatury: Smekh kak mirovozzrenie i dr. raboty* [Historical poetics of Russian literature: Laughter as a worldview and other works]. St. Petersburg: Aletejya Publ., 1997. 508 p. (In Russian).
6. Mann, T. *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 465 p. (In Russian).
7. Markov, V. A. *Prostranstvo i vremya v literature: strukturno-tipologicheskij analiz* [Space and time in literature: structural and typological analysis] *Prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Space and time in literature and art]. Daugavpils, 1987. Pp. 6–14. (In Russian). (In Russian).
8. Nikol'skij, E. V. *Istoki i razvitie zhanra «semejnyaya hronika» v russkoj literature: ot Nestora do nashih dnei* [The origins and development of the genre "family chronicle" in Russian literature: from Nestor to the present day] *Tradicii v russkoj literature* [Traditions in Russian literature]. N. Novgorod, 2011. Pp. 11–23. (In Russian).
9. Nikol'skij, E. V. *K voprosu o specifike zhanra romana-semejnoj hroniki i ego zarozhdenii v russkoj klassicheskoj literature* [To the question of the specifics of the genre of the novel-family chronicle and its origin in Russian classical literature] *Voprosy yazyka i literatury v sovremennyh issledovaniyah* [Questions of language and literature in modern research]. Kirillo-Mefodievskie chteniya. Moscow, 2009. Pp. 314–320. (In Russian).
10. Petrova, N. A. *Funkciya prostranstvenno-vremennyh otnoshenij v syuzhetoobrazovanii proizvedeniya analiz* [Function of spatio-temporal relations in the plot formation of a work] *Prostranstvo i vremya v literature i iskusstve* [Space and time in literature and art]. Daugavpils, 1987. Pp. 19–27. (In Russian).
11. Porohnyak, N. P. *Roman semejnyaya hronika z poglyadu literaturnoi antropologii* [Roman family chronicle from the point of view of literary anthropology] *Voprosy literaturovedeniya* [Questions of literary criticism]. Vyp. 79. Chernovcy, 2010. Pp. 134–145. (In Ukrainian).
12. Skryabina, T. L. *Hronika* [Chronicle] *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2001. P. 1171. (In Russian).
13. Chicherin, A.V. *Vozniknovenie romana-epopei* [The emergence of the epic novel]. Moscow: Sov. pisatel' Publ., 1955. 372 p. (In Russian).
14. Epshtejn, M. N. *Hronika* [Chronicle] *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, 1987. P. 487. (In Russian).
15. Esalnek, A. YA. *Osnovy literaturovedeniya. Analiz romannogo teksta* [Fundamentals of Literary Studies. Analysis of the novel text]. Moscow: Flinta Publ., 2004. 184 p. (In Russian).
16. Dell, Kerstin. The Family Novel in North America for Post – war to Post – Millennium: A study in Genre. [Elektronnyj resurs]. URL: http://ubt/opus.hbz-nrw.de/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf «The Family Novel in North America from Post – war to Post – Millennium: A study in Genre» (data obrashcheniya 01.01.2020). (In English).
17. Jonnes, Denis. *The Matrix of Narrative: Family Systems and the Semiotics of Story*. Berlin; New York; Mouton de Gruyter. 1990. 293 p. (In English).
18. Ru, Yi-Ling. *The Family Novel. Toward a Generic Definition*. New York: Peter Lang Publishing Ins., 1992. 221 p. (In English).
19. Palczewski, J. K. *John Galsworthy*. Warszawa: Czytelnik. 1981. 103 p. (In Polish).

Универсальность категории абсурда в русском литературном процессе

Статья обзорного характера посвящена рассмотрению репрезентаций категории абсурда в русском литературном процессе. Литература абсурда апеллирует к глубинным областям сознания и наиболее последовательно проникает в суть вещей. Авторам-абсурдистам при всей иррациональности их творческого акта свойственна особенно глубокая степень вовлеченности в поиск ответов на вечные бытийные вопросы, которые находятся вне видимого, фиктивного мира. Художественный материал для литературоведческого и историко-литературного изучения в данном случае может быть неисчерпаем и не ограничен ничем, как и способы и число возможных его интерпретаций. Прежде всего, абсурд как ноуменальная категория имеет вневременной характер и может обнаруживать себя в различных литературных явлениях (в фольклоре, реалистической и новореалистической прозе, постмодернизме, древнерусских жанрах и т.д.). Но активизация экстремальных и синтетических форм в различных сферах искусства обычно связывается с переломными, кризисными этапами развития истории и культуры. Следовательно, абсурд в литературе в качестве такой категории может являться своего рода откликом на обострение присущего данной эпохе перманентного кризиса.

Ключевые слова: абсурд, русская литература, литературный процесс, кризис.

Stanislav Merkushov

Universality of the Category of Absurdity in Russian Literary Process

The review is devoted to the consideration of representations of the category of absurdity in Russian literary process. The literature of the absurd appeals to the deepest layers of consciousness and most consistently penetrates into the essence of things. Absurdist authors in spite of all the irrationality of their creative act are characterized by a particularly deep degree of involvement in the search for answers to eternal questions of existence that are outside the visible, fictitious world. Artistic material for literary and historical-literary study in this case can be inexhaustible and not limited to anything, as well as the ways and number of possible interpretations. First of all, absurdity as a noumenal category has a timeless character and can manifest itself in various literary phenomena (in folklore, realistic and modernist prose, postmodernism, old Russian genres, etc.). But the activation of extreme and synthetic forms in various spheres of art is usually associated with critical stages in the development of history and

culture. Therefore, absurdity in literature as such a category can be a kind of response to the aggravation of the inherent permanent crisis of this era.

Key words: absurdity, Russian literature, literary process, crisis.

Абсурдность, подспудно содержащаяся внутри внешней привычности окружающего человека нормального миропорядка, существует изначально и не имеет потенциальных локализуемых или темпоральных пределов (ср. «чувство абсурда», присутствующее всюду – А. Камю «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде» [13, с. 222–319]). По справедливому замечанию О. Д. Бурениной, специфика ненаходимости абсурда в каких-либо пределах позволяет рассматривать его как явление некодифицированного пространства: «абсурд – это сама ситуация пересечения разумом границы рационально-логического мышления» [5, с. 189]. Потому исследователь касается в своей статье «"Реющее" тело Абсурд и визуальная репрезентация полета в русской культуре 1900–1930-х годов» частотных для абсурдистики не только в литературном, но и в визуальном воплощении проблематики и мотивов полета, иллюстрирующих бесконечный прорыв человеческого сознания за грани обыденной логики [5, с. 188–241]. Принимая во внимание высказывание Е. В. Клюева, можно заметить, что литература абсурда «не зависит от «времени и места» восприятия, то есть не приурочена ни к текущему моменту, ни к прошлому, ни к будущему – или опять же приурочена ко всему сразу» [16, с. 92].

Абсурдный характер многих народных произведений не подлежит сомнению. Е. В. Клюев открыто заявляет, что «абсурдный текст, име<ет> своими корнями прямо и непосредственно фольклор» [16, с. 47]. Он же, а за ним и О. Д. Буренина, говорит о том, что, если, к примеру, внимательно прочесть текст хрестоматийной сказки «Курочка Ряба», можно прийти к выводу об абсурдности и невнятности его содержания. Однако при рассмотрении его с позиции поиска смысла, по Е. В. Клюеву, при нацеливании на восприятие стихии абсурда, всё расставляется по местам, и следует соответствующее резюме, заключающее в себе смысл сказки: «Всему свое место» [См.: 16, с. 46–51]. «Абсурд, в сущности, подобен фольклору», – считает О. Д. Буренина, развивая свою гипотезу на фоне материала соответствующих работ зарубежных исследователей (В. Кошмаль, Ф. Гёблер и др.). Важнейший аспект, извлекаемый из их работ, связан с тем, что абсурд так же, как и фольклор, обращается к мифологическому сознанию народа, в сущности, к архетипам коллективного бессознательного, шире – к трансперсональным категориям [4, с. 54]. Исследователь О. Л. Кабачек, к примеру, выделяет несколько видов семантических полей, предопределяющих абсурдную специфику архаиче-

ских, т.н. «страшных» или «смертных», колыбельных, содержание которых отсылает к различным областям человеческого сознания, связанным с разного рода сновидческими, танатологическими и пр. мистическими состояниями [11, с. 14–22]. Дразнилки, графоманские частушки, нескладушки, садистские стишки, небылицы также имеют, по мнению ученого, в своей основе абсурдистское звено (заметные элементы комического абсурда содержатся, на наш взгляд, также и в докучных сказках, пьесах Народного театра, театра Петрушки и т.п.).

Говоря в частности о волшебных сказках, О. Л. Чернорицкая отмечает особую абсурдистскую природу отдельных их образов, формируемых на условном фоне «исторического абсурда» [30, с. 78]. Существует «святая земля» – Русь, противопоставляемая чужой, «заморской» земле: «“заморские страны”, были, соответственно, символами абсурдными, потусторонними, попасть на чужую землю было равнозначно попаданию на тот свет, где люд<ям> <...> присущи нелепые наряды и абсурдные действия» [30, с. 88], где обитают русалки, лешие, Баба-Яга, Змей Горыныч. Такой подход обнаруживает связь с концепцией разделения/сближения «настоящего» и «кромешного» миров Д. С. Лихачева [См.: 20], о которой скажем позднее. Своеобразную реализацию архетипические ситуации волшебных сказок получают, к примеру, у М. Зощенко («Качество продукции», «Западня», «Хамство» и др.). «Заморская» земля материализуется в конкретный образ заграницы, попав куда герой сталкивается с совершенно иным миром, существующим по своим внутренним нормам и логике. Начинается пространственно-временная путаница, нарушаются смысловые законы, возникают абсурдные положения [подробнее: 10, с. 34–45].

А. Плотникова, рассматривая современные южнославянские (Сербия, Македония, Болгария и др.) устно-поэтические тексты, приходит к мнению об абсурдной («противоречащей разуму») их составляющей, имеющей глубинную связь с мифологией («ритуальная нагота демонов», типичные места их обитания и т.п.). Помимо этого, рассказы жанра «былинок» о разного рода демонах, мешающих человеку жить и работать, часто содержат кроме традиционных мифологических атрибутов актуальные на данный момент реалии и предметы быта, усиливающие абсурдность повествования (выведенные из строя «нечистью» телевизоры, компьютеры и т.п.) [24, с. 397–398].

В настоящее время весьма востребованными среди читателей оказываются жанры сетевой поэзии – т.н. стихи-пирожки и стихи-порошки, – занимающие промежуточное положение между фольклором и литературой. Определенно тексты данных жанровых образований во многом строятся как

тексты игрового или онтологического абсурда: в них используются приемы риторического обесмысливания, нарушения ритмического «склада», и, собственно, принцип «общей семантической нескладности» [23, с. 130].

Такие особенности детского мышления, как ассоциативность, предметность, алогизм, анимизм, каузальность, шифрованность, функционируют в произведениях абсурдизма как элементы авторского стиля, причем некоторые из этих особенностей параллельно присутствуют как формы словотворчества и в детском фольклоре (к примеру, формальные признаки заумы в считалках, дразнилках, загадках), фольклоре для детей (потешки, пестушки, колыбельные), а также в промежуточных народно-поэтических языковых конфигурациях (глоссолалии, заговоры). Огромный пласт детской литературы связывается с литературой абсурда в том числе через фольклор. Артикуляционные черты детской речи свиваются с поэтическими формами, присущими текстам футуризма, ОБЭРИУ, постмодернизма, напрямую коммуницирующими с абсурдом.

Неразрывно сплетенная с народной древнерусская смеховая культура, на наш взгляд, наиболее полно и аналитически исчерпывающе представлена у Д. С. Лихачева в его книге «Смех в Древней Руси» [20], зиждется на методологии пародийности и травестии, принадлежащим сфере антимира («кромешного мира»). Этот антимир, являясь частью универсума, организован по принципу противоположения миру настоящему. Мир настоящий благоустроен, упорядочен и надежен. Антимир, наоборот, хаотичен, неустойчив, обесмыслен [20, с. 33]. За счет семантического сумбура происходит абсурдизация антимира. По мысли С. Е. Юркова, берущей свое начало в труде М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [3], истоки антимира находятся в низовой культуре, само его воплощение пребывает в области телесного и сугубо материального, «отягощает смысл материальностью, подчеркивает телесность, вплетает в конкретику» [37, с. 37]. Тем не менее, и «настоящий» мир не может восприниматься как мир высокой культуры, поскольку предполагается, что этот мир, возможно, в большей степени выдуман: вместе с благоустроенностью здесь царит лицемерие, равнодушие и ханжество с навязанными схемами существования в нем.

С нашей точки зрения, однако, два данных мира, контрастируя, одновременно сближаются и взаимозаменяются. Антимир представляет собой изнанку видимого благополучия: проникновение за благообразие фасада разрушает его, срывает иллюзорный покров благоденствия и вскрывает его безобразие. «Настоящий» и «кромешный» миры уравниваются, тем самым сознание зрителя возвращается к древним, истинным, истокам бытия.

Так, к примеру, в пародийных текстах (челобитные и т.д.) образы автора, адресата «переворачиваются», представления о привычных реалиях метаморфируются (время, пространство и т.п.), законы и правила жизни дискредитируются: «Ис поля вышел, из лесу выполз, из болота выбрел, а неведомо кто»; «Жалоба нам, господам, на такова же человека, каков ты сам, ни ниже, ни выше, в той же образ нос, на рожу сполс. Глаза нависли, во лбу звезда. Борода у нево в три волоса широка и окладиста <...>»; «Месяца китовраса в нелепый день...» («Служба кабаку») (примеры взяты из книги Д. С. Лихачева [20, с. 37]). Функция подобных травестий, абсурдизации в целом, по мысли Д. С. Лихачева, – «обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества. Обнажение уравнивает всех людей» [20, с. 78].

Из народной среды произрастает феномен скоморошества, возникшего в XI в. и получившего широкое распространение в Древней и Средневековой Руси. Внутренняя концентрация абсурда весьма заметна в жанре скоморошин, где в пародийной форме представлены неправдоподобные сюжеты с перелицованными образами. Это былины-пародии («Агафонушка», «Дурень», «Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна», «Гость Терентище», «Старина о большом быке»), небылицы («Усы»), «тутовые старины» («Ловля фазана»), пародийные исторические песни («Кострюк»).

С балаганной традицией, продолжающей скоморошечью, связана особая национальная форма смеха – балагурство, которой свойственны главные проточерты языкового абсурда. «Балагур, – считает Д. С. Лихачев, – разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму. Балагур вскрывает нелепость в строении слов, дает неверную этимологию или неуместно подчеркивает этимологическое значение слова, связывает слова, внешне похожие по звучанию, и т.д.» [19, с. 356]. Лексикологическая база балаганных жанров интегрируется рашным стихом, представление о котором могут дать балаганные прибаутки, в настоящий момент, к сожалению, практически полностью утраченные. Приведем одну из них.

Зверинец

Был я в зверинце. Ну уж там удивленье, со зверями представленье. Там медведь боролся с козой. Коза не выдавала, медведю в зубы поддавала. Вот на что поддалась она – в помочь привели слона.

Там много было народу, смотрели на урота, – и я взял мысли такие, посмотрел, как и другие. Я смотрел не один, был с невестой, как господин. Мы смотрели больше на слона.

Вот как слон с медведем начал биться – коза бросилась топиться. Я вижу, что нам не место: пойдём домой, невеста. Она захлопотала: посидим пока. А нас и выгнали оттуда (цит. по: Юдин А. Русская народная духовная культура [35, с. 23]).

Связь с эстетической категорией комического подчеркивается в исследованиях современной комической литературы, в том числе текстов, публикуемых в современных юмористических журналах. Рассматриваются те же разновидности языковой игры – острословие и балагурство, – значение которых со временем только еще более актуализируется в силу приобретения ими более резких абсурдистских атрибутов, фиксирующих исторические и общественные перемены. Так, анализ примеров «балагурной языковой игры» в материалах журнала «Красная бурда» позволяет исследователю Г. А. Авдеевой говорить об использовании приема «языковой маски» в форме речевых имитаций за счет чего, в частности, абсурдизируется не только сам речевой акт, но и затекстовые ситуационные модели [2, с. 7–20].

Эстетика русской смеховой культуры XVII в. также несет на себе очевидный абсурдистский отпечаток, и не в последнюю очередь в связи с «бунташным» характером русской реальности этого времени, проявляющимся в активизации мятежей посадского населения, восстаний, бунтов и т.п. Отрицая в своих комических произведениях (в частности, в демократических сатирических повестях) официальную культуру, противопоставляя собственный горький опыт «душеполезной» литературе, авторы-сатирики этого периода создают своеобразную шутовскую философию, во многом построенную на абсурдном мировосприятии. Так, в «Повести о Фоме и Ереме» главные герои подвергают сомнению и саркастическому осмеянию правильность, правдивость и реальность порядка, установленного мирскими и церковными властями. Они полагают, что на самом деле этот порядок абсурден. Надевая шутовские маски, «валяя дурака», Фома и Ерема признают лицемерный мир, их окружающий, населенным и управляемым сплошь дураками, среди которых главные дураки те, кто не признает себя таковыми. Важно заметить, что и сами анонимные сочинители причисляют и себя, и читателей к числу дураков, тем самым подтверждая характерную для мировой смеховой культуры тенденцию к автоиронии. Стилистически данный текст оксюморонизирован и абсурден, изначальная ситуация выворачивается наизнанку: калек призывают совершать разнообразные действия, которые они не могут совершить в принципе (безрукий, к примеру, не может «вызиграть в гусли» и т.п.). С другой стороны, абсурдность в смеховых текстах сильно социализирована, увечность и нищета низов в них вполне реальна.

Таким образом, демонстрация абсурда в его глубинном проявлении¹, в его сущностной рецепции, в виде постоянной альтернативы смыслу либо, шире, его оборотной стороны, едва ли было возможно для культуры Средневековья, как народной, так и официальной. Однако антимир оказывается опосредованным высмеиваемым миром не только и не столько как его антитетическая имитация. Действительно, справедливо высказывание исследователя С. Е. Юркова о том, что «мир культуры характеризуется довольством, приличием, святостью, т.е. обладанием должного (нормы), <...> его антипод – мир нищеты, богохульства, бесстыдства, его «антигерой» – гол, бос, бесцеремонен» [37, с. 36]. Тем не менее, этот мир олицетворяет собой худшие симптомы реальности, то есть этот «мир зла» зеркален настоящему миру как его аллегория, и именно по этой причине он может квалифицироваться как недолжный, «который сам по себе к смеху совершенно не располагает» [20, с. 35]. Его подчиненность миру нормы прежде всего выражается через возможность предполагаемого наличия некоего идеала, который был потерян в процессе развития цивилизационных установок, и в том числе относительно которого и возникает критика обоих миров («настоящего» и «крошечного»).

Безусловно, в смеховой культуре абсурд мог быть представлен наиболее эксплицитно. Между тем в авторской литературе методологические элементы абсурда также весьма заметны. О. Л. Черноризская верно отмечала ошибочность распространенной в литературоведении теории о появлении и широком бытовании текстов абсурдной поэтики лишь в XX столетии². Однако, стоит уточнить, что речь здесь идет преимущественно о методе, в связи с чем исследователь подчеркивает: «в художественных произведениях метод приведения к абсурду использовался всегда» [30, с. 15]. Метод приведения к абсурду, к примеру, в XVIII в. можно особенно явственно увидеть не только у И. С. Баркова, но и у писателей-сатириков Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, в сатирической публицистике Н. И. Новикова. Специфика антиномий, «переворачивания», сюжетообразующего конфликта желаемого и действительного, перемены мест в традиционных образных парадигмах, и т.п. приемы, базирующиеся на дихотомии, – запускают механизмы абсурдизации в их

¹ «Дотерминологическое», метафизическое понимание абсурдности мироустройства, несомненно, было в связи с более внимательной, масштабной, архетипической восприимчивостью древнего знания человеком того времени (см.: К. Г. Юнг. Психология бессознательного [36]).

² В то же время исследователь В. С. Воронин, к примеру, выражает законное мнение о том, что при актуальном перманентном присутствии абсурда в мировом культурном пространстве, «переплетение обстоятельств в конце XX века подготовило почву для его наиболее полного проявления и восприятия именно в России» [6, с. 8].

произведениях. Так, в публицистике «Трутня» и «Живописца» специфичный для поэтики абсурда жанровый синкретизм прослеживается в применении способа контаминации двух эстетических областей – одической и сатирической. Как верно замечает О. Б. Лебедева, «для подготовки поэтики русской литературы последующих лет неопределимое значение имел особенный, ассоциативно-непрямой способ выражения публицистической мысли специфически художественными средствами: компоновкой разнородных материалов, рождающей на стыке разных частных смыслов новый и обширнейший, – принцип, основанный на игре прямого значения высказывания с косвенно подразумеваемым, которая нередко превращается в игру утверждения и отрицания, обнаруживающую за одой и панегириком сатиру и хулу, претворяющую смех в слезы и творящую из жизнеподобной реальности абсурд, где все не то, чем кажется» [18, с. 194]. Исследователь осознанно или нет, но опосредованно формулирует в данном резюме важный художественный аспект абсурдистики: контаминация непрямых смыслов или даже заведомой бессмыслицы рождает новые смыслы, получает смыслообразующий потенциал.

Полагаем, что опыт сатирической публицистики XVIII в. вдохновлял и продолжает вдохновлять литераторов XX и XXI вв. Г. А. Авдеева, к примеру, исследуя специфику эссеистики Д. Л. Быкова, замечает ее характерную особенность: автор часто использует прием доведения до абсурда, выстраивая ситуации «реализации имитативного принципа языковой игры» [1, с. 6]. Д. Л. Быков доводит до абсурда «произвольность интерпретации» тех или иных текстов, в частности, стремление их толкователей всюду видеть «злободневность», соотнося <...> идеи, образы (художественного произведения. – С. М.) с «настоящим» [1, с. 9].

Если вернуться к авторам XVII в., то своеобразной предтечей экзистенциального абсурда в определенной степени можно считать, на наш взгляд, даже «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Его автор и герой протопоп Аввакум, взвалив на себя абсурдный, бессмысленный с обывательской точки зрения груз мучений за веру, переживая тяжелейший душевный и телесный надлом, но изначально понимая недоступный многим высший смысл происходящего, достигает в итоге необычайного прозрения, ясности по К. Ясперсу [см.: 38]. Не стоит забывать и об особом характере смеха Аввакума над самим собой, замеченном еще Д. С. Лихачевым. Этот смех являлся щитом против гордыни и вполне хайдеггеровского страха [см.: 29] – он был способом постижения и развенчания абсурдности окружающего как прозрачного мира, мира декораций, которые падут в момент кажущегося и окончательного поражения, но на самом деле невероятного запредельного

торжества: «в день века познано будет всеми: потерпим до тех мест» [7, с. 43]. Вот как представляет этот мир Д. С. Лихачев: «Здесь, "нынешний" мир – это и есть мир кромешный, опричный, ненастоящий, мир злой, принадлежащий сатане, противостоящий миру настоящему, миру подлинных ценностей, который ожидает человека за гробом» [20, с. 150].

С агиографией связан мотив юродства в литературе, в первую очередь, в абсурдистике в различных ее проявлениях. Определенная степень ориентации на основные агиографические образцы прослеживается у авторов постмодернистского направления или близких к нему. Исследователь И. А. Казанцева, к примеру, подчеркивает, что в творчестве Вен. Ерофеева, Саши Соколова, Е. Попова, Ю. Буйды сильны тенденции «юродской парадигмы» [12, с. 54–65], хотя художественное целеполагание обозначенных писателей не одинаковое. Если специфика идиостиля первых трех предусматривает очевидный, с приводимой в статье точки зрения ученого О. А. Николаевой, разрыв и контраст между «юродством в православной культуре и "перформансом" в постмодернистской культуре», то в «текстах Ю. Буйды можно обнаружить иные черты юродской парадигмы, имеющей, <...> значительно большее отношение к религиозному подвижничеству, чем к психологическому типу личности автора, лирического героя или персонажа» [12, с. 60–61]. Анализируя рассказ Ю. Буйды «Последний», И. А. Казанцева отмечает, что с помощью абсурдистских приемов, нарушая логические причинно-следственные связи, автор добивается реализации метафоры, заключенной в слове «последний».

Опыт создания квазиреальности, мистификаций и масок в литературе, на наш взгляд, всегда коммутирован с особым, парадоксальным и во многом абсурдным типом мышления своих творцов. Факт возникновения в середине XIX в. литературной маски Козьмы Пруtkова – вымышленного писателя, поэта, философа, имевшего завершённую оригинальную биографию и портрет, – говорит не только о незаурядном даровании его создателей (А. К. Толстого, Алексея, Владимира и Александра Жемчужниковых, также, по некоторым сведениям, А. Н. Аммосова [17]), но и во многом о творческом опережении ими своего времени. Их гротескные и пародийные поэтические и прозаические произведения, опубликованные под коллективным псевдонимом К. П. Пруtkова, были пронизаны духом абсурда задолго до первых попыток теоретического и терминологического оформления собственно категории художественного абсурда¹ (начало которым, по мысли О. Д. Бурениной, в России было положено в 1950-е гг. [4, с. 60]).

¹ Стоит заметить, что дух абсурда чувствуется и в творчестве поэта XIX в. И. П. Мятлева.

Своим предшественником Козьму Пруткова мыслили сатириконцы, в 1913 г. выпустившие особый номер своего журнала, посвященный 50-летию со дня «смерти» поэта, тем самым продолжив литературную игру, начатую авторами-создателями в XIX в. [27, с. 159]. А. О. Путило в своей статье «Визуализация образа К. Пруткова на страницах журнала “Сатирикон”» досконально разбирает вербальные и невербальные способы воплощения этой фигуры, насквозь пропитанные абсурдистским настроением. Так, к примеру, описывая одну из иллюстраций этого выпуска журнала, исследователь верно замечает весь «абсурд ситуации, когда покойник верхом возглавляет собственную похоронную процессию, триумфально въезжая в загробный мир на старой кляче» [27, с. 160]. С другой стороны, конечно, здесь угадывается обратный, паратекстуальный, смысл: «...творчество Пруткова не заканчивается с физической смертью его авторов-создателей, а напротив, переживает новое рождение» [27, с. 160]. Отзвуки творчества Козьмы Пруткова слышны не только у Саши Черного, Тэффи, А. Т. Аверченко, Дона-Аминадо, Скитальца и пр. сатириконцев, но и весьма отчетливо у ОБЭРИУтов (особенно у Н. М. Олейникова, менее – у Д. И. Хармса), у И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, у М. М. Зощенко, М. А. Булгакова. Афористичность стиля К. П. Пруткова (помимо В. В. Розанова) до некоторой степени перенял Вен. Ерофеев, у Д. А. Горчева слышатся его интонации. Авторская самоидентификация Б. Акунина связана с использованием нескольких литературных масок. Так или иначе, многие писатели, близкие к абсурдистике, испытали влияние этого «классика, которого не было» [8, с. 11].

Итак, метод абсурда может присутствовать в том или ином виде у всех авторов, и у отечественных, и у зарубежных, от классики до авангарда. О. Л. Черноричская, с нашей точки зрения, верно заключает, что подобный вывод можно сделать лишь имея в виду т.н. «деиндивидуальность» автора, приводящую к «самоутверждению» героя. «Автор владел лишь методом – он не мог иметь даже собственного стиля, поскольку стиль произведения (в узком смысле, как внешняя характеристика) должен был соответствовать стилю бытия и сознания персонажей», – полагает исследователь [30, с. 165]. Приблизительно в том же направлении рассуждает Е. В. Клюев, говоря о «невластности» автора над своими персонажами, тем самым утверждая правильную мысль об иррациональности творческого акта, ведущую свою историю еще от Платона («Ион»), но так или иначе долгое время не принимавшуюся многими литературоведами в расчет на должном уровне. Так, хрестоматийные примеры из творческих биографий А. С. Пушкина или Л. Н. Толстого, связанные с их интерпретацией замужества Татьяны Лариной

или самоубийства Анны Карениной, расценивались критиками как лукавство или казус.

Важно также заметить, что по отношению к приведенным литературным примерам еще рано рассуждать об абсурдистской поэтике в конкретных терминологических детерминациях, равно как и причислять какие-либо из них к литературе абсурда в ее теоретически опосредованном понимании. В этих текстах элементы абсурда заложены в сюжетных ситуациях (контрастность обстоятельств, нарушение логических связей, парадоксальность происходящего и т.п.); фигурируют отдельные элементы поэтики абсурда (антиномичность, антитетичность, трагестийность, контрастность, мистифицированность, ассоциативность и т.д.), которые будут теоретически обоснованы гораздо позже времени публикаций цитируемых произведений.

Можно говорить о «методе приведения к абсурду» [30, с. 15], который не просто использовался всеми писателями, но полагался в основу многих произведений, становившихся впоследствии эталоном литературного мастерства. В отечественной исследовательской традиции подобная особенность *reductio ad absurdum* была замечена у Н. В. Гоголя Б. М. Эйхенбаумом и названа «приемом доведения до абсурда или противологического сочетания слов» [34, с. 51], у Ф. М. Достоевского Л. И. Шестовым [32] и Е. М. Мелетинским [21], у А. С. Пушкина¹ В. Шмидом [33], а уже в наше время возобновила свое движение в исследованиях О. Л. Чернорицкой [30], А. Рясова [28] и др.

«Каждое произведение, созданное методом приведения к абсурду², – это проект. Более того, это и проекция, раскрывающая сам смысл абсурда», – справедливо считает О. Л. Чернорицкая. Действительно, специфика увлечения современных абсурдистов и примыкающих к ним писателей сюжетными проекциями, т.е., в итоге, особенностями нахождения «своих» форм, приемов, типов, образов у авторов прошлого и преобразования их, наталкивает на мысль о возможном и явном пересечении всех авторских энергий в единой точке, именуемой «абсурд». Существуют всевозможные, часто абсурдизированные, версии У. Шекспира (Л. С. Петрушевская «Гамлет. Нулевое действие»), М. Сервантеса (М. А. Булгаков «Дон Кихот», Е. Л. Шварц «Дон Кихот» и др.), А. С. Пушкина (Вен. Ерофеев «Вальпургиева ночь, или Шаги

¹ Любопытную трактовку образа А. С. Пушкина как пограничной фигуры в сфере инобытия русской культуры XX в. – абсурда предлагает исследователь Т. С. Злотникова в своей статье «А. С. Пушкин – пограничная фигура русской культуры («Пушкин – грань»)» [см.: 9, с. 318–323].

² О. Л. Чернорицкая особо рассматривает также метод «выведения из абсурда» [см.: 30, с. 38].

командора», В. Г. Сорокин «Метель»), Н. В. Гоголя (О. Богаев «Башмачкин», Н. Коляда «Старосветская любовь»), М. Е. Салтыкова-Щедрина (В. Г. Сорокин «Сахарный Кремль»), Ф. М. Достоевского (В. Г. Сорокин «Dostoevsky-trip», «Роман»; Клим «Парадоксы преступления, или Одинокие всадники Апокалипсиса» и др.), Л. Н. Толстого (В. О. Пелевин «Т», В. Г. Сорокин «Метель») и др.

К примеру, Т. Ю. Климова, анализируя пьесу «Гамлет. Нулевое действие», приходит к выводу об онтологичности абсурда у Л. С. Петрушевской: «Нулевое действие не отменяет трагедии [Шекспира. – С. М.], только меняет ее качество фиксацией исторического и онтологического абсурда» [15, с. 74].

Абсурд Ф. М. Достоевского видоизменяется у московского драматурга и режиссера В. А. Клименко (сценическое имя – Клим (КЛИМ). – С. М.) в «Парадоксах преступления, или Одиноких всадниках Апокалипсиса». Наследуя традиции Ф. М. Достоевского, Клим расширяет дискурс Раскольникова и Мармеладова, преобразуя первый до уровня корреляции эго героя, «душевного Апокалипсиса личности и забвения Универсума», а второй – до «децентрации исход<ного> образа (персонажа. – С. М.)» с целью закрепления за ним функции «глашатая подсознания» [см.: 25, с. 141–142].

Методологическую линию доведения до абсурда Н. В. Гоголя продолжают современные уральские драматурги, весьма удачно, на наш взгляд, вписывая его метод в «депрессивный контекст» [14, с. 175] «екатеринбургской драматургической школы», модифицируя и преобразуя при этом как метод, так и, собственно, контекст. К примеру, гоголевский абсурд трансформируется в пьесах-переложениях О. Богаева («Башмачкин», «Мертвые уши, или Новейшая история туалетной бумаги»), Н. Коляды («Старосветская любовь»). М. А. Черняк в своей статье «С Гоголем на дружеской ноге: юбилейные заметки» приводит множество примеров подобного текстуального взаимопроникновения: «Вся русская литература со второй половины XIX в. по сей день так или иначе сверяла свои художественно-эстетические открытия с гоголевской традицией» [31, с. 73]. Большинство таких открытий связано с абсурдистикой или смежными с ней литературными областями (литературный нонсенс, футурология, фантастика, сюрреалистическая или дадаистическая игра и т.п.¹), что подтверждается в творчестве называемых М. А. Черняк писателей В. Н. Шинкарева («Квартира»), В. А. Пьецуха («Ни-

¹ Обратим внимание на статьи сборника по материалам конференции «Все нелепицы мира: Абсурд в литературе и искусстве», в которых эти художественно-эстетические открытия как отечественных, так и зарубежных авторов представлены в своем исследовательском разнообразии [см.: 22].

колаю Васильевичу»), Д. А. Горчева («Милицейское танго»), А. В. Королева («Глова Гоголя»), Н. Н. Садур («Брат Чичиков») и др. [31, с. 72–77].

Итак, абсурд перманентно присутствует на любом этапе исторического и культурного развития человечества, не будучи привязан к конкретной эпохе или культурным фрагментам. По справедливому, на наш взгляд, мнению О. Д. Бурениной, имеющему под собой известные и важные источники (в первую очередь, книга М. Эслина «Театр абсурда» [39]), феномен абсурда сопряжен с «кризисом культуры (курсив наш. – С. М.)» и проблемой его интерпретации» [цит. по: 4, с. 26]. Характерна ситуативная рецепция абсурда Г. С. Померанца, также утверждающего апогейные его точки именно в переходные, кризисные эпохи, в то же время ратифицируя возможность его нахождения в любых жанрах независимо от хронологических и пр. рамок¹ [26, с. 413–456]. Культурные и исторические кризисные фазы характеризуются тем, что абсурд как структурная онтологическая предпосылка выходит на поверхность ментального сознания, а его элементы, коренящиеся в самом человеческом бытии и мироустройстве в целом, становятся особенно явными (например, XVII в., отмеченный мятежами и восстаниями, или кризис 60-х гг. XIX в., продиктованный, в первую очередь, отменой крепостного права). Абсурд в искусстве² отвечает абсурдности бытия и наиболее ярко проявляет себя в кризисные для него моменты. В XX в. события периода Первой мировой и гражданской войны, а также революции 1917 г. (1914–1922), голод 1932–1933 гг., Великая Отечественная война (1941–1945), кризис 1980-х гг. и перестройка, кризис 1994 г., дефолт 1998 г., мировой экономический кризис (2008), экономический кризис 2014–2015 гг. были подчеркнуты ознаменованы усилением как собственно абсурдных и экзистенциальных тенденций в литературе, так и интересом читателей и исследователей к творчеству русских футуристов, дадаистов, ничевоков, обэриутов и т.п., где стихия абсурда весьма осязаема.

¹ Феноменальными жанрами в этой связи становятся дзэнские коаны и мондо, демонстрирующие выход за пределы не просто определенной логической ситуации, специфика которой может быть обнаружена обыденным сознанием под нужным углом зрения, но логики вообще.

² Конечно, тему абсурда пытаются осмыслить не только писатели, поэты и философы. В экзистенциальных фильмах А. А. Тарковского, А. Ю. Германа, мультфильмах Ю. Б. Норштейна, Ф. С. Хитрука, парадоксально-фантазмагорийных фильмах К. Г. Муратовой, С. А. Соловьева, Г. Н. Данелии актуализируется данная проблематика, продолжаясь у их преемников А. Н. Сокурова, К. С. Лопушанского, А. П. Звягинцева, А. Германа-мл., А. О. Балабанова, К. С. Серебренникова, мультипликатора А. К. Петрова и др. позднее. То же можно сказать о живописи (к примеру, конгениальный одновременно Д. И. Хармсу и А. П. Платонову П. Н. Филонов) и других видах искусства.

Подчеркнем, что внешний кризис, кризис реальности естественным образом провоцирует кризис сознания, как общего, национального, так и частного, индивидуального.

Абсурд обладает дискурсивной «непрерывностью», пребывая в историческом и культурном пространстве универсума и не имея фиксированного положения в литературном процессе. Между тем по отношению к абсурду до XX в. преждевременно говорить об абсурдистской поэтике в терминологической конкретике в силу отсутствия в то время системного теоретического обоснования искомой художественной категории. Безусловно, осознание абсурда реальности в его глубинном, онтологическом, понимании присутствовало всегда и получало свое выражение и в фольклоре, и в агиографии, и в произведениях смеховой культуры Средневековья и Возрождения. В них абсурд проникает в сюжетные слои повествования (контрастность обстоятельств, нарушение логических связей, парадоксальность происходящего и т.п.), соответственно присутствуют отдельные элементы поэтики абсурда (контрастность, трагедийность, мистифицированность, ассоциативность и т.д.).

Однако все подобные приемы базируются пока на дихотомии, на бинарных оппозициях: структурные компоненты мира всеобщего хаоса, пародирующего «нормальный» мир, призваны диагностировать иллюзорность того и другого. Но смешение и обратная сторона смыслов приводит не только к осознанию близости двух миров, но и необходимости возврата к древнему, не дискретному, целостному идеалу. Отметим также справедливую констатацию О. Л. Чернорицкой перманентного наличия в произведениях всех писателей мировой литературы «метода приведения к абсурду» [30, с. 15].

Список литературы

1. Авдеева Г. А. Имитативный принцип языковой игры в публицистике Д. Л. Быкова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2016. С. 6–15.
2. Авдеева Г. А. Приемы языковой игры в юмористическом издании: на материале журнала «Красная бурда» // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. С. 7–20.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Буренина О. Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг: Сборник статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–75.
5. Буренина О. «Реющее» тело Абсурд и визуальная репрезентация полета в русской культуре 1900–1930-х годов // Абсурд и вокруг: сборник статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 188–241.
6. Воронин В. С. «Законы» фантазии и абсурда в трагическом мироощущении русской литературы XX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2002. 358 с.

7. Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М.: Советская Россия, 1991. 368 с.
8. Жуков Д. А. Классик, которого не было // Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Советская Россия, 1981. С. 282–283.
9. Злотникова Т. С. А. С. Пушкин – пограничная фигура русской культуры («Пушкин – грань») // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 318–323.
10. Ибатуллина Г. М. Жанровый архетип мениппеи в поэтике комической новеллы М. Зощенко // Вестник УдГУ. История и филология. 2010. Вып. 4. С. 34–45.
11. Кабачек О. Л. Лики абсурда: фольклор, литература, интернет-жанры // Библиотечное дело. 2014. № 24. С. 14–22.
12. Казанцева И. А. Эстетическое освоение юродской парадигмы в русской литературе XX–XXI веков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 2. Т. 1. 2010. С. 54–65.
13. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 222–319.
14. Кислова Л. С. Функции комического в драматургии О. Богаева // Вестник ТГПУ. 2011. Выпуск 7 (109). С. 175–179.
15. Климова Т. Ю. Гамлет Л. Петрушевской в контексте роковых вопросов современности // Вестник ТГГПУ. №1(19). 2010. С. 69–75.
16. Ключев Е. В. Теория литературы абсурда. М.: УРАО, 2000. 102 с.
17. Кривин Ф. Наш доброжелатель Козьма Прутков // Сочинения Козьмы Пруткова. Классики и современники: Русская классическая литература. М.: Художественная литература, 1987. С. 3–10.
18. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высшая школа: Изд. центр «Академия», 2000. 415 с.
19. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Алетейя, 1999. 511 с.
20. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
21. Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. М.: РГГУ, 2001. 190 с.
22. Неканоническая эстетика. Вып. V: Все нелепицы мира: Абсурд в литературе и искусстве: сб. статей / редколлегия: Денисенко С. В. и др. СПб.-Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2019. 312 с.
23. Петренко С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия ВГПУ, 2014. С. 129–135.
24. Плотникова А. Фольклорный текст-абсурд в южнославянском селе XX века // Абсурд и вокруг: сб. статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 397–415.
25. Поимцева О. О. Идеи Ф. М. Достоевского в контексте драмы абсурда: «Парадоксы преступления, или одинокие всадники апокалипсиса» Клима // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 2. Минск: «Белорусский Дом печати», 2013. С. 138–142.
26. Померанц Г. Язык абсурда // Выход из транса. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 413–456.
27. Путило А. О. Визуализация образа К. Пруткова на страницах журнала «Сатирикон» // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2018. С. 159–164.

28. Рясов А. Достоевский и эстетика абсурда (попытка анализа взаимосвязей) // Топос. 26.11.2007. Электронный ресурс. URL: <http://www.topos.ru/article/5949> (дата обращения: 26.12.2018).
29. Хайдеггер М. О существовании человеческой свободы. М.: Владимир Даль, 2018. 416 с.
30. Черноорицкая О. Л. Поэтика абсурда. Т. 1: Классика. Вологда, 2001. 87 с.
31. Черняк М. А. С Гоголем на дружеской ноге: юбилейные заметки // Знамя. № 6. 2009. С. 72–77.
32. Шестов Л. Достоевский и Ницше // Шестов Л. Сочинения в двух томах. Т. 1. Томск: Водолей, 1996. 672 с.
33. Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. М.: Инапресс, 1998. 92 с.
34. Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя // О прозе. О поэзии: сб. ст. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 45–63.
35. Юдин А. В. Русская народная духовная культура. М.: Высшая школа, 1999. 336 с.
36. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2016. 320 с.
37. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). СПб., 2003. 210 с.
38. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 528 с.
39. Esslin M. *The Theatre of the Absurd*. N. Y., 1961. 357 p.

References

1. Avdeeva, G. A. *Imitativnyi printsip yazykovoi igry v publitsistike D. L. Bykova* [Imitative principle of language game in D. L. Bykov's journalism] *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya* [Uralskiy philological bulletin. Series: Russian literature of the XX–XXI centuries: trends and trends Uralskiy philological bulletin. Series: Russian literature of the XX–XXI centuries: trends and trends]. 2016. Pp. 6–15. (In Russian).
2. Avdeeva, G. A. *Priemy yazykovoi igry v yumoristicheskom izdании: na materiale zhurnala «Krasnaya burda»* [Methods of language game in the humorous edition: on the material of the magazine “Krasnaya Burda”] *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa* [Uralskiy philological bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity]. 2018. Pp. 7–20. (In Russian).
3. Bakhtin, M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1990. 543 p. (In Russian).
4. Burenina, O. *«Reyushchee» telo Absurd i vizual'naya reprezentatsiya poleta v russkoi kul'ture 1900–1930-kh godov* ["Flying" body Absurdity and visual representation of flight in Russian culture of 1900-1930-ies] *Absurd i vokrug: Sbornik statei* [The absurd and around: Collection of articles] *otv. red. O. Burenina*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. Pp. 188–241. (In Russian).
5. Burenina, O. *Chto takoe absurd, ili Po sledam Martina Esslina* [What is absurd, or in the footsteps of Martin Esslin] *Absurd i vokrug: Sbornik statei* [The absurd and around: Collection of articles] *otv. red. O. Burenina*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. Pp. 7–75. (In Russian).

6. Chernoritskaya, O. L. *Poetika absurda* [The poetics of the absurd]. T. 1: Klassika. Vologda, 2001. 87 p. (In Russian).
7. Chernyak, M. A. *S Gogolem na družheskoi noge: yubileinye zametki* [With Gogol on a friendly leg: anniversary notes] *Znanya*. No 6. 2009. Pp. 72–77. (In Russian).
8. Eikhenbaum, B. *Kak sdelana «Shinel'» Gogolya* [How is Gogol's "Overcoat" made] *O proze. O poezii*: Sb. st. [About prose. About poetry: Digest of articles]. Leningrad: Khudozh. lit. Leningr. otd-nie, 1986. Pp. 45–63. (In Russian).
9. Esslin M. *The Theatre of the Absurd*. N. Y., 1961. 357 p. (In English).
10. Ibatullina, G. M. Zhanrovyi arkhetyp menippey v poetike komicheskoi novelly M. Zoshchenko [The genre archetype of menippea in the poetics of the comic novel by M. Zoshchenko] *Vestnik UdGU. Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt State University. Philology series]. 2010. No. 4. Pp. 34–45. (In Russian).
11. Kabachek, O. L. *Liki absurda: fol'klor, literatura, internet-zhanry* [Faces of the absurd: folklore, literature, Internet genres] *Bibliotechnoe delo*. [Librarianship]. 2014. No 24. Pp. 14–22. (In Russian).
12. Kamyu, A. *Mif o Sizife. Esse ob absurde* [The myth of Sisyphus. Essay on the absurd] *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat, 1989. Pp. 222–319. (In Russian).
13. Kazantseva, I. A. *Esteticheskoe osvoenie yurodskoi paradigmy v russkoi literature XX–XXI vekov* [Aesthetic development of the yurodsky paradigm in Russian literature of XX–XXI centuries] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. [Bulletin of the Pushkin Leningrad State University]. No 2. T. 1. 2010. Pp. 54–65. (In Russian).
14. Khaidegger, M. *O sushchestve chelovecheskoi svobody* [The essence of human freedom]. Moscow: Vladimir Dal', 2018. 416 p. (In Russian).
15. Kislova, L. S. Funktsii komicheskogo v dramaturgii O. Bogaeva [Functions of the comic in O. Bogaev's dramaturgy] *Vestnik TGPU*. 2011. No 7 (109). Pp. 175–179. (In Russian).
16. Klimova, T. Yu. *Gamlet L. Petrushevskoi v kontekste rokovykh voprosov sovremenosti* [Hamlet of L. Petrushevskaya in the context of fatal issues of modernity] *Vestnik TGGPU* [Bulletin of TGGPU]. No 1(19).2010. Pp. 69–75. (In Russian).
17. Klyuev, E. V. *Teoriya literatury absurd* [The theory of the absurd literature]. Moscow: URAO, 2000. 102 p. (In Russian).
18. Krivin, F. *Nash dobrozhelatel' Koz'ma Prutkov* [Our well-wisher Kozma Prutkov] *Sochineniya Koz'my Prutkova. Klassiki i sovremenniki: Russkaya klassicheskaya literatura* [Works by Kozma Prutkov. Classics and Contemporaries: Russian Classical Literature]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1987. Pp. 3–10. (In Russian).
19. Lebedeva, O. B. *Istoriya russkoi literatury XVIII veka* [History of Russian literature of the XVIII century]. Moscow: Vysshaya shkola: Izd. tsentr «Akademiya», 2000. 415 p. (In Russian).
20. Likhachev, D. S. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury* [Historical poetics of Russian literature]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1999. 511 p. (In Russian).
21. Likhachev, D. S. *Smekh v Drevnei Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 295 p. (In Russian).
22. Meletinskii, E. M. *Zametki o tvorchestve Dostoevskogo* [Notes on Dostoevsky's work]. Moscow: RGGU, 2001. 190 p. (In Russian).
23. *Nekanonicheskaya estetika* [Non-canonical aesthetics] Vyp. V: Vse nelepitsy mira: Absurd v literature i iskusstve: Sb. statei [Issue V: All the Nonsense of the World: The Absurd in Literature and Art: Collection of Articles]. SPb. / redkollegiya: Denisenko S.V. i dr. Tver': Izdvo Mariny Batasovoi, 2019. 312 p. (In Russian).

24. Petrenko, S. N. Pirozhki i poroshki: setevaya poeziya mezhdru fol'klorom i literaturoi [Pies and powders: network poetry between folklore and literature] *Izvestiya VGPU* [Izvestia VGPU]. 2014. Pp. 129–135. (In Russian).
25. Plotnikova, A. Fol'klorni tekst-absurd v yuzhnoslavianskom sele XX veka [Folklore text-absurdity in the South Slavic village of the XX century] *Absurd i vokrug: Sbornik statei* [Absurdity and around. Collection of scientific articles] *otv. red. O. Burenina*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. Pp. 397–415. (In Russian).
26. Pointseva, O. O. *Idei F. M. Dostoevskogo v kontekste v kontekste dramy absurda: «Paradoksy prestupleniya, ili odinokie vsadniki apokalipsisa» Klima* [Ideas of F. M. Dostoevsky in the context of the drama of the absurd: “Paradoxes of crime, or the lone horsemen of the Apocalypse” by Klim] *Karpovskie nauchnye chteniya: sb. nauch. st.* [Karpov Scientific Readings. Collection of scientific articles]. No. 7: v 2 ch. Ch. 2. Minsk: Belorusskii Dom pechati Publ., 2013. Pp. 138–142. (In Russian).
27. Pomerants, G. Yazyk absurda [The language of the absurd] *Vykhod iz transa* [Getting out of trance]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018. Pp. 413–456. (In Russian).
28. Putilo, A. O. Vizualizatsiya obraza K. Prutkova na stranitsakh zhurnala «Satirikon» [Visualization of the image of K. Prutkov on the pages of the magazine “Satyricon”] *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki* [Izvestia VGPU. Philological sciences]. 2018. Pp. 159–164. (In Russian).
29. Rjasov, A. *Dostoevskii i estetika absurda (popytka analiza vzaimosvyazei)* [Dostoevsky and the aesthetics of the absurd (an attempt to analyze relationships)] *Topos* [Topos]. 26.11.2007. URL: <http://www.topos.ru/article/5949> (mode of access: 26.12.2018).
30. Shestov, L. *Dostoevskii i Nitsshe* [Dostoevsky and Nietzsche] Shestov, L. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. T. 1. Tomsk: Vodolei, 1996. 672 p. (In Russian).
31. Schmid, V. *Proza kak poeziya: Pushkin, Dostoevskii, Chekhov, avangard* [Prose as poetry: Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, avant-garde]. Moscow: Inapress Publ., 1998. 92 p. (In Russian).
32. Voronin, V. S. «Zakony» fantazii i absurda v tragicheskom mirooshchushchenii russkoi literatury XX v. [“Laws” of fantasy and the absurd in the tragic attitude of Russian literature of XX century]: dis. ... d. filol. n. Volgograd., 2002. 358 p. (In Russian).
33. Yaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 528 p. (In Russian).
34. Yudin, A. V. *Russkaya narodnaya dukhovnaya kul'tura* [Russian folk spiritual culture]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1999. 336 p. (In Russian).
35. Yung, K. G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2016. 320 p. (In Russian).
36. Yurkov, S. E. *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoi kul'ture (XI – nachalo KhKh vv.)* [Under the sign of the grotesque: antipoverty in Russian culture (XI – beginning of XX centuries)]. St. Petersburg, 2003. 210 p. (In Russian).
37. *Zhitie protopopa Avvakuma i drugie ego sochineniya* [The life of Archpriest Habakum and his other writings]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1991. 368 p. (In Russian).
38. Zhukov, D. A. *Klassik, kotorogo ne bylo* [The classic that didn't exist] *Sochineniya Koz'my Prutkova* [Works by Kozma Prutkov]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1981. Pp. 282–283 (In Russian).
39. Zlotnikova, T. S. A. S. Pushkin – pogranichnaya figura russkoi kul'tury («Pushkin – gran'») [A. S. Pushkin – borderline figure of Russian culture (“Pushkin-edge”)] *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2016. No 6. Pp. 318–323. (In Russian).

**Предметный мир в сборнике рассказов Людмилы Улицкой
«О теле души»**

Статья обращена к современному литературному материалу – сборнику рассказов Л. Улицкой «О теле души» (2019). Предложен мотивный анализ произведений, идет речь об особенностях авторской изобразительной манеры, о путях художественного постижения предметного мира, взаимодействии персонажей с предметно-телесной средой. Высказана гипотеза об агностическом настрое автора и героев в отношении к инобытию.

Ключевые слова: современная русская литература, Л. Улицкая, жанр рассказа, предметный мир, поэтика телесности, агностицизм.

Ilija Nichiporov

**Object World in the Collection of Stories by Lyudmila Ulitskaya
"About the Body of the Soul"**

The article is addressed to the modern literary material – the collection of short stories by L. Ulitskaya "About the body of the soul" (2019). A motivic analysis of the stories is proposed, it is about the features of the author's visual manner, the ways of artistic comprehension of the object world, the interaction of characters with the object-body reality. A hypothesis about the agnostic attitude of the author and the characters in relation to otherness is expressed.

Key words: modern Russian literature, L. Ulitskaya, short story genre, subject world, poetics of corporeality, agnosticism.

Зоркость к предметной, телесной реальности при изображении частного и исторического бытия является ключевым свойством творческого мышления Л. Улицкой, которое в полноте проявилось в ее недавнем романе «Лестница Якова» (2015) [5]. В новом, состоящем из 13 произведений, сборнике рассказов «О теле души» (2019), в «повествовании, перенасыщенном бытовыми деталями» [4] и вместе с тем приобретающем подчас сюрреалистичную окрашенность, нащупываются зыбкие границы материального и мистического измерений.

В сюжетный фокус рассказа «Дракон и феникс» попала прочерченная пунктиром история странной дружбы и даже «узаконенной» в Амстердаме семнадцатилетней «совместной жизни» армянки Муси и азербайджанки Зарифы, выросших в Карабахе, в городе, который с давних времен «был мягко, но убедительно разделен на верхний и нижний, армянский и азербайджанский». Перипетии этих отношений, драматичный разрыв Зарифы с семьей выводят к трагическому повороту – смертельной болезни Зарифы, мучительно оканчивающей свои дни на Кипре, где она «давно уже... купила дом для летнего счастья». На пороге смерти она встречается с когда-то отрекшимся от нее братом Саидом, в полузабытии допытывается о том, «что такое интеллигенция», «чем отличаются армяне от азербайджанцев» и почему их «нельзя усадить за один стол». Не отрефлектированные до конца коллизии рано исчезающей жизни, с рождения знакомых ей межнациональных противоречий после ухода Зарифы обретают зримое воплощение в привезенном Саидом карабахском ковре. Образный мир ковра, на котором «сражались орнаменты», и Дракон сходилась «в смертельной и нескончаемой схватке с Фениксом», запечатлел «замершую навеки память о борьбе» мировых стихий, которые «скованы в одно неподвижное и нерасторжимое кольцо», о противостоянии «двух соседствующих народов... сил природы и мифа, о вражде слабых людей...». «Давно умерший азербайджанский старик» своим искусством уловил ту «древнюю силу» восходящих к архаической мифологии первооснов человеческого существования, которой в финале рассказа рельефно оттенены и горе Муси, обреченной теперь на духовную беспочвенность, и невысказанные терзания Саида, «приехавшего проститься с любимой и проклятой им сестрой».

Предметная среда зачастую служит в сборнике «шифром» семейных, интимных отношений персонажей, их сокровенных устремлений. Центральная героиня рассказа «Алиса покупает смерть», которая «работала инженером-чертежником, любовалась собственной превосходной работой», к 64-м годам достигает утонченного переживания своей телесности, преимуществ унаследованной ею «мешаной крови... полуприбалтийской, полупольской», позволявшей «с раннего возраста охлаждать все страстные... порывы». Обманчивое самовнушение, что теперь «жизнь была доведена до совершенства» и на пенсии она «оказалась восхитительно свободной», в одночасье подрывается внезапной потерей сознания, заставившей ее «задуматься о смерти», «изумиться странному ракурсу», в котором при падении ей открылась привычная домашняя обстановка. Отвергая опыт матери, покончившей с собой «неприлично-литературным способом», Алиса размышляет о необходимости

«избежать самой неприятности смерти», найти «надежного врача» ради заготовления быстродействующего яда, помещенного в «белую фарфоровую коробочку для пудры». В этой эстетизированной детали преломилась присущая современному сознанию иллюзия управления собственным телом, возможности «купить себе легкую смерть», отгородившись от страха перед конечностью земного пути.

Настоятельное желание Алисы непременно «уйти здоровой», в точности когда она сама «примет это решение», оборачивается ее головокружительным романом и браком с 70-летним врачом Александром Ефимовичем, скрепя сердце преподнесшим ей на свадьбу «фарфоровую коробочку, полную зернисто-белого порошка». Эта трогательная любовная история, в которой «недополученное» героиней в молодости «обрушилось на нее в преклонном возрасте» и позволило им обоим «перезапустить гормональные циклы», художественно прослежена в калейдоскопе предметно-телесных подробностей и ассоциаций. «Провал в юность от случайного прикосновения», от волнующих чувственных впечатлений открывает в Александре Ефимовиче, притягивавшем новую жену тем, как он пах «беззлобным детским мылом», способность «угадывать ее прихотливые вкусы». Общее для них переживание условности времени отпечаталось в подаренном ему на юбилей «новом кожаном портфеле, который отличался от старого только изменившейся цифрой на серебряной нашлепке – “70” вместо “60”». Устройство микроклимата и бытовой прочности семейной жизни, сопряженное с основательной починкой в квартире Алисы «всего, что было подклеено пластырем и подвязано веревочкой», косвенно подкрепленное неожиданной беременностью его младшей дочери и, казалось бы, надежно «застрахованное» бережно хранимой фарфоровой коробочкой, – в новеллистической концовке произведения обрывается гибелью обремененного тщательно сделанными покупками Александра Ефимовича по дороге к новорожденной внучке. Перспектива забот о ребенке колеблет недавнюю самоуспокоенность героини, поневоле выводит ее из круга привычных предметов и стереотипов, так как теперь «воспользоваться свадебным подарком мужа Алиса уже не могла».

В рассказе «Вдвоем» телесные и предметные образы становятся средством изображения любовной привязанности и в то же время своей хрупкостью приоткрывают ужасающие пределы земных восприятий. В чувственно насыщенных воспоминаниях героя – «любителя свежих отношений и убежденного врага верности» – очередная интрига с «новой лаборанткой» перерастает в потрясший его и незнакомый по двум распавшимся бракам опыт душевно-телесного единения: «Тела их заговорили даже раньше, чем они

узнали имена друг друга... Ответ ее тела был началом того самого разговора, который они вели беспрерывно уже тридцать лет... Даже волосы ее обладали отзывчивостью. И Валентин Иванович знал, что отзывчивость ее тела была гениальной и каждая отдельная часть умела разговаривать: ее детские пальцы с короткими ногтями – с его огрубевшими от старости грабками, рот, зубы, язык, живот и все, что в глубине, вело взаимный разговор...» Целостное познание им любимого существа вбирает «ее запах», не раз мелькающую в воспоминаниях «зеленую ленту в блекло-рыжих волосах» и преломляется в отчаянное видение ее нынешнего изболевшегося и беспомощного тела, напоминающего «высохшую птичку с острым клювиком». Жестовое самовыражение персонажа выдает отчаянную попытку удержаться в родной телесной стихии под натиском надвигающейся пустоты: «Валентин Иванович зажимал в пальцах мятую зеленую ленту... На часах половина четвертого. Пустота».

Ансамбль предметных «спутников» частной жизни образует искусно выстроенную композицию рассказа «Благословенны те, которые...» Сюжетный рисунок произведения основан на вариативном повторении психологически травматичной бытовой ситуации разбирания пожилыми сестрами имущества, оставшегося после их 90-летней матери – «знаменитого лингвиста и исследовательницы древних языков».

Погружение героинь в пространство повседневных интересов и склонностей матери – в московской квартире и итальянской деревне – сопровождается эмоционально нелегким созерцанием этого чуждого им микрокосма, «заваленного» бумагами, пыльными книгами, бессмысленным для них «хламом», наподобие «маленькой плошки с камешками, ракушками». К случайным осколкам прошлого им «было страшно прикоснуться», из них складывался мозаичный образ покойной, с ее «предметными» пристрастиями и самозабвенной увлеченностью все новыми языками и текстами. Ранняя потеря мужа в 41-м, рождение второй дочери в 38 лет от кратковременного романа с бывшим студентом, отдаление от семейных забот ради служения науке – эти вехи материнской судьбы спустя годы отзываются для сестер тягостным осознанием себя в качестве взаимно отчужденных жертв ее нелюбви, ибо, как они полагают, «она никого не любила, только свои буквы». Однако среди вещей, рукописей, так и оставшихся загадочными приметам прожитой жизни, ими была найдена проникновенная, принесенная из итальянской церкви молитва пожилого человека. В этом тексте им слышится материнский голос, который на их уже старческую желчность, годами копившееся недовольство судьбой отвечает кротким признанием своих немощей и благодаре-

нием – по замечанию автора, близость к смерти и примирение стали пересекающимися лейтмотивами сборника [2]. Наметившийся переворот в отношении героинь к матери, себе и друг ко другу на предметном уровне тонко передан в их решении сберечь «записные книжки матери и перевод молитвы пожилых», «фарфоровую плошку, в которой лежали ракушки, камешки и бусины, которые делили с их матерью ее одиночество», а также в жестовом поведении, обещающем смягчение многолетних барьеров: «В самолете они подняли разделительный подлокотник между креслами, тщедушным плечом и всем своим воробьиным лицом Нина уткнулась сбоку в большую мягкую грудь сестры. И обе заснули. Одиночество их оставило».

Предметом художественного осмысления в лучших рассказах сборника Улицкой оказываются исчезающий вещный мир, угасающая телесность, в которых сквозит смутно прозреваемое инобытие, проступают «эфемерное измерение, тонкая грань между жизнью и смертью, растекающаяся и сливающаяся, не дающая отличить реальность от мистики» [3].

Композиционным центром рассказа «Человек в горном пейзаже» выступает жизненный путь «странного» героя, единственного сына своей одинокой матери, который еще с дошкольной поры как будто выпадал из течения повседневности и предавался долгим, ни к чему не ведущим созерцаниям законных видов. Судьбоносным случаем оказывается для него знакомство с доставшимися от старого фотографа снимками и особенно с громоздкой фотоаппаратурой. Посещение фотокружка позволяло Толе хотя бы на время «переставать быть отстающим и неразвитым», сулило прорыв к подлинной, как ему представлялось, жизни. Последующие этапы судьбы – ПТУ, армия, работа фотолаборантом, материальный успех, поездки по стране и даже «кривоватый роман», так и не приведший к созданию семьи, – лишь «по касательной» попадали в поле его внимания. Увлечшись в юности «нефункциональной» предметностью фототехники, когда значение ее элементов было ему еще неизвестно, он трансформировал это впечатление в многочисленные пейзажные съемки, в свободное от всякой прагматики вглядывание в предметно-телесную действительность. Герой страстно ловил привлекавшие внимание виды в объектив, где «как будто пейзаж умялся и оказывал человеку свою милость», на пике творческого вдохновения «ему все хотелось соединить человека с природой, но масштаб человека и масштаб природы не хотели совмещаться», и даже «женские лица он пристально рассматривал только в видоискателе, да и вообще самое интересное в жизни происходило именно в этом глазке». Постигшая его после 30 лет болезнь сделала невозможными профессиональные съемки и участие в жизни внешнего мира, обусловила его «растворение» в пространстве созданных прежде фотографических изобра-

жений. Мистичен финал рассказа: заложник «чистой» предметности решается на последнее бегство в реальность по ту сторону объектива, поскольку «пейзаж звал его к себе, и он чувствовал, что наконец он сможет войти в него. Пейзаж его принимал. И, что самое странное, – никакой рамки не было. Она теперь вообще была не нужна...»

Взаимопроникновение предметной изобразительности и мистической интуиции происходит в рассказе «Аутопсия». Отчасти подобно фотографу Толе, старый патологоанатом Коган видел себя «священником чистой телесности, последним уборщиком храма, который покинула душа». Врачебное исследование пораженной телесности открывало для него тело как «непрочитанную книгу», при вскрытии он «успевал прочитать историю жизни», вычислить потенциальные, отмененные смертью траектории развития организма. Недоуменное изучение им двух медицински необъяснимых, «как будто посмертно произведенных» надрезов на спине убитого молодого музыканта становится отправной точкой для ретроспекции этой рано оборвавшейся творческой жизни. Игра на флейте дарила Всеволоду ощущение преодоления обыденности; по оценке окружающих, это была «огненная», «небесная», «как будто детская и прозрачная» музыка, которая теперь «ушла с ним вместе». Его мучительное умирание ассоциативно выведено как творческое вчувствование в физическую боль, вслушивание в ноту «ля», продвижение по «коридору тьмы... в сторону света», обретение способности «расправить прорезавшиеся в спине большие влажные крылья» и прикоснуться к новому бытию «выше боли», к радости «трудного возвращения домой». Таинственный уход Когана, который «лежал под клетчатый пледом и улыбался», трактуется как откровение об инобытии, которое сквозит в знаках предметного мира, нуждающегося в метафизической «аутопсии».

Выразителен заключительный аккорд сборника – рассказ «Серпантин», посвященный памяти Е. Ю. Гениевой. Склад мышления, образ жизни, профессиональная деятельность Надежды Георгиевны – «библиографа еще с древних докомпьютерных времен» – были сосредоточены на плодотворном пребывании в предметной сфере книг, слов, человеческих характеров, творческих планов. Выработанная опытом и принадлежностью к «породе книгопочклонников» цепкая память позволяла ей «ничего не пропускать, ничего не забывать», и лишь в преддверии 60-летия случайно забытое в разговоре слово «серпантин» оказалось симптомом быстро прогрессирующей когнитивной деструкции. В рассказе достигает апогея сквозной для сборника Улицкой и восходящий к ее предшествующим вещам трагический мотив оскудения памяти, болезненного распыления густой предметности: «высыпались слова, фамилии, цифры», обнажая зияющие пробелы. Из последних творческих сил

героиня, уже забывающая имена близких людей, успела поименовать свой недуг «серпантиновой болезнью», не только диагностируя состояние, когда «мир ее сжимался, белые пятна ускользнувших и забытых вещей расширялись», но и предощущая в «теперешней белизне» и неотвратимом ударе вхождение в вечность, «плотную и прекрасную ткань» иного мира, контуры которого поддаются, впрочем, лишь апофатическому описанию: «Границ не было у этого сияющего мира. Он двигался, расширялся и разворачивался, как серпантин».

Итак, образный мир новых рассказов Улицкой характеризуется утонченной отделкой и изяществом предметно-телесного рисунка, который нередко первенствует над событийным рядом, выдвигается в центр композиции и становится объектом творческой рефлексии. В некоторых произведениях («Алиса покупает смерть», «Вдвоем») в пластичном изображении стихии эроса, «вживленной» в плоть бытия и овеванной чувством обреченности, просматривается родство с лейтмотивами зрелой бунинской прозы. Чувственная реальность насыщена в рассказах Улицкой подчас неожиданно решающими для персонажей зримыми и метафизическими знаками, при этом в обозрении «серпантина» иной жизни у автора и героев ощутимы агностический настрой, тревога перед возможной конечной «пустотой» мироздания.

Список литературы

1. Улицкая Л. О теле души. Электронный ресурс. URL: <https://a1.bookzip.ru/reader/5819/> (дата обращения: 24.09.2020).
2. «Близость к смерти – хорошее испытание». Людмила Улицкая о новой книге, женской дружбе и отношениях с возрастом [интервью]. Электронный ресурс. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/387365-blizost-k-smerti-horoshee-ispytanie-lyudmila-ulicka-ya-o-novoy-knige-zhenskoj> (дата обращения: 24.09.2020).
3. Алексанян А. Есть душа. О новом сборнике рассказов Людмилы Улицкой. Электронный ресурс. URL: <http://vovkuse.net/ulicka-ya> (дата обращения: 24.09.2020).
4. Кузнецова Е. УлицкаяToo: Кого и зачем убила лауреат «Русского Букера» в новой книге. Электронный ресурс. URL: <https://calendar.fontanka.ru/articles/8929/> (дата обращения: 24.09.2020).
5. Ничипоров И. Б. Личность и история в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Пушкинские чтения–2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XXI междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2016. С. 75–80. Электронный ресурс. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27624034_95069558.pdf.

References

1. Ulickaya, L. *O tele dushi* [About the body of the soul]. Elektronnyj resurs. URL: <https://a1.bookzip.ru/reader/5819/> (data obrashcheniya: 24.09.2020).

2. «Blizost' k smerti – horoshee ispytanie». Lyudmila Ulitskaya o novoy knige, zhenskoj družbe i otnosheniyah s vozrastom [interv'yu] ["Being close to death is a good test." Lyudmila Ulitskaya about a new book, female friendship and relationships with age [interview]] Elektronnyj resurs. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/387365-blizost-k-smerti-horoshee-ispytanie-lyudmila-ulitskaya-o-novoy-knige-zhenskoy> (data obrashcheniya: 24.09.2020).

3. Aleksanyan, A. *Est' dusha. O novom sbornike rasskazov Lyudmily Ulitskoy* [There is a soul. About the new collection of stories by Lyudmila Ulitskaya]. Elektronnyj resurs. URL: <http://vovkuse.net/ulitskaya> (data obrashcheniya: 24.09.2020).

4. Kuznecova, E. *UlitskayaToo: Kogo i zachem ubila laureat «Russkogo Bukera» v novoj knige* [UlitskayaToo: Who and why did the Russian Booker laureate kill in the new book?]. Elektronnyj resurs. URL: <https://calendar.fontanka.ru/articles/8929/> (data obrashcheniya: 24.09.2020).

5. Nichiporov, I. B. Lichnost' i istoriya v romane L. Ulitskoy «Lestnica Yakova» [Personality and history in L. Ulitskaya's novel "Jacob's Ladder"] *Pushkinskie chteniya-2016. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy XXI mezhdunar. nauch. konf.* [Pushkin Readings–2016. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: materials of the XXI international scientific conference] pod obshch. red. V. N. Skvorcova; otv. red. T. V. Mal'ceva. SPb., izd-vo LGU, 2016. Pp. 75–80. Elektronnyj resurs. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27624034_95069558.pdf (data obrashcheniya: 24.09.2020). (In Russian).

ЛИНГВИСТИКА, ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

УДК 811.161.1

ГРНТИ 16.21.63

Т. Е. Лебедева

Лексика говоров Бокситогорского, Волховского, Подпорожского и Тихвинского районов Ленинградской области (материалы к Словарю говоров Ленинградской области)

В статье представлены материалы к словарю говоров Ленинградской области. Материалы отражают диалектную лексику Бокситогорского, Волховского, Подпорожского и Тихвинского районов в конце XX – начале XXI вв. В словарных статьях приводятся диалектизмы различных типов, а также отдельные просторечные лексические единицы, входящие в лексикон носителей говора. Материалы также отражают фонетические и грамматические особенности говоров.

Ключевые слова: материалы экспедиций, говоры Ленинградской области, словарные статьи.

Tatiana Lebedeva

Dialect Vocabulary of Boksitogorskiy, Volkhovskiy, Podporozhskiy and Tikhvinskiy Districts of Leningrad Region (Articles for the Dictionary of the Dialects of the Leningrad Region)

The article presents materials for the dictionary of the dialects of the Leningrad region. These materials reflect dialect vocabulary of Boksitogorskiy, Volkhovskiy, Podporozhskiy and Tikhvinskiy districts in the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries. Dictionary entries represent various types of dialectisms as well as some vernacular words which are the part of the lexicon of the dialect speakers. The materials also reflect phonetic and grammatical features of the dialects.

Key words: expedition materials, dialects of the Leningrad region, dictionary entries.

Ленинградская область как административно-территориальная единица сложилась в годы советской власти. Современное административное деление территории не отражает диалектного членения этого пространства: говоры,

существующие на территории Ленинградской области, относятся частью к Олонецкой [6, с. 26–27] (по другому источнику – Ладого-Тихвинской (см. [3]), частью к Новгородской группам. Несмотря на давнюю традицию изучения говоров Ленинградской области, как отдельный регион область до сих пор не представлена в отечественной лексикографии: отдельные сведения о лексике говоров Петербургской губернии – Ленинградской области можно найти в Словаре Даля [2], Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей [4], Словаре русских народных говоров (далее – СРНГ) [5]. В настоящее время в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН ведётся работа по подготовке словаря говоров Ленинградской области по архивным материалам первой половины XX в. [см.: 1, с. 53]. В связи с этим публикация диалектных материалов, отражающих состояние говоров Ленинградской области во второй половине XX – начале XXI вв., представляется актуальной для современной и исторической диалектологии.

В данной статье представлена попытка лексикографирования материалов диалектологических экспедиций, осуществленных в промежуток с 1994 по 2011 гг. преподавателями и студентами филологического факультета ЛГУ им. А. С. Пушкина.

В записях представлена речь жителей исследуемого региона 1920–1930-х годов рождения. Примечательно, что в их речи постоянно встречаются выражения «раньше-то говорили», «мы называли» – глаголы говорения употребляются преимущественно в форме прошедшего времени. Подобные употребления указывают на то, что диалектные черты, диалектная лексика осознаются сегодня как отживающие явления, как принадлежность прошлого. В то же время записи свидетельствуют об осознаваемом информантами противопоставлении речи городских и сельских жителей: часто в речи информантов «по-вашему», «у нас» и подобное.

В представленных ниже словарных материалах приводятся лексические единицы, имеющие диалектные особенности (как в форме, так и в семантике), а также просторечные языковые единицы, входящие в активный запас носителей говоров (критерием здесь служит повторяемость, употребляемость слова жителями разных населенных пунктов, разными жителями одного населенного пункта). Вполне вероятно, что в словник попали и окказиональные образования, так как имеющиеся записи не всегда дают возможность разграничить индивидуальные черты речи отдельного информанта и системные диалектные явления описываемого населенного пункта.

Структура словарной статьи традиционна: заголовочное слово, грамматическая характеристика, толкование, иллюстративная зона, год фиксации, географическая помета.

Написание заголовочного слова дается следующим образом. В случае если диалектное слово имеет общерусский корень, написание дается в орфографической традиции. Так, слова, которые в фонетической транскрипции начинаются на безударное [a] в приставке или корне, знаком литературному языку, то в алфавите такое слово даётся на О. Если слово начинается на ударный [a], оно дается на букву А. Если корень слова не известен литературному языку или внутренняя форма слова недостаточно прозначна, чтобы установить мотивировочный признак, мы ориентировались на форму слова, приведенную в СРНГ. Буквы Е и Ё различаются.

В одной словарной статье разрабатываются акцентологические и фонематические варианты одного и того же слова, например, **Бесѣда** и **Бесѣда**; каждый вариант снабжается своей географической пометой.

Омонимы даются в разных словарных статьях.

Выделяются оттенки значений (знак ||), устойчивые сочетания, в которых встречается слово (за знаком ◇).

Иллюстративный материал призван наиболее полно продемонстрировать употребление конкретной лексической единицы и одновременно отразить типичные фонетические и грамматические черты говора населенного пункта. Иллюстрации располагаются в хронологическом порядке: сначала дается самая ранняя фиксация, затем приводятся иные примеры употребления слова, сопровождающиеся указаниями на время фиксации и соответствующими географическими пометами. В случаях, когда иллюстративный материал отражает фонетические и грамматические особенности диалектной речи, пример дается в виде, максимально приближенном к фонетической транскрипции. В остальных случаях примеры даются в традиционной орфографии. Выбранный подход приводит к отсутствию единообразия подачи материала, но позволяет представить максимальный объем сведений о речи информанта, когда это необходимо.

Среди лексики обозначенных районов встречаются следующие типы диалектизмов: фонематические (*гѳресь* – горесть), лексико-словообразовательные (*дверѳнка* – ‘маленькая дверь в подполье, в подвал’), морфологические (глагол *бѳгаться* в знач. ‘играть’ обладает возвратным значением, не свойственным данному глаголу в литературном языке), семантические (*блѳдо* – ‘подоконник’, *горѳжанка* – ‘огороженный участок, где пасутся овцы’), собственно лексические (*грѳза* – ‘плохая, невкусная еда’,

дъягла – ‘трясина’). Наиболее многочисленными по составу являются такие тематические группы лексики, как «человек» (характер и внешность), «жилище», «пища», «сельскохозяйственные работы», «явления природы».

А

Аба́бок, *сущ., м.* Переросшие грибы. *Что ты абабков-то набрал?* 1997, д. Носово, **Боксит**.

Абрусьё, *сущ., ср.* Четырёхгранный брусок. 1995, д. Анисимово, **Боксит**.

Адёр – см. **Одёр**.

А́жно, *союз, част.* 1. Даже, так что. *Ажно губа вся затряслась.* 1995, д. Заголодно, **Боксит**. *Ажно не знаю, что и сказать.* 1996, д. Цвылево, **Тихв**. *Ой, девоньки, сегодня так наработалась, ажно спину ломит.* 1996, д. Сухая Нива, **Боксит**. 2. Между тем, вот. *Ажно так долго.* 1997, д. Заборье, **Боксит**.; 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Аймиштáться, *глагол., неперех.* Потерять сознание. *Избила мать мальчишку, так что аймиштался.* Год? д. Юсковичи, **Подпорож**.

Ала́ки, *сущ., мн.* Челюсти. 1995, д. Заголодно, **Боксит**.

А́ли, *аль, союз.* Или. *В кредит, аль как называют теперь.* 1994, д. Гагарино, д. Юрцево, д. Яхновщина, д. Глядково, **Волхов**. *Стол отнести аль гостей отвести?* 1996, д. Пяхта, **Тихв**. *Что-то ты загрустил, сынок, аль захворал.* 1996, д. Абрамова Гора, **Боксит**. *Али нет. А́льно, междом.* Аж. 1995, д. Заборье, **Боксит**.

Аля́быш, *сущ., м.* (*Шутл.*) Шлепок ладонью по телу. *Мальчишка надожливо вертелся под ногами, за что в конце концов и получил алябыш* (пример недостоверный). 1996, **Тихв**.

Ами́нить, *глагол., неперех.* Говорить «аминь». 1995, д. Заголодно, **Боксит**.

Амша́ник – см. **Омшаник**.

Анады́сь – см. **Онодысь**.

Анба́р, *сущ., м.* 1. Строение для хранения сетей и мрежей. *Повесили в анбары.* 1994, д. Креницы, **Волхов**. 2. Амбар. *Лишь Зина с ней попрощалась, отошла к анбару-ту, он в неё и грохнул ружьём-то.* 1997, д. Ганьково, **Тихв**.

А́нгель, *сущ., м.* Ангел. 1994, д. Хамонтово, **Волховск**.

Ангúтка, *сущ., ж.* Нечистая сила. *В деревне у нас бабка-ведунья была, с ангуткой общалась.* 1996, д. Сухая Нива, **Боксит**.

Аногда́сь – см. **Оногдась**.

Ану́чи – см. **Онучи**.

Апа'ва – см. **Опава**.

Армáт, *сущ., м.* Танк. *В Москве арматы были!* 1996, д. Пяхта, **Боксит**.

Артéль, *сущ., ж.* 1. Семья, рабочие люди в семье. 1995, пос. Ефимовский, д. Климово **Боксит**. 2. Постоянная компания одного возраста. Анютка на четыре Уода стари мине, она со сваёй артелию и Урала. 1997, д. Липная Горка, **Тихв.**; 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Б

Бабíра, *сущ., ж.* Рыба, как налим ползает по дну. Год? д. Заборье, **Боксит**.

Ба́бить, *глагол., перех.* Принимать роды [?]. *Чуть не забabila она.* 1996, д. Горка **Боксит**.

Ба́бка 1, *сущ., ж.* 1. Наковальня для отбивания косы. *Малаток и бапка.* 1995, д. Заголодно, д. Великое Село, д. Косые Харчевни, д. Нос, д. Сухая Нива, **Боксит.**; д. Поляша **Волхов.** ◇ **Бабка отбойная.** Инструмент для отбивания косы. 1994, д. Алексино **Волхов.** 2. Место, где отбивают косу. *Там, где бабка стоит.* 1997, д. Черна, **Волосов.**

Ба́бка 2, *сущ., ж.* 1. Женщина-знахарка. 1995, пос. Ефимовский, **Боксит**. 2. ◇ **Бабка чёрная.** Колдунья. 1994, д. Посадница **Волхов.**

Ба́бка 3, *сущ., ж.* Приспособление для намотки ниток. 1995, д. Михалево, **Боксит**.

Ба́бка 4, *сущ., ж.* 1. Малая укладка снопов. 1997, д. Потанино, **Волхов.** || Укладка из десяти овсяных снопов. 1993, д. Юсковичи **Подпорож.** || Укладка снопов льна, ржи, ячменя 1994, д. Алексино **Волхов.**

2. Укладка из пяти снопов. 1994, д. Посадница, д. Реброво **Волхов.** 1995, д. Анисимово, д. Елзово, пос. Ефимовский, д. Заборье **Боксит.** || Пятый сноп в укладке, который клали на четыре снопа, сложенных вместе. 1995, **Боксит.**

3. Несколько скрученных вместе волокон льна, подготовленных для прядения. *Это сначала лён-то серпом, потом делаем со льна несколько веток, и вот так закручиваем, чтобы их завязать-то, несколько их вместе зделаем – вот и бабки называется.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Ба́бочка, *сущ., ж.* Пять уложенных вместе снопов: ставят снопы так, что внутри образуется пустота. *Лен в бабочки поставят; снопы бабочкам ставят.* 1995, д. Заборье, д. Климово, д. Фалилеево **Боксит.** || Пять снопов. Год? д. Калинецкое, **Боксит.** || Укладка из трех снопов. *Бабочки – по три снопика в ряд.* Год? д. Утишьё **Боксит.**

Ба́буна, *сущ., ж.* Гриб [какой?]. 1995, д. Михалёво **Боксит.**

Бабу́ра, *сущ., ж.* Старая бабушка. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Бабышо́к, *сущ., м.* Нераспустившийся цветок. 1995, д. Струги **Боксит.**

Баго́нье, *сущ., ср.* [Знач.?] *Мы с ней пришли в лес, морошки-то многа. Я ведь не понимала, как я буду брать – маленька была. И я со всей морошкой, со всем багоньем, насыплю корзинку.* 2009, д. Исаково **Тихв.**

- Багрови́ще**, *сущ., ср.* Черенок от багра. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Багу́ла**, *сущ., род?* Багульник. 1995, д. Михалёво **Боксит**.
- Ба́енка**, *сущ., ж.* Баня. *Баенка у них на бережку.* 1995, д. Анисимово, д. Заборье, пос. Ефимовский **Боксит.**; 1994 д. Алексино, д. Великое Село, Залужье **Волхов**.
- Ба́енник**, *сущ., м.* Существо, которое живет в бане. 1995, д. Заборье, **Боксит**.
- Бажёный**, *прил.* Желанный, сердечный, милый, родной. *К нам приехал бажёный дедушка.* 1996, **Тихв**.
- Ба́йкать**, *глагол., несов., перех.* 1. Рассказывать сказки. 1995, д. Чудесная **Боксит**. 2. Баюкать ребенка. 1994, д. Посадница, **Волхов**.
- Ба́йна**, *сущ., ж.* 1. Баня. *Идём в байну мытца.* 1993, Лодейное поле. *Топим байну и лён мнём.* 1994, д. Алексино, д. Березы, д. Коскиницы, д. Подолково, д. Посадница, д. Усадище, д. Хамонтово **Волхов**. 1995, пос. Ефимовский, д. Анисимово, д. Климово, д. Михалёво, пос. Заборье 1996 д. Труфаново **Боксит**. *Надо иттить байну стапить.* 1996, *Мужики мылись в байне.* 1996, д. Харитоновщина, пос. Шугозеро, д. Пашозеро, **Тихв.**; 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.
2. Наказание, порка. *Байну палучил харошую.* 1995, д. Заголодно **Боксит**.
- Балабёсить**, *глагол., несов., перех.* Говорить чепуху. *Я ему говорю: что ты балабесишь ерунду-то всякую?* 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.
- Балабо́лка**, *сущ., ж.* Болтунья. *Она у нас такая балаболка, што сил нет. Как начнёт говорить...* 1996, д. Мехбаза, **Тихв.**; 2009, д. Коськово **Тихв**.
- Балабу́ша**, *сущ., ж.* Пышный пирог. *Сиводня без ягат испекла, балабушу, эта пирок такой.* 1996, д. Островок, **Тихв**.
- Балага́н**, *сущ., м.* 1. Шатёр, палатка. 1995, д. Машнёво, **Боксит**. || Торговая палатка. 1994, д. Алексино, **Волхов**. 2. Полог. 1995, д. Машнёво, **Боксит**.
- Балаго́вка**, *сущ., ж.* Музыкальный инструмент, разновидность гармошки. 1995, д. Фомкино, пос. Заборье, **Боксит**.
- Бала́кать**, *глагол., несов., неперех.* Разговаривать. 1997, д. Ярославичи, **Подпорожск**.
- Бала́нец**, *сущ., м.* 1. Древесина, которая шла на производство бумаги. *Баланец скаблil.* 1994, д. Будаевщина, д. Алексино, д. Реброво **Волхов**. 2. Одно- или двухметровое полено. 1994, д. Алексино, д. Коскеницы, **Волхов**.
- Балахна́**, *сущ., ж.* Игра наподобие «кучи малы», в которую играли на работе во время перекуров. 1995, пос. Заборье, **Боксит**.
- Балахо́н**, *сущ., м.* 1. Неприглядная, некрасивая одежда. *На ней балахон цветастый.* 1996, пос. Шугозеро, **Тихв**. 2. Халат. *Белый балахон.* 1995,

пос. Ефимовский, **Боксит**. 3. Накидка из холста. *Не забудь адеть балахон*. 1996, д. Кузьминки, **Тихв**. || Длинный пиджак из холста, рабочая одежда. 1995, д. Струги, **Боксит**. 4. Мужская одежда из шерсти. 1995, п. Ефимовский, **Боксит**.

Балдынь, суц., ж. ◇ **По балдыни**. По лбу. *Так гаварили раньшы, сичас гаварят по лбу*. 1997, д. Феньково, **Подпорож**.

Балка, суц., ж. Граница между мутной и чистой водой на Ладожском озере. 1994, д. Юшково, **Волхов**.

Балоружина, суц., ж. Большая лужа. *На дороге есть баларужина*. 1996, д. Харитоновщина, **Тихв**.

Балтушки, суц., множ. Гулянки. *Ты на балтушки-та не хади*. 1997, д. Ярославичи, **Подпорож**.

Балы, суц., множ. Пустые разговоры, болтовня. *Ана тожа любит балтатъ, балы развадитъ*. 1997, д. Коськово, **Тихв**.

Балясина, суц., ж. Резной столбик, который ставился на крыльце. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Балясы, суц., множ. Несущественный разговор, болтовня. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Бараний, прил. ◇ **Бараньи дудки**. Растение вех ядовитый. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Баранка, суц., ж. Пшеничный хлебец в виде круга, из заварного теста. *Пикла фсе баранки*. 1995, д. Михалёво **Боксит**.

Барановка, суц., ж. [Знач.?] *Так называют, патаму шта многа камней (как боран упёрся)*. 1994, д. Иссад **Волхов**.

Баретки, суц., множ. Туфли. 1995, д. Большой Двор **Боксит**. || Туфли из кожи. 1995, д. Анисимово **Боксит**. || Тапки. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Баркан, суц., м. Морковь; то же, что **буркан**. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Барошной, прил. Большой. *Барошной гвось, на нево цыпляли зынку*. 1994, д. Посадницы **Волхов**.

Барснуть, глаг., сов., неперех. Очистить лен от зерен. Год? д. Коскеницы, д. Юрцево **Волхов**.

Барыш, суц., м., в знач. нареч. Очень много, «сверх головы». *Норму знать черес барыш*. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Барышной, прил. Большой. *Барышной гвоздь*. 1994, д. Реброво **Волхов**.

Баса, суц., ж. Красота. *Какая баса! Девушка была невиданной басы*. 1996, д. Абрамово **Тихв**.

Басенка, суц., ж. Разговор. *Не паюцца песенки, не говоряцца басенки, долго не видала догогово Васеньки*. 1995, д. Машнево, д. Сухая Нива **Боксит**.

Басенькой, прил. Красивый. 1994, д. Посадница, д. Реброво **Волхов**. 1995, д. Никола **Боксит**. *А голос у него какой басенькой, вам бы послушать*. 1996, Пикалево **Боксит**.

Бáси, междом. Слово, которым подзывают овец. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Бáска, сущ., ж. Кофта с пуговицами. 1995, д. Великое Село, пос. Ефимовский **Боксит**.; 2009, д. Коськово **Тихв**.

Баскóй, прил., кр.ф. **Бáсок**. Красивый. 1993, **Лодейноп.**; *Баска дефка словна ...* 1995, д. Анисимово **Боксит**.; д. Косые Харчевни, д. Анисимово, Большой двор, Заборье **Боксит**. *Дефка-та баская у них*. 1996, д. Пашозеро **Тихв**. *Дарья-то стала шипко баской*. 1996, д. Харитоновщина, **Тихв**.; *Какая у тебя кофточка баская, как ты и сама*. 1996, д. Колбени, д. Григоркино, д. Шугозеро **Боксит**. *Какой баской двор*. 1997, д. Золотово, д. Михново **Боксит**.

Батóг, сущ., м. Деревянная палка для ходьбы. *Батог возьмешь и идешь в лес, я не боялась*. 1996, д. Горка **Тихв**.

Баты́жка, сущ., ж. Деревянный шест с колесом (?) на конце. *Батыжкой в реке рыбу в сеть загоняют, ботают, значит. Это шест деревянный, а на конце колесо. Им по воде и бьют, пугают рыбу*. 2009, д. Ваньково **Тихв**.

Бáтько, сущ., м. 1. Отец. 1995, д. Анисимово, д. Чудская **Боксит**. *Позорно было батьком звать*. 1995, пос. Заборье, **Боксит**. *Пока батька не конет лошкой*. 1995, д. Большой Двор **Боксит**.; д. Пашозеро **Тихв**. 2. Крестный отец. 1994, д. Великое Село, **Волхов**.

Бáтюшко, сущ., м. Церковный чин, батюшка, священник. *Тогда ф троицу ходил батюшко*. 1994, д. Алексино, **Волхов**. *Батюшко приходил с иконам*. 1995, д. Великое Село **Боксит**.

Бахíлы, сущ., множ. 1. Чулки под лапти. 1995, д. Сухая Нива **Боксит**. 2. Большие кирзовые сапоги. *Одень бахилы*. 1997 д. Черное **Волхов**. || Обувь, кожаные сапоги. 1995, д. Машнево **Боксит**. || Сапоги, сшитые из кожи или брезента. *Бахилы на наўи аद्याют, они как сънаўи, воду ни прапускают, аборкими падвяжыш*. 1997, д. Клинец **Тихв**. || Сапог намного большего размера; сапог, который велик. *Бахилы – сапоги больше на три-четыре размера, которые не держатца на ногі*. 1995, пос. Заборье **Боксит**. 3. Нижняя часть сапога без голенища. *Бахилы – отрежу сапоги от голенища*. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Ба́хнуть, глаг., сов., неперех. Пролететь (о самолете). *Бахнет самолет*. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Бáчинка, сущ., род? Яйца муравьев, используемые как наживка при рыбной ловле. – *А какая наживка была? – Дак ясно дело, червяков в поле выкапывали, а то вон и бачинка – яйца этих муравьев*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

1. **Ба́чить**, глаг., несов., перех. Говорить. 1995, д. Машнево **Боксит**.
 2. **Ба́чить**, глаг., несов., перех. Кипятить. *Бачить бельё*. 1994, д. Алексино **Волхов**.
- Бачко** [Удар.?] сущ., м. Батюшка, отец. *Бачко мой красавец был: волосы черные, густые*. 1996, д. Сафроново **Боксит**.
- Баш-баш**, междом. Слово, которым подзывали овец. 1997, д. Ярославичи **Подпорожск**.
- Ба́ша-ба́ша**, междом. То же, что **баш-баш**. 1994, д. Реброво **Волхов**.
- Ба́шеньки-ба́шеньки**, междом. То же, что **баш-баш**. 1995 д. Анисимово, д. Большой двор **Боксит**.
- Ба́ши-ба́ши**, междом. То же, что **баш-баш**. 1994, д. Алексино, д. Кадище, д. Усадище **Волхов**.; [год?] д. Часовня **Боксит**.
- Башма́чка**, сущ., ж. Брезент. *Башмачку ткут*. 1995, д. Заголодно **Боксит**.
- Ба́шой-ба́шой**, междом. То же, что **баш-баш**. 1997, д. Ярославичи **Подпорожск**.
- Баю́н**, сущ., м. Говорун. *Опять баюн идёт*. 1996, д. Харитоновщина **Тихв**.
- Баюно́к**, сущ., м. Сказочник. ... *а старик-то наш лофкой баюнок был*. 1996, **Боксит**.
- Ба́ять**, глаг., несов., перех. Говорить. *Макар баял, будто в лису медведь обьивился*. 1996, **Тихв**.; д. Харитоновщина **Тихв**. *Сосетка баила ви^ечор*. [Год?], д. Ругуй **Тихв**.; п. Шугозеро **Боксит**. || Рассказывать. Хорошо баишь скаски, дед. 1996, д. Сухая Нива **Боксит**. *Што баишь, скаску? Год?* д. Мирная Горка, **Тихв**.
- Бе́гаться**, глаг., неперех., несов. Играть. 1997, д. Ярославичи **Подпорожск**.
- Бедно́**, нареч. Бедно. *Мы тогда бидно жили, а мать еще братика родила, тижыло мне было*. 1996, д. Горка **Тихв**.
- Бежа́ть**, глаг., неперех., несов. Заходить. *Бежыте в ызбу*. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Бездонок** [Удар.?], сущ., м. Яма на болоте. 1995, д. Большой Двор **Боксит**.
- Безо́тна**, нареч.? Без отца. *С малых лет рос Василий безотна*. 1996 **Тихв**.
- Безрабо́тник**, сущ., м. Бездельник, лодырь. 1995, д. Машнёво **Боксит**.
- Безура́дица**, сущ., ж. Беспорядок. *Какая там безурядица*. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Белови́к**, сущ., м. Белый гриб. *Беловики, или белыми их называет кто-то, они по одному растут*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Беломой, *сущ., м.* Трава, корень травы, используемые для изготовления румян. 1995, д. Заборье, д. Машнёво **Боксит**.

Белёвка, *сущ., ж.* Корзина для белья. 1995, д. Заголодно **Боксит**.

Белун, *сущ., м.* Земля с белой глиной. 1995, д. Белоглазово **Боксит**. ||
Мн. Вид почвы, где совсем нет чернозёма, неплодородная почва, белый песок. 1995, пос. Ефимьевский **Боксит**.

Бёлый, *прил.* В сочетании ◊ **Белое тесто**. Тесто из пшеничной муки. *С белого теста у меня уж очень хорошие маковики выходят.* 2009, д. Медвежий Двор **Тихв**.

Белянка, *сущ., ж.* Гриб сыроежка. *Не люблю белянки.* 1997, д. Носово **Боксит**.

Березаи, *сущ., мн.* Подберезовики. *Березаи растут.* 1995, д. Заборье **Боксит**.

Березина, *сущ., ж.* 1. Берёза. *Смотри, Сашка, какая березина вымахала. Это я её посадила.* 1996, д. Куневичи **Тихв**.

2. Кора берёзы. *Березину отдерёт.* 1994, д. Великое Село **Волхов**.

Березинка, *сущ., ж.* Тонкое деревце, хворостина. *Гляжу – лось. Да я березинку выломала да прогнала.* 2009, д. Коськово **Тихв**.

Берёмя, *сущ., ср.* Ноша, охапка сена. *Вечером отец бросал большое берёмя в кормушку лошадям.* 1996, д. Пяхта **Тихв**. *Он сгибался под тяжестью берёми.* 1996, **Тихв**.; д. Пашозеро **Тихв**.

Берёмечко, *сущ., ср.* ◊ **В берёмечке держать**. Держать в объятиях. *Парень держал девушку в берёмечке.* 1996, **Тихв**.

Бёрёг, *сущ., м.* Берег. *Вада размыла берёга.* 1997, д. Дыми **Боксит**.

Берёзовый, *прил.* 1. *В знач. сущ.* Гриб подберёзовик. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

2. ◊ **Берёзовая баня**. Телесное наказание. *Вот надаю я тебе берёзовой бани.* 1996, д. Сухая Нива **Боксит**.

Бесёда и Бесёда, *сущ., ж.* Посиделки с танцами и играми. **Бесёда**. *Ой, на бесёды собирались! На пляски, да на игры, вся деревня, бывало, соберётся на веселье на како-нибудь.* 2009, д. Коськово **Тихв**. **Бесёда** [в речи другого информанта]. *Раньше ведь на бисёды все ходили, вот так сядем все вместе и говорим.* 2009, д. Коськово **Тихв**.

Бивень, *сущ., м.* Цеп. *Рожь молотили, как же, бивнем таким, вот такой кругленький и тоненькая цепь, и вот так чирис пличо били рожь-то эту.* 2009, д. Коськово **Тихв**.

Блюдо, *сущ., ср.* Подоконник. На зиму обязательно вторые рамы на окна ставили. *А вот низ-то – это блюдо, сюды рама ставится.* 2009, д. Коськово

Тихв. Вот, кстати, подоконник у нас в деревне блюдом называют. 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Бобóвик, сущ., м. Ближнее картофельное поле. Бобовик, так где картошку сажают, недалеко, там бобовик. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Бодáчий, прил. Бодучий. Бык у нас был раньше, ой, бодучий только, я боялся-то его. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Болотня́к, сущ., м. Болото. Болотняк тут небольшой есть, тут недалеко совсем, мы туды за клюквой и ходили. 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Болту́н, сущ., м. Невысиженное яйцо. Курица когда не высидела яйцо, то болтун. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Большо́й, прил. В сочетании ◇ **Большой угол**. Передний угол; угол, в котором помещались иконы. Вон там большой угол, всегда были иконы. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Бор, сущ., м. Возвышенное место, небольшая гора в д. Коськово, где находился клуб. Вся деревня Коськово, а вот говорят: пойдём в подгору, на речку. Ещё горы были. Вот туда, где клуб, называлась бор. Может, связано с тем, что там всё фамилии были Боровскими. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Бо́ров, сущ., м. Часть дымохода русской печи. Часть трубы у печи, которая на чердаке, она горизонтальная такая, это боров. Там труба так поворачивает, чтоб дождь или молния в саму печь не попала. 2009, д. Ваньково **Тихв.**

Бороня́к, сущ., м. Борона. Запрягать лошадь в бороняк. 1995, пос. Заборье **Боксит.**

Борснۇть, глаг., сов., перех. Чесать лён, пропуская его через гребень, чтобы очистить от семян, грязи и распрямить волокна. 1994, д. Посадница **Волхов.**

Бортовíны, сущ., множ. 1. [Знач?] (У Даля: «ботовая барочная додска, обшивочная, со стенки судна» [2; I, с. 118]) ...по бокам дна были деревянные колеса. 1994, д. Реброво **Волхов.**

2. Борта телеги. 1994, д. Посадница **Волхов.**

Ботáть, глаг., несов., неперех. Бить палкой по воде, загоняя рыбу в сеть. 2009, д. Ваньково **Тихв.**

Ботвíнье, сущ., ср. 1. Винегрет. 1995б, д. Заголодно **Боксит.**

2. Холодный борщ. 1996, д. Кунивичи **Тихв.**

Ботвíны и **Бутвíны**, сущ., множ. Холодный суп из свеклы с ботвой. 1994, д. Залужье **Волхов.**; 1995, д. Малышево **Боксит.**

Ботвíнья, сущ., ж. Ботва. 1995, д. Заголодно, д. Косые Харчевни **Боксит.**

Бо́то, *сущ., ср.* То, чем ботают (ударяют, стучат по чему-л.). 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Ботóчек, *сущ., м.* Наконечник приузы. *Боточек надеть*. 1995, д. Большой двор **Боксит**.

Боту́шка, *сущ., ж.* Приспособление для того, чтобы пугать (ботать) рыбу. 1994, д. Коскеницы, **Волхов**.

Бо́ты, *сущ., множ.* В сочетании ◊ **Боты московские**. Резиновая обувь. *Боты-то московские резиновые, широко голенище, у нёво есь туфлишка парусинова – туды сунут. Их назвали московские боты*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Бочёнька, *сущ., ж.* Личинка муравья. *Внук у меня на боченьки ловит, муравейник раскопает, личинок наберёт, да на рыбалку*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Бочíна, *сущ., ж.* Доска. 1995, д. Сухая Нива **Боксит**.

Бра́нки, *сущ., множ.* Кучки сена. 1994, д. Глядково **Волхов**.

Бра́нник, *сущ., м.* Тот, кто любит браниться. 1995, д. Машнево **Боксит**.

Братавья́, *сущ., собир.* Все братья. 1994, д. Алексино **Волхов**; 1995, д. Чудесная **Боксит**; пос. Ефимовский **Боксит**. *Братавья – это и двоюродные братья, и родные*. 2002, д. Славинка **Лужск**.

Братáн, *сущ., м.* Брат. *Братан старших забрали. Пять братан и сёстры*. 1994, д. Хамонтово **Волхов**; д. Иссад, д. Черницкое **Волхов**. 1995, д. Фалилеево, д. Черкасова Горка **Боксит**.

Братáничок и братáничек, *сущ., м.* Брат. *Братаничок есть*. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Братáнишек, *сущ., м.* Брат. *Пятиро братанишкоф*. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Братáнник и братáник, *сущ., м.* Брат. *Три братаника и три сестры*. 1995, пос. Заборье **Боксит**. || Родной брат. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Братéйник, *сущ., м.* Брат. 1995, д. Семеново **Боксит**.

Брату́га, *сущ., м.* Брат. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Брату́ха, *сущ., м.* Брат. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Браты́ня, *сущ., ж.* Большой сосуд для кругового питья. *На столе стояла старая братыня*. 1996, **Тихв**.

Бревенник [удар.?], *сущ., м.* Мыс за озером. 1995, д. Большой Двор **Боксит**.

Бревéнный, *прил., относит.* Сделанный из бревен. 1995, д. Машнево **Боксит**.

Бревёшко, *сущ., ср.* Бревно. 1994, д. Посадница **Волхов**.

- Брёвышко**, *сущ., ср.* 1. Бревно. 1995, д. Сухая Нива **Боксит**.
2. Тонкое дерево. 1995, д. Фошкино **Боксит**.
- Бред**, *сущ., м.* Ива. 1997, д. Волошово **Лужск.** *У нас вот это дерево, ива, называли бред.* 2002, д. Осьмино **Лужск.**
- Брёдень**, *сущ., м.* Рыболовная снасть. 1995, д. Струги **Боксит**. 1996, п. Шугозеро **Тихв.**
- Брезгúля**, *сущ., общ.* Брезгливый человек. *А этот такой худой до еды, брезгуля.* 1994, д. Гагарино **Волхов.**
- Брёзжиться**, *глагол., несов., неперех.* Светать. *Я фстала рана, чуть-чуть брезжсыца.* Год? п. Ефимовский **Боксит**.
- Бригадёршко**, *сущ., м.* Бригадир. *Работала я тагда бригадиришкам.* 1994, д. Залужье **Волхов.**
- Бригадно**, *нареч.* Работать всей бригадой. *Работали фсе бригадно.* 1995, д. Бочатино **Боксит**.
- Брóдень**, *сущ., м.* Болотный сапог. 1995, п. Заборье **Боксит**. *Он был такой маленькой, а бродни такие большие. Мы все над ним смеялись.* 1996, д. Мехбаза **Тихв.**
- Бродёц**, *сущ., м.* Сетка на палках для ловли рыбы, сачок. 1994, д. Коскеницы **Волхов.** *Два шэста, сетка с капрона; два человека идут по воде и ловят.* 1995, д. Заголодно **Боксит.**; д. Бочатино, пос. Ефимовский, д. Косые Харчевни, д. Малышево, д. Машнёво, д. Ростань, д. Фалилеево **Боксит.**; 2009, д. Коськово **Тихв.** || Рыболовная снасть, состоящая из двух сетей, которые ставят параллельно поперек реки на небольшом расстоянии. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Бродить**, *глагол., несов., неперех.* 1. Ходить. *На улицэ не могу бродить.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит**. *Дожыла и бродить не могу.* 1995, д. Нос **Боксит**.
2. *Перех.* ◇ **Бродить рыбу.** Ловить рыбу с помощью бродца. 1994, д. Коскеницы **Волхов.**; 1995, п. Заборье **Боксит**.
- Брóдник**, *сущ., м.* Мешок для ловли рыбы с двумя ручками. *Бродник тощый стал.* 1995, д. Заборье **Боксит**.
1. **Бродок**, *сущ., м.* 1. Мелкое место в воде. В сочетании ◇ **Идти бродком.** Идти по краю воды, по мелководу (иногда – босиком). 1994, д. Глядково, д. Креницы **Волхов.**
2. [Знач.?]. В сочетании ◇ **Бродком жать.** 1994, д. Глядково **Волхов.**
2. **Бродок**, *сущ., м.* То же, что **Бродец**. 1995, д. Юксовичи **Подпорожск.**
- Бродяжить**, *глагол., несов., перех.* ◇ **Бродяжить рыбу.** Ловить рыбу бродком. 1995, д. Юксовичи **Боксит**.
- Броснуть**, *глагол., несов., перех.* ◇ **Броснуть лён.** Очищать льняное волокно. *На броснушки броснай.* 1994, д. Хамонтово **Волхов.**; 1994, д. Алексино, д. Будаевщина, д. Гагарино, д. Реброво **Волхов.**

Бросну́ха, *сущ., ж.* Процесс очищения льняного волокна после сушки. 1995, пос. Ефимовский, д. Заборье **Боксит.**; 1996 д. Кузьминка **Тихв.**

Бросну́шка, *сущ., ж.* 1. Часть ставины, в которую бросали лен. 1994, д. Будаевщина, д. Хамонтово **Волхов.**

2. То же, что **Броснуха**. 1994, д. Алексино **Волхов.**

Брузьё, *сущ., ср.* Часть уздечки – трензель: железная переключина, которая вставляет лошади в рот. 1994, д. Коскеницы **Волхов.**

Бруслётка, *сущ., ж.* 1. Браслет. 1995, д. Анисимово **Боксит.**

2. *Множ.* Бусы. 1994, д. Сырецкое **Волхов.**

Бруслёточка, *сущ., ж.* То же, что Бруслетка. 1995, д. Анисимово **Боксит.**

Брусна́ть, *глагол., несов., перех.* Собирать листья смородины для засолки огурцов. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Брусни́ть, *глагол., несов., перех.* 1. Обрабатывать лен, отделяя головки от стеблей. 1994, д. Алексино, д. Усадище **Волхов.** *Лён бруснут.* 1994, д. Подолково **Волхов.** 1995, д. Заборье **Волхов.** || Делать лен мягким в процессе обработки. 1995, д. Заборье **Боксит.**

2. \diamond **Бруснить сено.** [Знач.?] 1994, д. Усадище **Волхов.**

Брусни́ца, *сущ., ж.* Брусника. 1994, д. Залужье **Волхов.**; 1995 д. Машнёво **Боксит.** *Они за брусницей ушли.* 1996, д. Абрамово **Тихв.**

Брусни́шник, *сущ., м., собир.* Ветки и листья брусники. 1995, п. Ефимовский, д. Заборье **Боксит.**

Брусну́ха, *сущ., ж.* Деревянное приспособление для обработки льна, мялка для смягчения льняного волокна. *Лён в бруснуху и бруснули; бруснуха как мялка штоп не был колючий.* 1995, д. Заборье **Боксит.**; д. Заголодно **Боксит.** || Приспособление для отделения семян льна. *Бруснухи они очищали.* 1994, д. Тихомировщина **Волхов.**

Бру́нци, *сущ., множ.* Сетка для рыбы. 1995, д. Струги **Боксит.**

Брю́нга и **брюнга́**, *сущ., ж.* Сестра жениха. *Вот приехала брюнга немилостивая.* 1997, д. Заречье **Боксит.**

Брю́хнуть, *глагол., сов., неперех.* Упасть от усталости. *Приду брюхну.* 1994, д. Реброво **Волхов.**

Бря́щить [Удар.?), *глагол., несов., неперех.* Ходить потихоньку, медленно (?). 1995, д. Заборье **Боксит.**

1. **Бу́бень**, *сущ., м.* Желтый гриб, похожий на подосиновик. 1995, д. Каменецкое **Боксит.** || Вид волнушек. 1995, д. Елзово **Боксит.**

2. **Бу́бень**, *сущ., м.* Бубенец. 1995, д. Климово **Боксит.**

Бубни́ть, *глагол., несов., неперех.* Звенеть. 1995, д. Климово **Боксит.**

Буга́й, *сущ., м.* Высокий крупный мужчина. 1995, пос. Заборье **Боксит.**

Буга́ный, прил. Густой, крепкий, сильный. *Волосищи буганые*. 1994, д. Великое Село **Волхов**.

Буго́р, сущ., м. Гора. 1995, д. Каменецкое **Боксит**. || Небольшой холм, ровное возвышенное место в противоположность низине. *У ково на буграх – хорошыи картошки, а у ково на низах – фсе погибли*. 1997, д. Куновичи **Тихв**.

Буда́ться, глаг., несов., неперех. Драться на топорах или палках. *Дрались в войну топорами*. 1994, д. Алексино **Волхов**.; *Два старика – поп и Бараноф – будались*. 1994, д. Бабино **Волхов**.

Буда́ть, глаг., несов., перех. Бодать. *Быки будали*. 1995, д. Климово **Боксит**.; д. Машнево **Боксит**.

Буда́ться, глаг., несов., неперех. Бодаться. *Разбегуца и будаюца*. 1994, д. Бабино **Волхов**.

Бу́де, союз, частица. Будто, словно бы. ... *буди и ни жыли вместе*. 1996, д. Михалёво **Боксит**.

Бу́дэ, союз. Если. ...*а будэ хихикнул кто...* 1997, д. Феньково **Подпорожск**.

Бу́день, сущ., м. Будний день. *В будень пряли, а по празникам, ф субботу вязала*. 1994, д. Гагарино **Волхов**. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

- Бу́дка**, сущ., ж. 1. *Шутл*. Дом. 1994, д. Алексино, д. Реброво **Волхов**.
2. Ящик из досок, приспособление для детских игр. *Делали бутки з досок, как стол, чоп нам там играть*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.
3. Игра в дочки-матери. 1995, д. Заголодно **Боксит**.
4. Подпорки, которыми подпирали стога сена; состоит из четырех островков. 1995, д. Елзово **Боксит**.

Будли́вый, прил. Бодливый. 1995, д. Машнёво **Боксит**.

Бу́днешный, прил. Будничный. В сочетании ◇ **Буднешно время**. В будние дни. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Буды́льник, сущ., м. Растение полынь. *За домом будыльника стало столько, вы поглядите*. 1996, д. Колбени **Боксит**.

Бу́дя, нареч. Довольно, хватит. *Будя, у мне слово много*. 1997, д. Абрамово **Тихв**.

Бу́евка, сущ., ж. Место внутри церковной ограды; кладбище. 1996, **Тихв**.

Буера́к, сущ., м. Овраг, яма. 1996, **Тихв**.

Буй, сущ., м. Круглый деревянный предмет типа шайбы для игры. *Потом буй такой называли, буй такой деревянной, круглинькой*. 1995, д. Фалилеево **Боксит**.

Бук, сущ., м. Большой бочонок, в котором золой отбеливали белье. *В бук клали эдакой, какой-то бук делали, золы туда, золы*. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Бу́ка, сущ., м. Домовой. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Букáрочка, *сущ., ж.* Большая змея. *По дороге букарочка ползет.* 1996, д. Харитоновщина **Тихв.**

Букáшка, *сущ., ж.* Вошь. 1995, д. Фокино **Боксит.**

Бúкнуть, *глагол., сов., неперех.* Издавать какой-либо звук. *Как токо букнут...* 1995, д. Заборье **Боксит.**

Букорáчка, *сущ., ж.* Насекомое. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Букорáшка, *сущ., ж.* Личинка стрекозы. 1995, д. Бочатино **Боксит.**

Бульáшка, *сущ., ж.* Полное веретено пряденой нитки. *По бульшке направи.* 1995, д. Фалилеево **Боксит.**

Бульдобéш, *сущ., м.* Кустовое растение, калина Бульденеж. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Бульканúть, *глагол., сов., неперех.* Искушаться. 1995, **Боксит.**

Бульнúть, *глагол., сов., неперех.?* Проговориться. 1995, д. Машнёво **Боксит.**

Бúльнуться, *глагол., сов., неперех.* Упасть в воду с большим количеством брызг, шумно. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Бунт, *сущ., м.* Куча, укладка льна, ячменя, ржи. 1995, д. Елзово **Боксит.**

Бунькóчить, *глагол., несов., неперех.* Шуметь, бурлить. *Брага бунькочит.* 1995, д. Гагрино **Боксит.**

1. Бура́к, *сущ., м.* Берестяная корзина цилиндрической формы, ведёрко, сплетенные туго, для переноски кваса или молока. *Бурак – из береста типа такой корзиночки.* 1995, д. Великое Село **Боксит.**; п. Ефимовский, д. Заборье **Боксит.**; *В этот бурак, поедут на сенокос далёко, кефира нальют и крошанины – хлеба накрошат туда.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

2. Бура́к, *сущ., м.* Свёкла. 1994, д. Иссад **Волхов.** *Принеси бураков для борща.* 1996, п. Шугозеро **Боксит.**

Бурелóм, *сущ., м.* Овраг. 1997, д. Ярославичи **Подпорожск.**

Буркáн, *сущ., собир.* Морковь. *Петька, нарви бурканоф для пирогоф.* 1994, д. Глядково **Волхов.**; д. Алексино, д. Посадница, д. Юшково **Волхов.** 1995, п. Ефимовский **Боксит.** *У меня много буркана выросло.* 1996, д. Кузьминка **Тихв.**; п. Пашозеро **Тихв.**; 2009, д. Коськово **Тихв.**

Буркáнник, *сущ., м.* Пирог с морковью. 1997, д. Потанино **Волхов.**

Бурлáк, *сущ., м.* Прозвище сплавщиков леса. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Бúры, *сущ., множ.* 1. Бурелом. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит.**

Бурья́н, *сущ., м.* Буря, буран. 1995, д. Климово **Боксит.**

2. Берлога. 1995, п. Ефимовский, **Боксит.**

Буря́к, *сущ., м.* Старый медведь. 1995, д. Машнёво **Боксит.** || Большой матёрый медведь. 1995, д. Машнёво **Боксит.**

Бусеринка [Удар.?], *сущ., ж.* Бусинка. 1995, д. Струги **Боксит**.

Бутвинье [Удар.?], *сущ., ср.* Блюдо из листьев свеклы [какое?]. *Подали на стол бутвинье*. 1996, п. Шугозеро **Тихв**.

Бўченник, *сущ., м.* Специальная высокая корзина, в которую бучили белье. *Были такие бученники*. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Бўчить, *глагол., несов., перех.* 1. Стирать, отбеливать белье в бучах (бочках) или в корыте с помощью золы. *Камень грели, сверху золы, камень в воду – бучили*. 1994, д. Залужье **Волхов**.; д. Алексино, д. Немятово-2, д. Посадница, д. Усадище **Волхов**.; 1995, п. Ефимовский, д. Струги **Боксит**.; 1997, д. Потанино **Волхов**.; 1997, д. Рыбетка **Боксит**. || Кипятить белье, льняную ткань. *Бучили лен*. 1994, д. Будаевщина **Волхов**.; д. Алексино **Волхов**.

2. Стирать белье на протоке, разминая его руками или с помощью колодушки. 1994, д. Алексино Волхов. *Мялкой бучили*. 1995, д. Фалилеево **Боксит**.

Бучная, *прил.* ◇ **Бучная корзина**. Корзина, предназначенная для кипячения белья с золой. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Бучник, *сущ., м.* 1. Высокая корзина, в которой кипятили белье. 1994, д. Алексино, д. Посадница **Волхов**.

2. Корзина, емкость для грязного белья. 1994, д. Коскеницы **Волхов**.

3. Корзина для золы. 1994, д. Усадище **Волхов**.

4. Большая корзина. *У нас было очень много бучников; мама в них яблоки собирала*. 1996, д. Дуброво **Тихв**.

Бушлат, *сущ., м.* Дуршлаг. 1995, д. Климово **Боксит**.

2. ◇ **Деревянный бушлат**. Гроб. *Пей, лишь бы в деревянный бушлат не попасть*. 1994, д. Гагарино **Волхов**.

Бўконька, *сущ., м.* Бычок. *Быконьку мы растили, такой крупный, осенью забили*. 1996, д. Дуброво **Тихв**.

Былица, *сущ., ж.* Знахарка. 1996, **Тихв**.

Быдто, *част.* Будто. Употребляется для выражения предположительности высказываемого. *Быдто уш фсё лето такое быдет*. 1996, д. Абрамово **Тихв**.

Бяша-бяша, *междом.* Подзывное слово для овец. 1995, д. Климово, л. Машнёво **Боксит**.

Бяшенька, *сущ., ж.* Овца. 1994, д. Посадница **Волхов**.; д. Машнево **Боксит**.

Бяшка, *сущ., ж.* Овца. 1994, д. Алексино **Волхов**. || Ягненок. *Нынче бышка в колодец упал*. 1996, д. Харитоновщина **Тихв**.

В

Ва́га, *сущ., ж.* Толстая жердь, служащая рычагом (при поднятии тяжестей, корчевке и т.п.). *Тут уш нони раскарчовывали пни, каким выварачивали вагами*. 1997, д. Заручевье **Тихв**.

Вáдить, глаг., несов., перех. ◇ **Время вадить**. Тратить время впустую. 1994, д. Посадница, д. Сырицкая **Волхов**. 1996, д. Пашозеро **Тихв**.

Вáза, сущ., ж. (с пометой «вепс.») Теленок. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Вал, сущ., м.1. Часть плуга, которая «перекладывала» землю. 1995, д. Климово **Боксит**.

2. Сено, собранное в кучу. 1995, п. Ефимовский **Боксит**.

Вáленец, сущ., м. Валенок. 1994, д. Подолково **Волхов**. 1995, д. Заголодно, д. Климово, д. Фалилеево **Боксит**. *Вон валенцы те у пече*. 1997, д. Ларьян **Боксит**.

Валенéчки, сущ., множ. Валенки. *Валенечки было посушим*. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Валенч́ишки, сущ., множ. Валенки. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Валёк, сущ., м. 1. Круглая палка, на которую наматывали белье для глажения, использовалась вместо утюга. 1994, д. Поляша **Волхов**. 1995, д. Заборье **Боксит**.

2. Приспособление для выколачивания белья при стирке. 1997 д. Потанино **Волхов**.

3. Составная часть плуга [Какая?]. 1994, д. Алексино, д. Поляша, д. Юшково **Волхов**.

4. Часть приуза – приспособления для молотьбы – в виде деревянного бруска цилиндрической формы. 1995, д. Климово **Боксит**.

5. Часть бороны [Какая?]. *Валёк на бороне стоит*. 1995, д. Утишье **Боксит**.

6. Способ хранения скошенного сена. 1994, д. Юрцево **Боксит**.; 1995, д. Дудинское **Боксит**.; *В начале в вальки сено сгребали покучней. Иногда оно высохнет, так прямо с вальков и метали, а так в копна ещё сгребали*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Валёж, сущ., собир.? Подстилка, опад в лесу. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Валёненький, прил. Сделанный из ваты. *Валёненькое одеяло*. 1995, д. Большой Двор **Боксит**.

Валёный, прил. Сделанный из ваты. 1995, д. Анисимово **Боксит**.; *Женщина дала валёное одеяло*. 1995, д. Большой Двор **Боксит**.

Вáлик, сущ., м. 1. Приспособление для разглаживания белья. 1994, д. Неметово-2 **Волхов**.

2. Вид прически, когда волосы забирались назад. 1995, п. Ефимовский **Боксит**.

Валíть, глаг., несов., перех. Класть. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Валі́ться, глаг., несов., *неперех.* Разрушаться, разваливаться. *Старый дом вообще валится.* 1996, д. Овино **Тихв.**

Валу́й, сущ., м. Гриб волнушка. *Надаели еты скоромны, пахлебали бы валуев.* 1995, д. Заборье **Боксит.**; д. Никола **Боксит.** || Гриб для засолки. 1995, д. Бочатино **Боксит.**

Варакóсить, глаг., несов., *перех.* Болтать чепуху. *Чегой-то ты там варакосишь.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**

Варза́ться, глаг., несов., *неперех.* Возиться, мучиться. *С лошадьё варзались.* 1995, д. Заборье **Боксит.**

Ва́ривать, глаг., несов., *перех.* Варить. *А я не варивала.* 1995, д. Михалёво **Боксит.**

Варна́к, сущ., м. Клейменный преступник. *Ты как варнак.* 1996, п. Шугозеро **Боксит.**

Вар́ник, сущ., м. Нитки, пропитанные варом. *Вот нитки с варом были – варник это.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Варци́знуть, глаг., сов., *перех.* Выпить чего-либо. *Варцизнуть чайку.* 1994, д. Усадьбище **Волхов.**

Вата́житься, глаг., несов., *неперех.* Общаться, дружить. *Мы ватажились с соседскими девчонками.* 1996, **Тихв.**; д. Пашозеро **Тихв.**

Ватру́шечка, сущ., ж. Сетка для рыбы. 1995, п. Ефимовский **Боксит.**

Ва́чиги и **ва́чуги**, сущ., *множ.* Варезки. *В вачугах траву-та дёргал.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.** 1997, д. Волошово **Лужск.** || Рыбацкие рукавицы 1994, д. Немятово-2 **Волхов.**

Виде́ньё, сущ., *ср.* Религиозный праздник Введение во храм Пресвятой Богородицы. 1994, д. Березье **Волхов.**

Вде́рнуть, глаг., сов., *перех.* Вдеть. *Верёвочку вде́рнуть.* 1995, д. Калинецкое **Боксит.**

Вдогóнь, нареч. Вдогонку. *А он вдогонь пустился.* 1996, д. Сухая Нива **Боксит.**

Вдруго́ряд, нареч. В другой раз, в следующий раз. 1995, д. Калинецкое **Боксит.** *Некогда суседушко, вдругоряд загляну.* 1996, д. Григоркино **Боксит.**

Ве́дать, глаг., несов., *перех.* Знать. *А кто их ведати.* 1996, д. Машнево **Боксит.**

Век, сущ., м. Жизнь. 1996, д. Пяхта **Боксит.**

Везе́лья, сущ., ж. Связка соломы. 1994, д. Чернецкое **Волхов.**

Вези́ло, сущ., *ср.* Веревка из ржи. 1994, д. Алексино **Волхов.**

Вези́я, сущ., ж. Верёвка. 1994, д. Глядково **Волхов.**

Вековéчный, *прил.* Невыносимо долгий. 1995, д. Калинецкое **Боксит.**

Вековёшный, прил. Старый, древний. *Вековешной праздник*. 1995, д. Утишье **Боксит**.

Вековуха, сущ., ж. Старая дева. 1995, пос. Заборье **Боксит**. *В соседнем дворе жила вековуха*. 1996, **Тихв**.

Вёкша, сущ., ж. Белка. 1995, д. Великое Село **Боксит**. || *Летучая белка*. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Вельга, сущ., ж. Болотная трава. *Озеро Велье, около него болотна трава вельга*. 1995, д. Гагрино **Боксит**.; д. Заборье **Боксит**.

Венец, сущ., м. Один ряд бревен в срубе. 1994, д. Харитоново **Волхов**. *Правый угол нижнево венца уже гнилой стал*. 1996, д. Сухая Нива **Боксит**.

Веничье, сущ., собир. 1. Связка веников. *У нас над баней лежит веничье, идите туда*. 1996, д. Островок **Тихв**.

2. Березовые ветки для веников. 1995, д. Семеново **Боксит**.

Венók, сущ., м. Прическа: укладка волос вокруг головы. *Косу в венók во-круг головы уложат*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.; д. Большой Двор **Боксит**.

Вентерь, сущ., м. Приспособление для ловли рыбы. *Плетёнка из ивовых прутьев з горловиной внутрь ставицца на перегороженную реку горловиной по течению*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Вёпка, сущ., ж. Женщина вепской национальности. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Вервинá, сущ., ж. Толстая льняная нить. *Вервину начнут варом обваривать*. 1994, д. Хамонтово **Волхов**.

Верёда [Удар.?], сущ., ж. Чирей, нарыв, болячка. *На руке образовалась верёда*. 1996, **Тихв**.

Верей, сущ., множ. Столбы, на которые навешиваются ворота. *Вбить вереи*. 1996, д. Горка **Боксит**.

Верекно́, сущ., ср. Веретено. 1995, д. Михалево **Боксит**.

Вёрес, сущ., м. 1. Можжевельник. 1995, д. Бочатино, д. Заборье, д. Струги **Боксит**.

2. Трава, которую добавляют в воду при мытье головы для запаха и укрепления волос. 1995, п. Ефимовский **Боксит**.

3. Хворост. *Было рибята сколько верису-хворосту*. 1994, д. Березье **Волхов**.

4. Священное дерево [Какое?]. *Очищает к добру*. 1994, д. Черницкое **Волхов**.

Верёмчив, прил., кратк. ф. Многословен. 1996, д. Пяхта **Боксит**.

Верёмя, сущ., ср. Время. Сколько верёмя от него вестей не было, не помню. Только я переживала. 1996, д. Пяхта **Тихв**.

Вересина, *сущ., ж.* Декоративное растение [Какое?]. 1995, д. Фалилеево **Боксит**.

Веретейка, *сущ., ж.* Возвышенная сухая гряда среди болот или близ берега, образующая в разлив остров. 1996, **Тихв**.

Веретнё, *сущ., ср.* Веретено. *Ходили с прялкам, верётна были. Сядешь на прялицу, оттуль тянеш, а на верётна наматываш.* 1994, Усадище **Волхов.**; *Верётна точили.* 1994, д. Алексино **Волхов.**; д. Посадница, д. Хамонтово, д. Юрцево. *Прядёш на веретно.* 1995, д. Заборье **Боксит**. 1995, д. Великое Село, д. Заборье, д. Машнево, д. Нос, д. Ростань **Боксит**. 1996, д. Шугозеро **Тихв**.

Веретёшко, *сущ., ср.* Веретено. Девушка порезала палец о веретешко. 1996, **Тихв**.

Веретёшко, *сущ., ср.* Веретено. *Веретёшка крутицца.* 1994, д. Хамонтово **Волхов**.

Веретия, *сущ., ж.* Лесная дорога. 1994, д. Глядково **Волхов**.

Верёя, *сущ., ж.* Столб, на который навешиваются створки ворот. *Старые верёи заменили новыми.* 1996, **Тихв**.

Веретёнка, *сущ., ж.* Лестница. 1995, д. Чудесная **Боксит**.

Верёх, *сущ., м.* 1. Верх. 1994, д. Юрцево **Волхов**. 1995, д. Анисимово **Боксит.**; *Этот мы кажное брёвнышко выпилино рукам, паперечной пилой. Были козлы таки, на них была пила больша такая, я внизу пилила, а мужык ... муж вверху, в верёх таскал.* 2009, д. Исаково **Тихв**. ... *вот на праздник румыночки одевали, вот как ботиночки такие, а на верёхах мех.* 2009, д. Коськово **Тихв**.

2. Верх, крыша строения. *Верёх дома начал протекать.* 1996, д. Абрамово **Тихв**.

3. Чердак. *Слезай-ка на верёх.* 1996, д. Семеново **Боксит**.

Вёрзаться, *глагол., несов., неперех.* Забираться. *Ой, устала я верзаться в гору.* 1996, д. Труфаново **Боксит**.

Верта́ться, *глагол., несов., неперех.* Возвращаться. 1995, д. Заголодно **Боксит**. *Рано вертаимси.* 1995, д. Фалилеево **Боксит**. 1996, д. Пяхта **Тихв**.

Вертеть, *глагол., несов., перех.* ♦ **Вертеть молоко.** Делать масло. 1995, д. Гагрино, д. Фалилеево **Боксит**.

Верти́ловка, *сущ., ж.* 1. Карусель. 1994, д. Алексино, д. Посадница **Волхов**.

2. Ярмарка. *Так называли ярмарку, потому что там были карусели.* 1994, д. Алексино **Волхов**.

Верту́шка, *сущ., ж.* 1. Разновидность колодца: колодец с колесом и ручками, которые нужно перебирать руками, вытаскивая ведро с водой. 1994, д. Глядково **Волхов.**; д. Подолково **Волхов**.

2. Засов для калитки: маленькая деревянная дощечка, неплотно прибитая к столбу. *Вертушка – калитку закрывать*. 1995, д. Заборье **Боксит**.

3. Приспособление для копки картофеля. *Налать виртушку*. 1996, д. Овино **Тихв**.

4. Украшение на крыше дома. *Были на крышах вертушки и петушки*. 1994, д. Иссад **Волхов**.

Верту́шечка, суц., ж. Засов для калитки. 1995, д. Нос **Боксит**.

Вёрхник, суц., м. Верхняя часть окна. 1994, д. Дяглево **Волхов**.

Верхня́к, суц., м. 1. Верхняя часть оконной коробки. 1995, д. Нос **Боксит**.

2. Верхняя часть двери. 1995, д. Нос **Боксит**.

Вёрхом, нареч. Способ посадки картофеля [какой?]. *Картошка верхом растёт*. 1995, д. Заголодно **Боксит**.

Верхопла́вка, суц., ж. Рыба, похожая на кильку, которая плавает по верху [по поверхности воды?]. *Верхоплавка, наподобие кильки, поверху плавает, мяккая такая*. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Верхосы́пка, суц., ж. Закуска, десерт. *На моей свадьбе была богатая верхосыпка*. 1996, д. Владычино **Тихв**.

Вёрша, суц., ж. Корзина из прутьев для ловли рыбы. 1995, пос. Ефимовский, д. Чудесная **Боксит**.

Вёршник, суц., м. Верхняя балка оконной коробки. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Весёлье, суц., ср. Свадьба. 1997, д. Потанино **Волхов**.

Весельё, суц., ср. Веселье. *У меня фсегда весельё было, пили, гуляли*. 1994, д. Залужье **Волхов**.

Весёлка, суц., ж. Вечеринка. 1995, д. Климово **Боксит**.

Вёсить, глаг., несов., перех. Вешать что-либо. 1995, д. Черкасова Горка **Боксит**.

Вёстить, глаг., несов., перех. Вешать. 1995, д. Струги **Боксит**.

Вестись, глаг., несов., неперех. Иметься, быть в наличии. *Керосин ведётся*. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Вёстно, нареч. Известно. *Вам, девки, лучше вестно, вы молодые*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Весь, суц., ж. Деревня. 1996, **Тихв**.

Вёсна, суц., ж. Весна. *В эту вёсну рано картошку посадили*. 1996, пос. Пашозеро **Тихв**.

Вётёр, суц., м. Приспособление для ловли рыбы. 1995, пос. Ефимовский, д. Чудская **Боксит**.

Вётёр, суц., м. Ветер. 1995, д. Струги **Боксит**.

Вётка, *сущ., ж.* Тропинка в лесу. 1995, д. Заборье **Боксит**. || Дорога, уходящая в сторону. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Вётренница, *сущ., ж.* Палка, тоненькая вершина любого дерева; такие палки соединяют и кладут на стог сена, чтобы сено не сдувало ветром. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Ветря́га, *сущ., ж.* Сильный ветер. *Какая ветряга*. 1995, д. Калинецкое **Боксит**.

Ветша́ться, *глагол., несов., неперех.* Дружить, водиться. *Хватит с ним ветшаться*. 1996, д. Харитоновщина **Тихв**.

Весь, *сущ., ж.* Небольшой поселок. 1997, д. Черное **Волосовск**.

1. Вехо́тка, *сущ., ж.* Ветка. *Наломай вехоток*. 1996, д. Горка **Боксит**.

2. Вехотка, *сущ., ж.* 1. Мочалка. 1997, д. Потанино **Волхов**.; д. Большой Луцк **Кингисепп**.

2. Тряпка для мытья посуды. 1997, д. Ярославичи **Подпорожск**. || Половая тряпка. 1996, д. Пяхта **Тихв**.

Веч, *сущ., м.* Вепск. [?] Нож. 1995, д. Михалёво **Боксит**.

Вечери́на, *сущ., ж.* 1. Вечернее собрание молодёжи у кого-нибудь дома для работы и развлечения. *Вечерины собирали парни и дефчонки*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

2. Вечер у невесты перед свадьбой. 1995, д. Заголодно, д. Климово, д. Часовня **Боксит**.

Вечери́нка, *сущ., ж.* Праздник у молодёжи. *Откупали дома под вечеринки*. 1994, д. Немятово **Волхов**.

Вечери́нкой, *нареч.* Вечером. *Так вы, дифцынки, заходите вечеринкой, чаю попьем*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Вечери́ночка, *сущ., ж.* Вечерние собрания молодежи. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Вечери́ть и Вечери́ть, *глагол., несов., неперех.* Ужинать. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Вечеро́к, *сущ., м.* Собрание молодёжи для развлечений вечером в выходной. *В воскресенье вечерок*. 1995, д. Фалилеево **Боксит**.

Вечери́ть, *глагол., несов., неперех.* Ужинать. 1996, д. Дуброво **Тихв**.; 1997, д. Потанино **Волхов**.

Вечи́ный, *прил., относит.* Старый. *Бапки вечныи*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Вечо́р, *нареч.* Вчера вечером. 1995, д. Большой Двор **Боксит**. 1997, д. Бор **Боксит**. *Сосетка баила виечор*. [Год?], д. Ларьян **Боксит**. ◊ **В вечер**. *Сущ. в знач. нареч.* Вчера. *Мне в вечер сын сказал*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Вечёрка, *сущ., ж.* Вечернее собрание молодежи для отдыха. 1994, д. Глядково, д. Иссад **Волхов.**; 1995, д. Гагрино **Боксит.**

Вёшалка, *сущ., ж.* Жерди, на которых сушились снопы льна. 1995, пос. Заборье **Боксит.**

Вёшалица, *сущ., ж.* Приспособление, на которое вешают туши свиней. 1995, д. Климово **Боксит.**

Вёшало, *сущ., ср.* Приспособление для сушки льна, гороха, снопов. 1994, д. Залужье, д. Немятово, д. Подолково, д. Усадище, д. Хамонтово **Волхов.** *Лён таскали, теребили, вешали на вешела ф поле.* 1994, д. Реброво **Волхов.**; 1995 д. Анисимово, д. Большой Двор **Боксит.** *Ево [сено] таскают, на вешелах высушивают.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Вёшенка, *сущ., ж.* То, чем связывают ометины. 1994, д. Подолково **Волхов.**

Вешить, *глагол., несов., перех.* Ставить вешки вдоль дороги зимой. *Мужики вешли дорогу.* 1996, **Тихв.**

Вёшний, *прил., относит.* Весенний. *Вешний ветер.* 1996, д. Пяхта **Боксит.**

Вещба́, *сущ., ж.* Пророчество. *Цыганская вещьба сбылась, сосватали меня в далекую деревню.* 1996, д. Машнево **Боксит.**

Вещевик, *сущ., м.* Приспособление для переноски разной поклажи на спине, рюкзак, вещевой мешок. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**; 1997, д. Ярославичи **Подпорожск.**; 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**

Вёялка, *сущ., ж.* Приспособление для провеивания мусора [?]. 1994, д. Гагарино **Волхов.**

Вёдро, *сущ., ср.* Хорошая солнечная погода. *Вёдро, наверно, будет, теперь сенокос, тепло теперь.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Вже, *нареч.* Уже. *Знают фсе вже.* 1995, пос. Заборье **Боксит.**

Вжикать, *глагол., несов., перех.* Носить (сено). *Утрам пайду сена вжикать.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**

Взабо́ль, *нареч.* По-настоящему, «взаправду». *Взаболь говоришь, девонька?* 1996, пос. Ефимовский **Боксит.**

Вза́ди, *нареч.* Позади. *Взади меня стаяла лошадь.* 1997, д. Кондратово **Боксит.**

Вза́муж, *нареч.* Замуж. *Дочь у брата замуш вышыдышы.* 1994, д. Глядково **Волхов.** *Неково и замуж взять.* 1995, д. Нос **Боксит.**; д. Заборье **Боксит.**

Взбонди́ровать, *глагол., сов., перех.* Высечь. *Надо бы тебя взбондировать.* 1997, д. Черное **Волосовск.**

Вздума́ть, *глагол., сов., неперех.* Решить. *Мы вздумали, с ней женицца.* 1995, д. Нос **Боксит.**

Вздыма́ть, *глагол., несов., перех.* Поднимать. *Другой раз ведь мешки надо было вздымать.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

- Взроста́ть**, глаг., несов., неперех. Взрослеть. 1995, д. Струги **Боксит**.
- Вѝлка**, сущ., ж. Приспособление для ловли рыбы в виде трезубца. *В деревне ловили виукой.* 1995, пос. Утишье **Боксит**.
- Вилова́тый**, прил., кач., обычно ж. О сосне, у которой концы ветвей похожи на вилы. *Сасну ту виловатую свалили уш.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**; 1996 д. Абрамово **Боксит**.
- Вильцы**, сущ., множ. ◊ В сочетании **Вѝльцы-копы́льцы**. В гадании: смерть от вил. 1995, д. Нос **Боксит**.
- Верта́ться**, глаг., несов., неперех. Возвращаться. *Виртайся назат.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**
- Виня́га**, сущ., ж. Вино, спиртные напитки. *Раньше пиво варили, а теперь виняги всякой полно.* 2009, д. Коськово **Тихв.**
- Виту́лечка**, сущ., ж. Булочка из нарезанного ножом раскатанного теста. *Витулечка, нарезаеш ножэчком.* 1995, д. Нос **Боксит**.
- Виту́шка**, сущ., ж. 1. Сдобные булочки в виде завитушек. 1994, д. Черницкое **Волхов.**; 1995, пос. Ефимовский, **Боксит.**; *Витушки – россучат тесто, маслом намажут, нарежут.* 1995, д. Михалево **Боксит**. || Сладкая булочка с маком. Особой формы. 1995, пос. Заборье **Боксит**. || Пирог с маком. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
2. Плетеный пирог. *Приходи ко мне на витушки.* 1995, д. Сомино **Боксит.**; д. Заборье **Боксит.**; 1997, д. Сомино **Боксит**.
3. Выпечное изделие – рулет в виде колбаски. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Вѝтца**, сущ., ж. Ветка. *Эти витцы у меня еще с троицы стоят.* 1996, д. Колбени **Боксит**.
- Вихоно́ша**, сущ., общ. Непоседа. *Даже бабушки наши говорили: Вот вихоноша! Так побежил, щас упаде́т!* 2009, д. Ваньково **Тихв.**
- Вѝхор**, сущ., м. Вихрь, ураган. 1994, д. Коскеницы **Волхов**. ◊ В нареч. употр. Вихрем. *Песок верёфкой вѝцца, вихром.* 1995, д. Заголодно **Боксит**.
- Вѝца**, сущ., ж. 1. Прут – ветка какого-либо дерева. 1995, пос. Заборье **Боксит.**; 1997, д. Паша **Волхов**. || Березовый прут. 1995, пос. Заборье **Боксит**.
2. Приспособление для закрепления бревен в плоту. 1995, пос. Заборье **Боксит**.
- Вич**, сущ., м. Нож. *Вич подай, хлеба надо отрезать.* 1996, д. Островок **Тихв.**
- Вѝча**, сущ., ж. Часть ивовой ветви, использовавшейся для изготовления веников. *Веник обносифшыся, остаюцца вичи.* 1994, д. Подолково **Волхов**. || Ивовая ветвь. *Из ивовой вичи.* 1994, д. Алексино **Волхов**.

Виченный, прил., относит. Сделанный из вичи – ивовой ветки. *Виченную мерёшку*. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Вичина, сущ., ж. Гибкий прут. *Домой придешь, так надерут тебя вичиной*. 1993, д. Шугозеро **Тихв.**; *Вечиром ф сараи и розгами или вичинам*. 1994, д. Посадница **Волхов.**; д. Алексино **Волхов.**; *Ты вичиной скотину погонай*. 1996, пос. Пашозеро **Тихв.**; 1997, д. Потанино **Волхов.**; 2009, д. Коськово **Тихв.**

Вичинка, сущ., ж. Тонкая гибкая ветка. *Вичинка берёзова*. 1994, д. Будаевщина **Волхов**.

Вичка, сущ., ж. Ветка, прутик, хворостина. 1996, **Тихв.**; д. Харитоновщина **Тихв.**

Вичьё, сущ., собир. Прутья. *С вичья ивовово сплетёт мерёшку*. 1994, д. Алексино **Волхов.**; д. Подолково **Волхов**.

Вишелo, сущ., ср. Место, куда вешают сети для сушки. *У нас такое место было – вишелá*. 2002, д. Осьмино **Лужск.** || Место, куда привязывают снопы для сушки. *Покосить мы ходили горох. Горох соберём, снопы завяжу, и вот такие делали вишала, и вот вишали эти снопы*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Вишенко, сущ., ср. [Знач.?] *Связывают ометину*. 1994, д. Подолково **Волхов**.

Вкруголя, нареч. Вкруговую. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Владеть, глаг., несов., неперех. Двигаться. *Кто без рук остался, кто на ногах не ходил, у кого руки не владели*.

Вместях, нареч. Вместе. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Вмоготы́ и **вмоготу́**, нареч. Иметь возможность, силы. *Держал корову пока вмоготы*. 1995, д. Нос **Боксит.**; д. Фалилеево **Боксит**.

Внимать, глаг., несов., перех. Внимательно слушать. *Я фсё внимаю*. 1996, п. Шугозеро **Боксит**.

Вниматься, глаг., несов., неперех. Обращать внимание на что-либо. *Не внимайся на это*. 1995, д. Фалилеево **Боксит**.

Внутрo, нареч. Внутрь. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Внутрo, нареч. Внутри. *Внутро повыпилет*. 1995, д. Климово **Боксит**.

Внучáток, сущ., м. Внук. *Со внучатком*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Вовсюдá и **Вовсюдý**, нареч. Везде, всюду. *Ездили вофсюда за сеном*. 1994, д. Посадница **Волхов**. *Они вофсюды лезут*. 1995, д. Заголодно **Боксит**.

Водá, сущ., ж. ♦ **Верховая вода**. Талая, дождевая вода. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Водило, сущ., ср. Шест с крючком на конце, которым зацепляют быков за кольцо и водят. 1995, д. Семёново **Боксит**.

Воді́ться, глаг., несов., неперех. Нячнуться, заниматься с ребенком. *Водница с ребенком надо*. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Водопо́лица, сущ., ж. Половодье, весенний разлив рек. *Крайние дома были затоплены водополицей*. 1996, **Тихв**.

Водяне́ть, глаг., несов., неперех. Становиться водянистым. *Простоква-ша-то водянеет*. 1994, д. Гагарино **Волхов**.

Военщина [удар.?], сущ., ж. Война. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Вождáться, глаг., несов., неперех. Дружить, водиться. *3 дефчонкам не вождацца*. 1994, д. Гагарино **Волхов**.

Вожжі́ны, сущ., множ. Вожжи. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Воздыма́ться, глаг., несов., неперех. Подниматься вверх (в т.ч. о человеке). *Воздымацца не дает*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Воздыну́ться [Удар.?], глаг., сов., неперех. Подняться на ноги, улучшить условия жизни. 1995, д. Струги **Боксит**.

Возі́ть, глаг., несов., перех. Употреблять пищу. *Возиш с одной чашечки*. 1995, д. Заголодно **Боксит**.

Возрастать [Удар.?], глаг., несов., неперех. Взрослеть. 1995, д. Струги **Боксит**.

Возрастí, глаг., сов., неперех. Подрасти. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Возрастíть, глаг., сов., перех. Вырастить. *Телушечка была, возрастил*. 1994, д. Залужье **Волхов**.

Возремені́ться, глаг., сов., неперех. Появиться, показаться на время. *Чужая земля возременилася*. 1996, **Тихв**.

Возя́ка, сущ., м. Большой воз. *Сена-то накладут, такой возяку*. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Вóйлок, сущ., м. ♦ **Войлоком** зарасти. [Знач.?] *Она зарастёт войлоком*. 1995, д. Бочатино **Боксит**.

Волну́ха, сущ., ж. Гриб волнушка. *На волнухах прожывём*. 1994, д. Юшково **Волхов**.; д. Великое Село, д. Иссад, д. Подолково **Волхов**.; *Тогда много было волнух нарошшы*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.; д. Григоркино, пос. Заборье, д. Утишье **Боксит**.; 2009, д. Коськово **Тихв**.|| И волнушка, и груздь. 1994, д. Юшково **Волхов**. || Гриб для соления. 1995, д. Анисимово, пос. Ефимовский **Боксит**.

Волну́шка, сущ., ж. Пирог с начинкой из волнушек. 1994, д. Усадище **Волхов**.

Вóлок, сущ., м. 1. Приспособление для передвижения небольшого судна по суше. Год? д. Струги **Боксит**.

2. Дорога через большой лес. *Тащить волоком*. 1996, пос. Шугозеро **Боксит**.

3. Глухой лес, перегон лесом от селения до селения. *Ночью через волок идти очень страшно*. 1996, **Тихв**.

Воло́кать, глаг., несов., неперех. Утюжить, гладить белье. 1994, д. Юшково **Волхов**.

Волокíши, суц., множ. Приспособление для перевозки сена из прутьев. 1995, д. Струги **Боксит**.

Волокúша, суц., ж. 1. Приспособление для перевозки волоком. 1995, д. Нос **Боксит**.; *На волокушах везли сено к сеновалу*. 1996, **Тихв**. *Сено к снопам подвозили на волокушах. На лошадях ведь работали. Дак вот, прикрепят две бирёзы тоненьких к дуге и на них кладут сено. Вот тебе и волокуша*. 2009, д. Ваньково **Тихв**.

2. Прицеп у трактора. *Волокуша везёт к скирды*. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Волонéц, суц., м. Полати. 1995, д. Машнево **Боксит**.

Вóлос, суц., м. Заболевание пальца на руке или на ноге. *Вот у ково палец болит, называецца волос*. 1994, д. Иссад **Волхов**.; д. Бабино **Волхов**.

Волосíщи, суц., множ. Волосы. *Волосищи буганные*. 1994, д. Великое Село **Волхов**.

Волосьё, суц., ср., собир. Волосы. *Придёт, на дворе волосьё стригёт*. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Волосяно́й, прил. ◇ **Решето волосяное**. [Знач.?] 1994, д. Иссад **Волхов**.

Воло́ча, суц., ж. Скромная похлебка. *Нередко дома только волоча и бывала*. 1996, пос. Ефимовский **Боксит**.

Волочóк, суц., м. Связка бревен. 1994, д. Посадница, д. Реброво **Волхов**.

Волочúшка, суц., ж. Воз сена. 1995, д. Сухая Нива **Боксит**.

Волочúшки, суц., множ. Сани. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Волчáра, суц., м. Волк. *Волчара один вокруг нашей деревни ходил, я маленькой была. Зимой из дому не выходила*. 1996, д. Шомушка **Тихв**.

Волчь, прил., относит. ◇ **Волчи песни**. Протяжные песни. 1994, д. Залужье **Волхов**.

Вóльный, прил. ◇ **Вольный жар**. [Знач.?]. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Вольха, суц., ж. Ольха. *Берёзу, вольху рубили на дрова*. 1994, д. Коскенницы **Волхов**.

Вóна, част. Вон. ...я ей и говорю: *Вона он иде*. 1996, д. Григоркино **Тихв**.; пос. Шугозеро **Тихв**.

Ворáчить, глаг., несов., перех. Ворочать. *Ворачили камня*. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Вóрга, суц., ж. Болотистая местность, кочковатое болото. 1996, **Тихв**.

Ворзаться, глаг., несов., неперех. Мучаться. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Вороба, сущ., ж. Приспособление для наматывания ниток в виде круга и воткнутых в него деревянных палочек. 1994, д. Алексино, д. Креницы, д. Реброво, д. Усадище **Волхов**; *Мотушка, чтобы перевить нитки*. 1995, пос. Ефимовский; д. Михалёво, д. Семёново **Боксит**. || Приспособление для наматывания ниток при плетении рыболовецких сетей. 1994, д. Глядково **Волхов**.

Воробина, сущ., ж. [Знач.?] *Как воробина хожу*. 1994, д. Сырецкое **Волхов**.

Воробьешек, сущ., м. Воробышек. *Плискался в лужэ воробьешек крохотной такой*. 1997, пос. Ерёмина Гора **Тихв**.

Ворovýй, прил. Проворный, ловкий. 1995, д. Машнёво **Боксит**; *Ну, какая-то не воровая ты*. 1996, д. Пятино **Боксит**.

Вóрог, сущ., м. Враг. *Ни поя, ни кормя ворога не наживёшь* (пословица). 1996, д. Кузьминка **Тихв**.

Ворóжка, сущ., м. Знахарь. *Она ведь ворошка*. 1996, д. Горка **Боксит**.

Воронёц, сущ., м. 1. Балка, брус, поддерживающие полки, идущие вдоль стен. 1995, пос. Ефимовский, д. Машнёво **Боксит**. || Разновидность полатей, расположенных на расстоянии около метра от потолка. 1995, д. Семёново **Боксит**.

Вóроп, сущ., м. То же, что **Вороба**. *Я наматываю нитки на воропа*. 1996, пос. Шугозеро **Тихв**.

Вóрот, сущ., м. ◊ **Ворот хомутиком**. Стоячий воротник. *Ишо ворот хомутиком*. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Ворóтики, сущ., множ. Калитка. *Кто воротикам зовёт*. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Вóрох, сущ., м. 1. Куча чего-либо рыхлого. *Ворох моху*. 1995, д. Загольно **Боксит**; д. Сухая Нива **Боксит**.

2. Стог. *В ворох наложыть*. 1995, д. Фалилеево **Боксит**.

Ворочаться [Удар.?], глаг., несов., неперех. Возвращаться. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Ворошítть, глаг., сов., перех. Обрабатывать горох. *А яровое, вот горох не молотился, горох ворошили*. 2002, д. Славинка **Лужск**.

Ворошóк, сущ., м. Кучка. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Восстановлѣть, глаг., несов., перех. Восстанавливать. *Там даже две церкви было в Осьмине, они нарушились, теперь их не восстанавливают*. 2002, д. Сара-Гора **Лужск**.

Вóстрый, прил., кач. Острый (глаз). *Молодая была, глаза вострые были, а теперича ничего не вижу*. 1996, д. Машнёво **Боксит**.

Восьмерѣк, сущ., м. Танец в восемь пар. *Восьмерика плясали*. 1995, д. Часовня **Боксит**.

Восьмúшка, *сущ., ж.* Мера веса [?]. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Впотáй, *нареч.* Тайно, секретно. *Говорила она ему впотай*. 1996, **Тихв**.

Врэмя, *сущ., ср.* Возраст. \diamond **Сколько ему время?** Сколько ему лет. 1996, д. Кузьминка **Тихв**.

Вры, *сущ., множ.* Ложь, обман. 1994, д. Черницкое **Волхов**.

Всáвывать, *глагол., несов., перех.* Совать, ставить в печь. *Весь противень, бывало, заложу да в печь всасывала*. 2009, д. Медвежий Двор **Тихв**.

Вси, *мест., множ.* Весь. *Вси уже домой пошли*. 1996, пос. Пашозеро **Тихв**.

Вста́венка, *сущ., ж.* Ставень. *Заколотить вставенку*. 1996, д. Никульское **Боксит**.

Всяк, *мест.* Всякий. *Всяк о себе думает*. 1996, д. Пяхта **Боксит**.

Втори́чный, *прил.* Второй. В сочетании \diamond **Вторичный раз**. Второй раз. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Втóрнуть, *глагол., сов., перех.* Втолкнуть. 1995, д. Сухая Нива, д. Чудесная **Боксит**.

Вчера́сь, *нареч.* Вчера. 1995, д. Чудская **Боксит**.; *Вчерась дождик шел, но он только чуть-чуть землю смочил*. 1996, д. Кайвакса **Тихв**.; д. Потанино **Волхов**.; д. Ярославичи **Подпорожск**.

Выводи́ть, *глагол., несов., перех.* Воспитывать, выхаживать. *Сестру-от Дину выводила*. 1995, д. Утишье **Боксит**.

Вы́день, *сущ., м.* Рабочее время. *Приходи в выдень*. 1996, пос. Шугозеро **Боксит**.

Вы́думка, *сущ., ж.* Легенда. *Рассказывал он мне одну выдумку*. 1996, д. Овно **Тихв**.

Вы́ждать, *глагол., сов., перех.* Подождать. *Я тебя выжду*. 1996, пос. Шугозеро **Боксит**.

Вы́пахать, *глагол., сов., перех.* Вычистить (о саже). *Эво труба. Надо буде сажу выпахать*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Вы́скоть, *сущ., ж.* Вывернутое с корнем дерево. *Дерево с землёй поднято, и с корнем валяется – это выскоть*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Высоке́нный, *прил.* Очень высокий. *Вот у вас в городе высокённые дома-то, а здесь что...* 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Вы́шка, *сущ., ж.* Чердак. 2009, д. Медвежий Двор **Тихв**.; *...наверху есть вышка, ну, чердак, крыша*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Вью́шка, *сущ., ж.* Задвижка в печной трубе. *Здесь вьюшка, тут и надо печь закрыть, когда стопилась*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Вя́дирина, *сущ., ж.* Ботва. *... а вядирина – это ботва, вот, например, вся вядирина повяла*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Вязэлье, *сущ., ср.* Вязка соломы. 1994, д. Черницкое **Волхов**.

Вязка, *сущ., ж.* Чем вязали сноп. 1995, д. Заборье **Боксит.**; *Хлеб срезали серпом, молотили; серпам стригли, делали вязки. Вот эдак было завернёшь вязку, сноп завяжешь.* 2009, д. Исаково **Тихв.**

Вятирь, *сущ., м.* Приспособление для ловли рыбы. 1995, д. Большой Двор, пос. Ефимовский, д. Косые Харчевни, д. Чудская **Боксит.**

Вятка, *сущ., ж.* Небольшая гармонь. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Г

Гавá, *сущ., ж.* Насмешка. 1995, д. Нос **Боксит.**

Гáведа, *сущ., собир.* Насекомые, которые поедают листья капусты. *Гаведа пожрала.* 1995, д. Заборье **Боксит.**

Гагáра, *сущ., ж.* Рыба [Какая?]. ... *и гагары, у них голова-то толстая, вилками их кололи, они как спящие там были.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Газéтина, *сущ., ж.* Газета. *Газетину к Пасхе повесили на окна.* 1995, д. Анисимово **Боксит.**

Галуне́ц, *сущ., обычно множ.* Кружева для полотенец, подзоров. 1994, д. Залужье **Волхов.**

Гамíть, *глагол., несов., неперех.* Шуметь, галдеть. *Опять во дворе ребята гамят.* 1997, д. Спирово **Боксит.**

Гáмкать, *глагол., несов., неперех.* Гавкать. 1995, д. Анисимово, д. Большой Двор **Боксит.**

Гарди́на, *сущ., ж.* Карниз. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Гарзирóп, *сущ., м.* Гардероб, шкаф для одежды. 1995, пос. Заборье **Боксит.**

Гáрич, *сущ., ж.* Клюква. 1995, д. Михалёво **Боксит.**

Гарь, *сущ., м.* 1. Место, где был пожар. 1995, д. Никола **Боксит.**

2. Запах от сожжённых деревьев. 1995, пос. Заборье **Боксит.**

3. Клюквенное болото. 1994, д. Черницкое **Волхов.**

4. Название местного леса. *У нас был свой гарь. Названьё было леса.* 1994, д. Алексино **Волхов.**

Гáфли, *сущ., множ.* Ботинки. *Убери свои гафли.* 1996, д. Харитоновщина **Тихв.**

Гваж́и, *сущ., множ.* Морошка. 1995, д. Михалёво **Боксит.**

Гвёрста, *сущ., ж.* Крупный песок. *У нас крупный песок был – гвёрста.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Гвóзеро, *сущ., ср.* Озеро. *Гвозеро там.* 1995, д. Фалилеево **Боксит.**

Гибáло, *сущ., ср.* Приспособление для изгибания коромысла. 1995, д. Анисимово, д. Струги **Боксит.**

Гига́ны, *сущ., множ.* Качели. *Качались на гиганах.* 1994, д. Креницы **Волхов.**; д. Березье, д. Иссад, д. Юшково **Волхов.** || *Круговая карусель.* 1994, д. Алексино **Волхов.**

Гизиндать, *глагол., несов., неперех.* Ползать туда-сюда без толку. Прекрати гизиндать! 1993, д. Юксовичи **Подпорожск.**

Гладану́ть, *глагол., сов., перех.* Погладить. *Там как гладанёшь.* 1994, д. Реброво **Волхов.**

Гладу́ха, *сущ., ж.* Гриб серого цвета очень скользкий на ощупь [Какой?]. 1995, д. Косые харчевни **Боксит.**

Гладу́шка, *сущ., ж.* Грибы для засолки, серого цвета с гладкими шляпками, чаще всего – волнушки. 1995, д. Анисимово, д. Бочатино, д. Климово, д. Косые Харчевни, д. Семеново, д. Фалилеево, д. Чудская **Боксит.** || Сыроежка. *Гладушки солить надо.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**; д. Косые Харчевни **Боксит.**

Гладь, *сущ., ж.* Ровное место в лесу. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Глажеви́к, *сущ., м.* Лес, в который гоняли пастись скот. 1994, д. Сватковщина **Волхов.**; д. Алексино **Волхов.**

Глаже́вник, *сущ., м.* 1. Место на болоте, где растет морошка. 1995, д. Калинецкое, д. Фалилеево **Боксит.**

2. Кусты морошки, оставшиеся после сбора ягод. 1995, д. Фомкино **Боксит.**

Глажи́, *сущ., множ.* То же, что **Гважи.** 1995, д. Анисимово, пос. Ефимовское, пос. Заборье, д. Калинецкое, д. Климово, д. Машнево, д. Семеново, д. Фалилеево д. Чудская **Боксит.**; *Собирали глажи, глажи вот как у нас называется морошка: пошли за глажами.* Д. Абрамово, д. Горка, д. Кузьминка **Тихв.**; 2009, д. Коськово **Тихв.**

Глажьё, *сущ., собир.* Морошка. 1995, **Боксит.**

Глаза́, *сущ., множ.* ♦ **Глаза потерялись.** Плохо видеть. 1995, д. Чудская **Боксит.**

Глази́льничать, *глагол., несов., неперех.* Смотреть, подглядывать. *А мы только глазильничали.* 1994, д. Гагарино **Волхов.**

Глазо́вник, *сущ., м.* Морошка. 1995, д. Машнево **Боксит.**

Глездобо́ина, *сущ., ж.* Гололедица. *После студня такая глездобоина началась.* 1996, д. Семеново **Боксит.**

Глёстко, *нареч.* Скользко. *Это было после первых заморозков, по дороге было глёстко идти, я упала.* 1996, д. Владычино **Тихв.**

Глист, *сущ., м.* Дождевой червь. *Дождевые черви так это глисты. Вот говорят: надо в огороде глистей накопать.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

- Гличик** [Удар.?], *сущ., м.* Горшочек. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Гло́бка**, *сущ., ж.* Тропинка. *А вот эта глобка приведет вас к лесному озеру, идите.* 1996, д. Владычино **Тихв**.
- Глодúха**, *сущ., ж.* Сорт волнушек. 1994, д. Иссад **Волхов**.; 2009, д. Коськово **Тихв**.
- Глодúшка**, *сущ., ж.* Гриб [какой?]. 1994, д. Усадище **Волхов**.
- Гло́жа**, *сущ., множ.?* Чулки. 1995, д. Машнёво **Боксит**.
- Глонúть**, *глагол., сов., неперех.* Глотнуть, выпить. 1995, д. Большой двор **Боксит**.
- Гло́тень**, *сущ., м.* Прожорливый человек. 1996, **Тихв**. ◊ Пьяница, обидчик. *Ее муж – ужасный глотень.* 1996, **Тихв**.
- Глоть**, *сущ., ж.* Глотка, горло. *Мужик орал во всю глоть.* 1996, **Тихв**.
- Глуби́нный**, *прил.* Старый. 1995, д. Некрасово **Боксит**.
- Глу́бник**, *сущ., м.* Северо-западный ветер. 1996, пос. Шугозеро **Тихв**.
- Глуми́ться**, *глагол., несов., неперех.* Говорить о пустяках или издеваться над слабым. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
1. **Глухáрь**, *сущ., м.* Маленький закрытый пирожок. *Глухари – маленькие крытые пирожки.* 1995, д. Семеново **Боксит**.
2. **Глухарь**, *сущ., м.* Плохо слышащий человек. *Я вот глухарь стал, грипп на ушах перенес.* 1994, д. Посадница **Волхов**.
- Глухмéнь**, *сущ., ж.* [Знач.?] *Ну и глухмень в доме.* 1996, д. Пихта **Боксит**.
- Глухо́й**, *прил.* В сочетании ◊ **Глухая яма**. Картофелехранилище. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Глухотá**, *сущ., ж.* Глушь, отдаленное недоступное место. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Глуши́на**, *сущ., ж.* Штиль. *А вот если ветра нет – глушина называем.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.
- Глушнiк**, *сущ., м.* Глухое место в лесу. *Идешь, грибы собираешь, собираешь, да в такой глушник забредешь – лес такой дремучий, свету белого не видно.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.
- Глыбóкий**, *прил.* Глубокий. *Глыбокий ручей.* 1994, д. Иссад **Волхов**.
- Глы́за**, *сущ., ж.* Глыбы (льда). *Весна пришла. Такие глызы по реке льда пошли.* 1996, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Глы́зья**, *сущ., собир.* Комья земли, образующиеся после вспашки. 1994, д. Сырицкая **Волхов**.; 1995, д. Заголодно **Боксит**. ◊ Комья глины. 1994, д. Посадница **Волхов**.
- Гляда́ться**, *глагол., несов., неперех.* Смотреть. 1994, д. Глядково **Волхов**.
- Гля́нуть**, *глагол., сов., неперех.* В сочетании ◊ **Глянуть через плетень**. Умереть. *А Марфа-то глянула через плетень.* 1996, д. Харитоновка **Тихв**.

Глядúшка, *сущ., ж.* Разновидность волнушки. *Глядушки – волнушки в березняке.* 1994, д. Залужье **Волхов.**; д. Алексино, д. Усадище, д. Яхновщина **Волхов.**

Гнать, *глагол, несов., перех.* В сочетании \diamond **Гнать лес.** Сплавливать лес. *Выгоняли они лес, по-моему, ... начинали гнать лес с Усть-Копши, по всем деревням.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

1. Гнездó, *сущ., ср.* Куст картошки. 1994, д. Немятово-2 **Волхов.** || Несколько луковиц, сросшихся вместе. 1994, д. Юрцево **Волхов.** В сочетании \diamond [Знач.?] *Два гнезда и ведро.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

2. Гнездó, *сущ., ср.* 1. Волчье логово. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**
2. Кровать. 1995, д. Чудская **Боксит.**

Гнёт, *сущ., м.* Груз (камень или жердь), который используют для квашения и соления. 1994, д. Алексино **Волхов.**; 1995 д. Борисово, д. Глядново, пос. Ефимовский, д. Заборье **Боксит.**

Гнёттик, *сущ., м.* Уменьш.-ласк. к **Гнёт.** *А вот творог мы делали, гнёттиком пригнетали, на творог тряпочку кладём и грузик сверху.* 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**

Гни́ла, *сущ., ж.* Глина. 1995, д. Косые Харчевни, д. Машнёво, д. Михалёво, д. Фалилеево **Боксит.**; *Печки мазали гнилой. На зиму запасали.* 1996, пос. Ефимовский **Боксит.**

Гни́леной и гни́ляной, *прил.* Глиняный. *Гниленые горшки.* 1994, д. Великое Село **Волхов.** 1995, д. Косые Харчевни **Боксит.**

Гнилóй, *прил.* \diamond **Гнилой ветер.** Южный ветер зимой. 1994, д. Глядково **Волхов.**

Гнилушника [Удар.?), *сущ., ж.* Старый дом. *Сначала гнилушнику купили.* 1994, д. Чернецкое **Волхов.**

Гни́льнице, *сущ., ср.* Горшок [Какой?]. За печкой, конечно, ухаживали. *Вот глины растворю в гнильнице – ну, горшочек такой – да ошосток и протру, чтоб от тепла не трескался.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Гно́чья и гно́тья, *сущ., ср., собир.* Сосновые бревна. *Надо было принесть гнотья.* 1995, д. Фалилеево **Боксит.**

Годаньё, *сущ., ср.* Гадание. 1995, д. Климово **Боксит.**

Гóди, *нареч.* Довольно. *Ну, кончай работать, годи уже.* 1996, пос. Ефимовский **Боксит.**

Годи́на и годи́ны, *сущ., ж.* 1. Год со дня смерти человека. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

2. Время. *Вот и пришла година расставаться.* 1996, д. Абрамова Гора **Боксит.**

Годови́ца, суц., ж. Годовалая скотина. *Скотинке год дак годовица*. 1995, д. Белоглазово **Боксит**.

Го́жий, прил. Годный. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**. *Никуда ни гожа хозяйка была*. 1996, д. Абрамова Гора **Боксит**.

Голáночка, суц., ж. То же, что **Голанка**. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Голáнь, суц., ж. Брюква. *Голани-то нет, вся кончилась*. 1997, д. Липная Горка **Тихв**.

Голени́щица, суц., множ. Полусапожки. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Голéц, суц., м. Веник без листьев. *Веник обносифшийся голец*. 1994, д. Подолково **Волхов**.

1. Голі́к, суц., м. 1. Истрепанный веник. 1994, д. Великое Село **Волхов**. *Выброси голик в сени*. 1996, д. Харитоновщина **Тихв**; д. Абрамова Гора, д. Малый Ручей **Боксит**. 1997, д. Носово **Боксит**. || *Метла из березовых веток без листьев*. 1996, д. Пашозеро **Тихв**.

2. Веник для натирания полов в бане. *Голиком натирали мы с Машей всю баню, чисто было*. 1996, д. Горка **Тихв**.

2. Голі́к, суц., м. Голеностопный сустав. *Я в молодости часто подвёртывала голик*. 1996, д. Шомушка **Тихв**.

3. Голі́к, суц., м. Речной песок. *Голик такой насыпешь, вот как песок на реке такой, насыпешь и тряпкой им смыкаешь пол, чтоб чистенький был он*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Голі́ться, глаг., несов., неперех. Насмехаться, смеяться над кем-л. *Чево вы над ней галитесь?* 1996, д. Пашозеро **Тихв**.

Голі́ца, суц., ж. Кожаная перчатка без подкладки. *Купить голицу*. 1996, д. Пятха **Боксит**.

Голичёк, суц., м. Веник без листьев. *Поднять голичёк*. 1996, пос. Шугозеро **Тихв**.

Голова́, суц., ж. 1. Большой кусок сахара в виде шара. 1994, д. Алексино **Волхов**. *Сахар был головой*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

2. Последний сноп в стоге. ... *а главный сноп, верхний, он... мы его голова звали*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

3. В сочетании. ◊ **Голова в кругах**. Головокружение от усталости. 1996, пос. Шугозеро **Тихв**.

Голова́тый, прил. Умный, сообразительный. *Десять лет на тракторе он проработал, головатый он парень*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Голови́ца, суц., ж. Отходы от льняного семени. 1995, д. Заборье, д. Климово, д. Сухая Нива **Боксит**.

Голови́чки, суц., обычно множ. Семечки льна. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

- Голо́вка**, *сущ., ж.* 1. Семенная коробочка льна. 1994, д. Коскеницы **Волхов**.
2. Доска для ящика [?] 1994, д. Реброво **Волхов**.
- Головня́**, *сущ., ж.* Коробочка с семенами у льна. 1995, д. Елзово **Боксит**.
- Голо́вочка**, *сущ., ж.* То же, что **Головня**. 1995, д. Елзово, д. Часовня **Боксит**.
- Головя́шка**, *сущ., ж.* Передок дровней. 1994, д. Подолково **Волхов**.; 1995, д. Великое Село **Боксит**.
- Го́лод**, *сущ., м.* В сочетаниях. ◇ **Го́лодом жить**. Жить очень бедно. 1995, д. Заборье, д. Машнево **Боксит**. ◇ **Го́лодом сидеть**. Быть голодным. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Голодова́ть**, *глагол., несов., неперех.* Голодать. 1994, д. Алексино, д. Коскеницы, д. Усадище, д. Черницкое **Волхов**. *Фсю жысь голодовали*. Д. Юшково **Волхов**. *Так после войны учителя голодовали*. 1995, д. Большой Двор **Боксит**. д. Анисимово, пос. Ефимовский, д. Косые Харчевни **Боксит**. *Он, бедняга, голодует*. пос. Заборье **Боксит**.
- Голодо́вка**, *сущ., ж.* Голод. *Из-за голодофки школу кончили*. 1994, д. Иссад **Волхов**. 1995, д. Анисимово **Боксит**.
- Голодо́вщина**, *сущ., ж.* То же, что **Голодовка**. *Потом голот был, голодовщина была*. 1994, д. Усадище **Волхов**.
- Голоме́нь**, *сущ., ж.* Часть дерева, не имеющая сучьев. *Тащи голомень*. 1996, д. Пяхта **Боксит**.
- Голоси́ть**, *глагол., несов., неперех.* Плакать. 1995, д. Климово **Боксит**.
- 1. Голо́ша**, *сущ., множ.* Чулки. 1995, д. Машнево **Боксит**.
- 2. Го́лоша**, *сущ., ж.* Связка репчатого лука. 1995, д. Великое Село **Боксит**.
- Голубина** [Удар.?] и **Голуби́ны**, *сущ., ж.* Голубика. *Морошка, голубины, клюква*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.; д. Заборье, д. Заголодно **Боксит**.
- Голуби́ца**, *сущ., ж.* Голубика. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Голубни́ка**, *сущ., ж.* Голубика. 1995, пос. Ефимовский, д. Косые Харчевни, д. Чудская **Боксит**.
- Голунцы́**, *сущ., множ.* Кружева для украшения полотенец, подзоров. 1994, д. Залужье **Волхов**. || Узоры, которые вышивали по краям полотенца. *По вечерам мы вышивали голунцы*. 1996, д. Овино **Тихв**.
- Голу́ха**, *сущ. в знач. нареч.* Очень смешно, уморительно. 1995, д. Великое Село **Боксит**.
- Голь**, *сущ., собир.* Нищие. *Всякой голи ходит*. 1996, д. Пашозеро **Тихв**.; д. Абрамова Гора **Боксит**.
- Го́лью**, *нареч.* Без ничего. 1994, д. Посадница **Волхов**. *Го́лью чай пью*. 1995, д. Заголодно **Боксит**.
- Голя́к**, *сущ., м.* То же, что **1. Голи́к** в 1-м знач. 1995, д. Часовня **Боксит**.

Голякóм, нареч. Гольшом. *Что голяком бегаешь? Люди же к нам пришли!* 1996, д. Еремина Горка **Тихв.**

Голя́нка, сущ., ж. Рукавица. *Голянки детям я вязала всегда сама, и носки тоже сама делала.* 1996, д. Островок **Тихв.**

Гоманóк, сущ., м. Кошелек. *Гоманок у мамушки был красивой, она с ним в город ездила.* 1996, д. Горка **Тихв.**

Гомонíть, глаг., несов., неперех. Громко разговаривать, шуметь. *Гомонят как бабы на базаре.* 1997, д. Пашозеро **Тихв.**

Гóнка, сущ., ж. 1. Несколько сцепленных плотов на сплаве леса. *Гонки-то тинуло раньше лашодями.* 1994, д. Креницы **Волхов.**; 1994, д. Черницкое, д. Юшково **Волхов.** || Плот. *На гонке через речку переправимся.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**

2. Сплав леса по реке. 1994, д. Великое Село **Волхов.** *Гонки по реке сплывали лес.* 1995, д. Нос **Боксит.**; пос. Ефимовский **Боксит.**

Гонобóбель, сущ., ж. Голубика. *В наших местах много гонобобели есть.* 1996, д. Тамбовский шлюз **Боксит.**

Гонобóль, сущ., ж. То же, что **Гонобóбель**. 1994, д. Алексино, д. Великое Село, д. Глядково, д. Иссад, д. Усадище, д. Юрцево **Волхов.**; 1995, д. Анисимово, д. Большой Двор, д. Бочатино, пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Ростань **Боксит.**; 1996, д. Астрача **Боксит.**; 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**

Гонобóльник, сущ., м. Заросли голубики. 1995, д. Анисимово **Боксит.**

Гонотíться, глаг., несов., неперех. Заботиться. *Аб агароде-та ганатитца кто будет.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**

Гонотьё, сущ., ср., собир. Заготовки из сосны для изготовления лучины. *Раньше вот лучины стругали, гонотьё было – заготовочки такие из сосны для лучинок этих.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Гонотья́, сущ. [Знач.?] 1995, д. Заголодно **Боксит.**

Гонóтья, сущ., ж. Кора осины. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Гоношíть, глаг., несов., перех. Заставлять кого-л. делать что-л. 1997, д. Березицы **Лужск.**

Гонта́й, сущ., м. Веребочка для ношения нательного креста. 1995, д. Машнево, д. Сухая Нива **Боксит.**

Горáже, прил., сравн. ст. к **Горáзд**. 1995, д. Заголодно, д. Фалилеево **Боксит.**

1. **Горáзд**, прил., кр.ф. 1. Ловок, искусен. *Отец мой горазд на все руки был.* 1996, д. Абрамова Гора **Боксит.**

2. Большой, взрослый [?]. *Пока не горазда дочка.* 1994, д. Гагарино **Волхов.**

2. **Горáзд**, нареч. Очень. *Горазд хорошо.* 1995, д. Косые Харчевни **Боксит.**

Горáздо, нареч. Очень, хорошо. *Не горáздо я топери фспомню*. 1994, д. Усадище **Волхов**.; 1995 пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Машнево, д. Чудская **Боксит**. *Горáздо уш красивая тканьь*. 1996, пос. Пашозеро **Тихв**.; 2009, д. Коськово **Тихв**.

Горáзно, нареч. То же, что **Горáздо**. *Креницы горáзно большая была деревня*. 1994, д. Креницы **Волхов**.; д. Гагарино, д. Иссад, д. Реброво, д. Усадище, д. Хамонтово **Волхов**. 1995, пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Сухая Нива, д. Утишье **Боксит**. *Горáзно травяно*. д. Чудская **Боксит**. 1997, пос. Шугозеро **Тихв**.; 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

1. **Горб**, сущ., м. Гора. 1994, д. Подолково, д. Усадище **Волхов**.

2. **Горб**, сущ., м. Столбы для забора. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Горбáк, сущ., м. Серп. 1994, д. Залужье **Волхов**.

Гóрбить, глаг., несов., перех. Жать. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Горбúша, сущ., ж. Коса. 1994, д. Залужье **Волхов**.; 1995, д. Бочатино, д. Заборье, д. Утишье, д. Фалилеево **Боксит**.

Горготáть, глаг., несов., неперех. Ржать (о лошади). 1995, д. Заборье **Боксит**.

Горéлка, сущ., ж. Гриб коричневого цвета [какой?]. *Гарелки – каричниватые грибы в лису*. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Гóресь, сущ., ж. 1. Горесть, тяжесть (о душевном состоянии человека). *Такая горесь на душе*. 1996, д. Харитоновщина **Тихв**.

2. Горечь, горький вкус. *Эти грибы – такая горесь!* 1996, д. Харитоновщина **Тихв**.

Горéц, сущ., м. Лечебная трава [Какая?]. 1994, д. Иссад **Волхов**.

Горечóк, сущ., м. Огурец. 1994, д. Алексино, д. Будаевщина **Волхов**.

Горжаня́ком, нареч. [Знач.?] 1994, д. Юрцево **Волхов**.

Горíлка, сущ., ж. Часть керосиновой лампы [какая?]. 1994, д. Кадище **Волхов**.

Горлáтый, прил. ◇ **Горлатая шапа**. Шапка из меха. *Куплю горлатую шапу*. 1996, д. Пяхта **Боксит**.

Гóрло, сущ., ср. Отверстие в рыболовной сети. *Зайдет в горло, а обратно дороги не найдет*. 1994, д. Немятово **Волхов**.

Горловíна, сущ., ж. Круглая сетка (7). 1994, д. Сырицкая **Волхов**.

Горля́нка, сущ., ж. Небольшой невод с горловиной. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Гóрница, сущ., ж. Большая светлая, чистая комната. 1995, д. Нос **Боксит**.

Горну́шка, сущ., ж. Место слева от шестка. *Пора жар сгребать в горнушку*. 1996, д. Пятино **Боксит**.

Гóроб, *сущ., м.* Горб. *От работы гороб-то нажил.* 1996, пос. Пашозеро **Тихв.**

Горобóк, *сущ., м.* Край хлеба. 1995, д. Сухая Нива **Боксит.**

Гóрод, *сущ., м.* Центральная деревня [?]. 1994, д. Будаевщина **Волхов.**

Горóд, *сущ., м.* Загородка [?]. *Накосим, наставим городоф.* 1994, д. За-
лужье **Волхов.**

Городíть, *глагол., несов., перех.* Ставить изгородь. *Кольям городить.*
1994, д. Будаевщина **Волхов.** 1995, пос. Заборье, д. Машнево **Боксит.**

Горожáнка, *сущ., ж.* Огороженный участок, где пасутся овцы. 1995,
д. Елзово **Боксит.**

Горожнiк, *сущ., м.* Отгороженное место для укладки стогов. 1994,
д. Тихомировщина **Волхов.**

Горожняк, *сущ., м.* То же, что **Горожник**. *Были горожняки.* 1994, д. Ти-
хомировщина **Волхов.**

Горóховик, *сущ., м.* 1. Пирог из гороховой муки. 1995, д. Михалево
Боксит.

2. Пирог с горохом. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Горóховина, *сущ., ж.* Стебли гороха. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.** ||
Гороховая шелуха. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Горóхом, *нареч.* В виде горошин. *Слезы горохом.* 1994, д. Алексино **Вол-
хов.**

Горушечка, *сущ., ж.* Гора. *На горушечки ихний дом.* 1995, д. Большой
Двор **Боксит.**

Горушка, *сущ., ж.* Небольшая гора, пригорок. *С горушки катаются.*
1995, д. Заборье **Боксит.**; д. Заголодно, д. Фомкино **Боксит.**

Горшóк, *сущ., м.* В сочетании ◊ **Горшок муравлёный**. Горшок для мо-
лока.

Горькúха, *сущ., ж.* 1. Гриб. 1995, д. Фалилеево **Боксит.**

2. Рыба чуть меньше тюльки; при употреблении в пищу горчит. *Горькуху
сочком ловят.* 1995, д. Фалилеево **Боксит.**

Горюшка, *сущ., ж.* Разновидность сыроежки, внутри – сероватого цве-
та. *Горюшки – сыроежки с сереньким внутри, если разломить.* 1995, пос. За-
борье **Боксит.**

Гостеприiмчивый, *прил.* Гостеприимный. *Вепсы нарот гостиприимчи-
вый.* 1995, пос. Заборье **Боксит.**

Гостiца, *сущ., ж.* Отходы при обработке льна. 1995, д. Некрасово,
д. Струги **Боксит.**

Гось, *сущ., м.* Гость. 1997, д. Дыми **Боксит.**

Гра́бельки, *сущ., множ.* Растение с сиреневыми цветами [какое?]. В нашем лису ивы, бирёзы, полынь горькая, травушка, грабельки. 1994, д. Глядково **Волхов**.

Грабёльца и **грабельцы** [удар.?], *сущ., множ.* Грабли. *Грабёльцеф дай-те*. 1995, д. Нос **Боксит**.

Грабѝлка, *сущ., ж.* Сельскохозяйственная машина, которая собирает сено. 1994, д. Посадница **Волхов**. В сочетании ◊ **Грабилка конная**. Плуг. 1994, д. Сырицкая **Волхов**.

Гра́бить или **гра́бать**, *глагол., несов., перех.* Метать стог (о сене). 1994, д. Глядково, д. Ежева **Волхов**. 1995, пос. Заборье, д. Сухая Нива **Боксит**.; 2009, д. Коськово **Тихв**.

Грабловѝще и **грабловѝщѐ**, *сущ., ср.* Ручка граблей. **Грабловище**. 1994, д. Посадница **Волхов**. 1995, д. Заборье, д. Нос, д. Фалилеево **Боксит**. **Грабловищѐ**. 1994, д. Реброво **Волхов**.; 1995, д. Гагрино, д. Нос **Боксит**.

Града́рь, *сущ., м.* Огородник, садовод. *По соседству жил опытный гра-дарь*. 1996, **Тихв**.

Гра́мота, *сущ., ж.* Бумага. *Возьми чистую грамоту*. 1996, д. Овино **Тихв**.

Гре́бать, *глагол., несов., неперех.* Брезговать. 1996, пос. Пашозеро **Тихв**.

Гребь, *сущ., ж.* 1. Грубый лен, который шел на изготовление матрасов. 1994, д. Чернецкое **Волхов**.

2. Некачественное волокно, остающееся после вычесывания льна. *Тут гребѝ, тут-то чистой лён*. 1994, д. Тихомировщина **Волхов**.

3. Толстые нитки низкого качества. *Пряла из гребѝ*. 1994, д. Яхновщина **Волхов**.

Гребѝнка, *сущ., ж.* Приспособление для крепления плуга. 1994, д. Юшково **Волхов**.

Гри́бник, *сущ., м.* Пирог с грибами. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Грибо́вик, *сущ., м.* Пирог с грибами. 1995, пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Машнево, д. Часовня **Боксит**.; 2009, д. Коськово **Тихв**. || Пирожок с грибами и крупой. 1995, д. Никола **Боксит**.

Грибо́вник, *сущ., м.* Пирог с грибами. *Спеку сегодня грибовник*. 1997, д. Коли **Боксит**.

Грибо́вый, *прил.* Грибной. *И гороховый суп делали, и грибовый*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Гри́ва, *сущ., ж.* Сухая поляна среди болот. 1995, д. Заборье **Боксит**. || Возвышенность в лесу. 1995, д. Заборье **Боксит**. || Лес. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Гриву́шка, *сущ., ж.* Сухое место на болоте, где растут сосны. 1995, д. Фалилеево **Боксит**.

Грѝза, *сущ., ж.* Плохая, невкусная еда. *А замуж я вышла, так свекровь такую гризу готовила, плохую еду, значит, невкусную.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Грѝмнуть, *глагол., сов., неперех.* Грѝнуть. 1996, пос. Пашозеро **Тихв.**

Грѝбовѝще, *сущ., ср.* Деревянная палка у граблей. 1995, д. Чудская **Боксит.**

Грѝбовѝщѝ, *сущ., ср.* Грабли. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Гром, *сущ., м.* Сущ. по знач. глаг. **греметь**; грохот, шум. 1997, **Боксит.**

Громоздѝльный, *прил. Большая.* *Кака громоздильна была.* 1994, д. Посадница **Волхов.**

Грѝдка, *сущ., ж.* 1. Костер. 1995, д. Струги **Боксит.**

2. Небольшая куча. 1995, д. Утишьѝ **Боксит.**

Грѝдок, *сущ., м.* Творог. *Грудки на столе.* 1997, д. Носово **Боксит.**

Грѝзень, *сущ., м.* Груздь. 1995, д. Заборье, д. Косые Харчевни, д. Машнево, д. Сухая Нива, д. Утишьѝ, д. Черкасова Горка **Боксит.**

Грѝзный, *прил.* Сильный, затяжной (о дожде). *А вот если дождь долго идѝт, то это грузный дождь, у нас так его называют.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Грѝмать, *глагол., несов., неперех.* Грѝметь. 1994, д. Глядково **Волхов.**

Грядѝ, *сущ., ж.* Грядка. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Грядка, *сущ., ж.* 1. Перекладина от стены до стены, ч.в. у печи, для сушки белья. 1994, д. Реброво **Волхов.**; *Павесь платье-то на грядку.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**

2. Часть телеги, рама, между задними и передними колѝсами. *...И от задних [колѝс] таки две грядки, и вот на этих двух грядках и тилига.* 2009, д. Исаково **Тихв.**

Грѝзѝнка, *сущ., ж.* 1. Зернышки, косточки у льна. *Фсе костиченки вычасывали, штоп не было никакой грѝзинки.* 1994, д. Алексино **Волхов.**

2. Частица грязи, мусора. *Шоб не было никакой грѝзинки!* 1994, д. Алексино **Волхов.** || Частица земли. 1994, д. Будаевщина **Волхов.**

Грязь, *сущ., ж.* Мусор. *Грязи пограбаю.* 1995, д. Заборье **Боксит.**

Губат, *прил.* [Знач.?] *Криночки губаты.* 1994, д. Великое Село **Волхов.**

Губнѝк, *сущ., м.* Пирог с грибами. *Столько грибов понавѝлазит, чего только с них не сделаешь: и насолишь, и губников напечѝшь.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Гѝбы, *сущ., множ.* Трубчатые грибы. *Насобирали корзину губ.* 1996, д. Харитоновщина **Тихв.**

Гувнѝ, *сущ., ср.* Помещение для хранения зерна. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Гудѝвишна, *сущ., ж.* Место на болоте [какое?]. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Гуж, *сущ., м.* Кожаный ремень для крепления хомута к оглобле. *Гуш подтяни!* 1996, пос. Шугозеро **Тихв.**

Гўзно, *сущ., ср.* Нижняя горизонтальная доска в прялке для сидения. 1994, д. Залужье, д. Тихомировщина **Волхов.**; 1995, д. Заборье **Боксит.**

Гулёна, *сущ., ж.* Картофель. 1997, д. Черное **Волосовск.**

Гулік, *сущ., м.* Метла. Гулики мы делали сами. *Веток наломаешь, вот и гулик.* 1996, д. Дуброво **Тихв.**

Гўльки, *сущ., множ.* Праздник, гулянье. 1995, д. Машнево **Боксит.**

Гулянки, *сущ., множ.* Вечеринка для молодежи с песнями и плясками. *Свободно время на гулянки.* 1995, д. Утишье **Боксит.**

Гулянье, *сущ., ср.* Собрание молодежи. 1994, д. Алексино, д. Гагарино **Волхов.** *Там гулянья собирались.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Гумённый, *прил.* ♦ **Гумённая корзина.** Большая корзина для ягод. 1994, д. Алексино **Волхов.** *Гумённа называцца.* 1995, д. Гагрино **Боксит.**; 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Гумно́, *сущ., ср.* 1. Место для молотыбы зерна, льна. *Молотят, молотят на гумне цепám-то.* 1994, д. Алексино **Волхов.**; д. Блитово, д. Будаевщина, д. Великое Село, д. Ежева, д. Коскеницы, д. Подолково, д. Посадница, д. Реброво **Волхов.** *Пол хороший на гумни.* д. Тихомировщина **Волхов.**; д. Хамонтово, д. Юрцево **Волхов.** 1995, д. Заборье, д. Машнево, д. Сухая Нива **Боксит.** 1996, д. Горка, д. Никульское **Боксит.**; пос. Шугозеро **Тихв.**; д. Ярославичи **Подпорожск.**

2. Помещение для хранения зерна. *Гумно было опчоё.* 1994, д. Тихомировщина **Волхов.**; д. Алексино **Волхов.**; *От гумна дымок подымаецца.* 1995, д. Большой Двор **Боксит.**; д. Абрамова Горка, д. Заборье **Боксит.**

Гунда́вить, *глагол., несов., неперех.* Говорить в нос. *Вот, догулял, теперь гундавишь.* 1997, д. Спирово **Боксит.**

Гўня, *сущ., ж.* Одежда, фуфайка. *Одеть гуню.* 1997, д. Черное **Волосовск.**

Гусёк, *сущ., м.* Гусь. *Летят гуськи, дубовы носки, и кричат то-то-мы, то-то-мы.* 1994, д. Алексино **Волхов.**

Гўста, *сущ., ж.* Суп из ячменя. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Гўща, *сущ., ж.* Каша из ячменя. *Ф ступах толкли зерно и делали гущу.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**; д. Заголодно **Боксит.**; 2009, д. Ваньково **Тихв.** || Кушанье из перловки и гороха на постном масле. 1995, д. Климово **Боксит.**

Гўщица, *сущ., ж.* Ячмень. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Гыркнуть [Удар.?], *сущ., сов., неперех.* Зарычать. *Собака гыркнула.* 1996, д. Харитоновщина **Тихв.**

Д

Дáвень, нареч. Недавно, нынче. *А давень сорока стрекоча, стрекоча, значит, какие-то гости будут.* 1994, д. Гагарино **Волхов.**; [Год?], пос. Ефимовский **Боксит.**

Дáвеча, нареч. Недавно, того же дня. *Давича сматрю – паряхот идет.* 1993, пос. Свирьстрой **Лодейноп.** 1994, д. Реброво, д. Юрцево **Волхов.** 1995, пос. Ефимовский **Боксит.** 1996, д. Островок **Тихв.** || *Вчера. Давеча мы заходили к вам...* 1996, д. Харитоновщина **Тихв.**

Давнёшний, прил. Старый, давний, старинный. *Давнёшня икона.* 1994, д. Гагарино **Волхов.** *Гора богоявленная давнёшняя.* 1994, д. Посадница **Волхов.**; д. Хамонтово **Волхов.**; 1995, пос. Ефимовский, пос. Заборье Боксит.; *Эта песня-то давнёшняя.* д. Нос **Боксит.**

Давным [Удар.?], нареч. Давно. *Давным было дело.* 1996, д. Харитоновщина **Боксит.**

Дак. 1. Нареч. Теперь. *Ну што-ш сделаиш, уш фсё прожыто – дак прежнего не воротиш.* 1994, д. Алексино **Волхов.**

2. Соотносит. слово во временных предложениях. *Я пришла оттуда дак сразу и брякнулась.* 1994, д. Гагарино **Волхов.**

3. Усилит. частица. 1993, д. Дивенская **Лужск.**; 1994, д. Блитово, д. Немятово **Волхов.**; *Дак у сына нету мотоцикла.* 1995, д. Заборье **Боксит.**

4. Частица. *Ведь. Крышу крыть надо, бежит дак.* 1996, пос. Пашозеро **Тихв.**

Далекóнько, нареч. Далеко. 1995, д. Заголодно, д. Косые Харчевни **Боксит.**

Дарóк, сущ., м. Подарки родственникам жениха. *Шьют, припасают дарок.* 1995, д. Утишье **Боксит.** || Подарки, которые дают сваты невесте. *Высватают, дак дарок надо дать.* 1995, д. Фалилеево **Боксит.**

Даромы́х, нареч. Даром. 1994, д. Залужье **Волхов.**

Дáчка, сущ., ж. Летняя комната, пристроенная к дому. 1994, д. Реброво **Волхов.**

Двэ́речка, сущ., ж. Дверца, маленькая дверь. 1995, д. Нос **Боксит.**

Дверíнка, сущ., ж. 1. Маленькая дверь в подпол, в подвал. 1994, д. Алексино, д. Великое Село, д. Глядково, д. Хамонтово, д. Яхновщина **Волхов.** *Это дверинка в подвал.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

2. Дверца в заборе. 1994, д. Посадница **Волхов.**

3. Дверца в печи. 1994, д. Креницы, д. Хамонтово **Волхов.** || Место в круглой печи, куда закладывают дрова. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Двóенки, суц., множ. Двойняшки. *Двои – двоенки, трои – троиньки, семь на аднаму* (о детях). 1994, д. Глядково **Волхов**. *У ёй было Лёня – старший сын, а потом двоенки*. 1994, д. Усадище **Волхов**.

Двóйчатый, прил. Двойной. *Достанецца двум двойчатым Иванам*. 1994, д. Иссад **Волхов**.

Двор, суц., м. 1. Место, помещение для скота [Какое?]. *Тожо где корову держали*. 1994, д. Алексино **Волхов**; д. Глядково, д. Коскеницы, д. Креницы, д. Немятово, д. Поляна, д. Посадница, д. Реброво, д. Хамонтово, д. Черницкое, д. Юрцево, д. Юшково **Волхов**; 1995, д. Анисимово, пос. Ефимовский, пос. Заборье **Боксит**.

2. Пристройка для скота. 1994, д. Иссад **Волхов**. *Двор пристройка такая*. д. Тихомировщина **Волхов**. || Холодное помещение для скота. 1994, д. Реброво **Волхов**; 1995, д. Заборье, д. Машнёво **Боксит**. || Хлев, деревянный, который пристраивали к дому с тыльной стороны. 1995, д. Анисимово, д. Большой Двор, д. Заборье, д. Нос **Боксит**.

3. Место около дома, где расположены хлева. 1995, пос. Заборье **Боксит**. || Место между домом и хлевом. 1995, д. Елзово **Боксит**. || Место перед домом. 1995, д. Нос **Боксит**. || Место для выгона скота. *Сначала туда скотину выгоняли, а стоят они в хлеве*. 1995, д. Большой Двор **Боксит**.

4. **Дворы**, множ. Внутренняя мережа. 1994, д. Креницы **Волхов**.

Двóрик, суц., м. 1. Место у дома, где держат скот. 1994, д. Креницы **Волхов**.

2. Загон для леса при сплаве. 1994, д. Посадница, д. Сырицкая **Волхов**.

Дво́йкий, прил. Двойной. 1995, д. Заголодно **Боксит**.

Двукóлка, суц., ж. Телега на четырех колесах. *Двуколки это четыре колеса*. 1994, д. Алексино **Волхов**; д. Посадница, д. Реброво **Волхов**.

Двукóлый, прил. В сочетании ◊ **Двуколая телега**. Телега на четырех колесах. 1994, д. Алексино **Волхов**.

Двурóдный, прил. Двоюродный. *Двуродный брат*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Двурóчка, суц., ж. Двуручная пила. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Двурóчье, суц., ср. Название местности. *Там всё скатаем. До двуручья, там таки ручьи, двуручьи называется. До него догоним – нас опить домой*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Двухколéшный, прил. В сочетании ◊ **Двухколешная корзина**. Корзина из щепы. 1994, д. Немятово-2 **Волхов**.

Девáха, суц., ж. Девушка. *Деваху тожо везли*. 1995, д. Фалилеево **Боксит**.

Девíчник и **девíшник**, суц., м. Собрание девушек в доме невесты накануне свадьбы. 1995, д. Заборье, д. Косые Харчевни **Боксит**.

- Девяті́на**, *сущ., ж.* 1. Мера земли. 1995, д. Заголодно **Боксит**.
2. **Девяті́на** и **Девяті́ны**. Девятый день со дня смерти человека. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Девя́тка**, *сущ., ж.* Размер косы. 1994, д. Гагарино **Волхов**.
- Девяси́л**, *сущ., м.* Лекарственное растение с желтыми цветками и широкими листьями. 1994, д. Алексино, д. Иссад **Волхов.**; 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Девятиси́л**, *сущ., м.* То же, что **Девясил**; лекарственное растение. 1995, д. Заборье, д. Нос **Боксит**.
- Де́дко**, *сущ., ср.* Дед. 1994, д. Глядково **Волхов.**; *Ты дедка не помниш, он тебе полусапошки шшыл с пугофкам.* д. Посадница **Волхов.**; д. Тихомировщина **Волхов**. 1995, д. Анисимово **Боксит**. *Детко, у тебя чёсноку нету?* 1995, д. Заборье **Боксит.**; д. Заголодно **Боксит**.
- Де́дков**, *прил.* Принадлежащий деду. 1995, д. Заборье **Боксит**.
- Де́до**, *сущ., ср.* Дедушка, старик. 1994, д. Великое Село, д. Тихомировщина **Волхов.**; 1995, д. Большой Двор **Боксит.**; *Дедо на лошади приедит.* д. Великое Село **Боксит.**; д. Заголодно **Боксит**.
- Де́душко**, *сущ., ср.* Дедушка, старый человек. 1994, д. Алексино **Волхов.**; 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Де́душковый**, *прил.* принадлежащий деду, дедушкин. *3 дедушковых рубах.* 1995, д. Анисимово **Боксит**.
- Де́жа**, *сущ., ж.* 1. Квашня. ... *дежа стояла на лавке.* 1996, **Тихв**.
2. Стол. *Калитки пекли с картошкой из чёрного теста, из ржаного. Раскатаю на деже – на столе таком, загну уголки...* 2009, д. Коськово **Тихв**.
- Дека́дник**, *сущ., м.* Срок работы в лесу в 15 дней. 1995, пос. Заборье **Боксит**.
- Дель**, *сущ., м.* Готовое сетчатое полотнище для изготовления сетей, невода, мережи. 1994, д. Иссад **Волхов**.
- Дельни́ца**, *сущ., ж.* Рукавица. 1993, д. Юксовичи **Подпорожск.**; *Варешки называли дельницы.* 1994, д. Реброво **Волхов**.
- Дельни́чка**, *сущ., ж.* Рукавичка. *Одень дельнички на ручку.* 1993, Лодейноп.; пос. Шугозеро **Тихв.**; 1994 д. Гагарино **Волхов**.
- Деля́нка**, *сущ., ж.* 1. Место, где вырубил лес. 1995, д. Анисимово **Боксит.**; *Делянка – это вырупка, захламленная место, захламлённость такая.* пос. Ефимовский **Боксит.**; пос. Заборье, д. Ростань д. Струги **Боксит**.
2. Посадка нового леса на месте спиленного. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Дени́ца**, *сущ., ж.* Варежка. *Надень деницы!* 1996, д. Абрамово **Тихв.**; д. Дуброво **Тихв**.

Дёнки, *сущ., множ.* Варежки. *В печурку денки положила.* 1996, д. Шуйга **Тихв.**

Дергун, *сущ., м.* Птица дергач. 1996, д. Абрамова Гора **Тихв.**

Деревина, *сущ., ж.* 1. Большое дерево. 1995, пос. Ефимовский, д. Заборье **Боксит.**; Деревину срубили. д. Фалилеево **Боксит.**; д. Чудская **Боксит.**

2. Палка в стоге сена. 1995, д. Ростань **Боксит.**

Деревнюшечка, *сущ., ж.* Маленькая деревня. *Раньше ф каждой деревнюшечки была часовенка.* 1994, д. Залужье **Волхов.**

Деревнюшка, *сущ., ж.* Небольшая деревня. 1994, д. Алексино, д. Тихомировщина **Волхов.**; *Футор – не футор, деревнюшка.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**; д. Климово, д. Утишьё **Боксит.**

Дерезняк, *сущ., м.* Заросли леса. *Попал в дерезняк.* 1996, д. Никульское **Боксит.**

Дёрень, *сущ., м.* 1. Дёрн, трава. 1994, д. Алексино, д. Будаевщина **Волхов.**

2. Перевернутая при пахоте земля? *Весной снова пашем, а дерень – это как вспашешь, сверху и есть.* 2009, д. Исаково **Тихв.**

Держатель, *сущ., м.* Ручка. 1994, д. Креницы **Волхов.**

Держивать, *глагол., несов., перех.* Держать. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Держимый, *прил.* Будничный, повседневный, рабочий. *Он был одет в держимую одежду.* 1996, **Тихв.**

Дерлянка, *сущ., ж.* Небольшой невод с горловиной. 1994, д. Сырицкая **Волхов.**

Дерюжка, *сущ., ж.* Одежда из грубого материала. 1995, д. Большой Двор **Боксит.**

Десная, *прил. в знач. сущ.* Правая рука. *Жена была десною мужа.* 1996, **Тихв.**

Десница, *сущ., ж.* То же, что **Десная**. *Возьми ложку в десницу.* 1996, д. Пятха **Боксит.**

Детинец, *сущ., м.* Внутренняя часть дома. *Заходи в детинец.* 1996, д. Пятха **Боксит.**

Дётушки, *сущ., множ.* Дети. *Вырости детушок.* 1995, пос. Заборье **Боксит.**

Дёяться, *глагол., несов., неперех.* Происходить. *Што тут дёется?* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**

Дёргать, *глагол., несов., перех.* Собирать, обрабатывать (о льне). *Дёргать лён.* 1994, д. Гагарино **Волхов.**; д. Алексино, д. Яхново **Волхов.**

Дёжа, *сущ., ж.* Посуда, в которой затворяют тесто для хлеба. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Дёрнуть, глаг., сов., перех. Запеть. *Бывало как дёрну песню.* 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Дивья́, нареч./СКС. Хорошо. д. Юксовичи **Подпорожск.**; 1994, д. Великое Село, д. Залужье, д. Хамонтово **Волхов**. 1995, д. Анисимово, пос. Ефимовский, д. Косые Харчевни, д. Нос, д. Струги **Боксит**. ◇ В пожелании: **Дивья вам!** 1996, пос. Шугозеро **Тихв**.

Дикуя́сить, глаг., несов., неперех. Хулиганить, безобразничать. 1995, пос. Заборье **Боксит.**; *Ребята, хватит дикуясить.* 1996, д. Кузьминка **Тихв**.

Дия́нка, суц., ж. Варезка, рукавица. 1995, д. Семеново **Боксит**.

Днесь, нареч. Нынче, сегодня. *Днесь тепло.* 1996, пос. Шугозеро **Тихв**.

Дóбре, нареч. Хорошо. *Добре работу сделали.* 1996, пос. Ефимовский **Боксит**.

Добро́, суц., ср. Продукты (масло, маргарин, сахар, дрожжи). 1995, д. Сухая Нива **Боксит**.

Добы́ть, глаг., сов., перех. Достать что-либо откуда-либо. *Добынь с печки.* 1994, д. Юшково **Волхов**.

Добы́ться [нач.ф.?], глаг., сов., неперех. Прийти. *Добыться к нам пасидеть.* 1996, д. Пашозеро **Тихв**.

Дождвага́рить, глаг., сов., перех. Побить, высечь кого-либо. 1994, д. Залужье **Волхов**.

Дожди́ть, глаг., несов., неперех. Безл. Идти (о дожде). 1995, д. Заборье **Боксит**.

Дожди́ать, глаг., несов., перех. Ждать кого-либо. *Дождидай нас.* 1996, пос. Пашозеро **Тихв**.

Дожджи́ны, суц., множ. Дождь. *Дожджыны пошли.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Дои́ть, глаг., несов., неперех. В сочетании ◇ **Не доит** (о корове). Не доится. *Корова не доит когда.* 1994, д. Иссад **Волхов**. *Не фсе коровы доили, которы были взапуске.* 1994, д. Подолково **Волхов**.

Доити́, глаг., сов., неперех. Созреть. *Сами дойдут.* 1995, д. Климово **Боксит**.

Докана́ть, глаг., сов., перех. Сломать, испортить. *Савсем чашку даканали.* 1996, д. Пашозеро **Тихв**.

Долбе́нка, суц., ж. Челн, долблёная лодка. *Поехали удить рыбу на долбе́нке.* 1996, пос. Пашозеро **Тихв**.

Долбинёц, суц., м. Приспособление для выдалбливания отверстий. 1994, д. Подолково **Волхов**.

Долбня́, суц., ж. Колотушка. *У нас и долбня есть, это очень нужная вещь в хозяйстве.* 1996, д. Кайвакса **Тихв**.

Дóлгий, прил. Большой. *Долгое болото*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
|| **Длинный** (об одежде). 1995, пос. Заборье **Боксит**. *Долгая одежда*. д. Сухая
Нива **Боксит**.

Долгóнько, нареч. Долго. *Долгонько вы тут будите*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.; д. Струги **Боксит**.

Долгúнный, прил. Длинный. *Такая долгунна моркофка*. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Долгúша, суц., ж. Высокий человек. *У, она какая долгуша*. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Доли́на, суц., ж. Длина. *Вот такой долины*. 1995, д. Климово **Боксит**.

Долово́й, прил., относит. В сочетании ◊ **Доловая занавеска**. Занавеска, идущая вдоль окна. 1995, д. Струги **Боксит**.

Доло́нь, суц., ж. Ладонь. *Долони от работы огрубевши были*. 1996, пос. Ефимовск. **Боксит**.

Дома́ха, суц., м. Человек, который любит находиться дома, домосед. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Дом, суц. В сочетании ◊ **Дом об дом**. О расположенных кучно, близко друг к другу домах в деревне. *У нас деревня дом об дом была*. 1996, д. Овино **Тихв**.

Домашность, суц., ж. В сочетании ◊ **По домашности**. По дому, по хозяйству. *Иди, займись по домашности*. 1997, д. Спирово **Боксит**.; д. Чудская **Боксит**.

Домичóк, суц., м. Домик. *Сичас он малинький домичок здиан*. 1994, д. Усадище **Волхов**.

Домови́ще, суц., ср. Гроб. *Дед-то мой уже домовище срубил себе, помирать собрался*. 1996, д. Михалево **Боксит**.

Домово́й, прил., относит. В сочетании ◊ **Дядька домовой**. Домовой, нечистая сила. *Не ходи туда, там дядька домовой*. 1994, д. Залужье **Волхов**.

Домо́вый, прил., относит. Находящийся в доме, относящийся к дому. *Наша домовая кухня нагрелась*. 1996, д. Пяхта **Тихв**.

Домодéльный, прил., относит. Самодельный. 1995, д. Анисимово, д. Большой Двор **Боксит**.

Домя́га, суц., м. Большой дом. *Домяга-то какой длинной*. 1994, д. Алексино **Волхов**.; д. Залужье, д. Хамонтово **Волхов**.; *Оба сына в городе, я одна, а домяга-то большой*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

До́нце, суц., ср. Доска у прялки, на которой сидит пряжа. *Сядьте вона на донце*. 1996, пос. Ефимовский **Боксит**.

Дополéчу, нареч. До упаду. *Молодые были, плясали дополéчу*. 1996, пос. Ефимовский **Боксит**.

Допозда́, нареч. Допоздна. *Допозда работали.* 1995, д. Климово **Боксит**.
Допрахá, нареч. Очень много. 1995, пос. Заборье **Боксит**.
Дорога́нский, прил. Высокий (о цене). *Цены дороганские.* 1994, д. Глядково **Волхов**.

Доро́жа, сущ., ж. Дорога. *Дорожа-то опять вся в грязи, ездят здесь, ездят.* 1996, д. Лазаревичи **Тихв**.

Дорожи́на, сущ., ж. Нечто дорогое по стоимости. 1995, д. Фомкино **Боксит**.

1. **Доро́жка**, сущ., ж. Приспособление для ловли рыбы: блесна, привязанная к удилищу. 1995, д. Анисимово **Боксит**.; 2009, д. Ваньково **Тихв**.

2. **Доро́жка**, сущ., ж. Половик. 1994, д. Глядково, д. Подолково, д. Хамонтово **Волхов**.; 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Досади́ть, глаг., сов., перех. В безл. употр. Задеть, обидеть кого-либо [?]. *Ребёнка не досадило.* 1994, д. Хамонтово **Волхов**.

Досе́лева, нареч. До сих пор. 1996, д. Абрамово **Тихв**. *Доселева што не пришили.* пос. Пашозеро **Тихв**.

Досе́льнее, в знач. сущ. Прошлое. *Нечева досельнее жылеть.* 1996, пос. Пашозеро **Тихв**.

Доспе́ться, глаг., сов., неперех. Случиться, произойти. 1995, д. Струги **Боксит**.

Доспра́шивать, глаг., несов., перех. Допрашивать. 1995, д. Климово **Боксит**.

Доспрóс, сущ., м. Допрос. 1995, д. Фомкино **Боксит**.

Досталя́ть, глаг., несов., перех. Доставать что-л. откуда-л. *Я посуду щас досталяю, досталяю.* 1994, д. Гагарино **Волхов**.

До́сточка, сущ., ж. Доска. *Нады бы к забору досточку прибить.* 1996, пос. Ефимовский **Боксит**.

До́сыти, нареч. Досыта, вдоволь. *Пейте досыти, на здоровьё.* 1994, д. Гагарино **Волхов**.; д. Глядково, д. Хамонтово **Волхов**.

Досю́лишний, прил., относит. Давнишний, старый. *Свежего хлеба нет, остался лишь досюлишний.* 1993, д. Юксовичи **Подпорожск**.

До́сюль-досе́лева, нареч. Давным давно. – *Смотрели эот фильм? – Досюль-доселева.* 1993, д. Юксовичи **Подпорожск**.

До́хорь, сущ., м. Животное с резким запахом, которое забиралось к курам; от неё/него куры дохли (хорёк? Ср. древнерусск. *дъхорь*). 1994, д. Блиново **Волхов**.

До́хтур, сущ., м. Доктор. *В деревне у нас женищина дохтуром была.* 1996, д. Абрамова Горка **Тихв**.

До́шник, *сущ., м.* Большая деревянная кадка для приготовления пива объемом в 30 ведер. 1995, д. Бочатино, д. Елзово, д. Заборье, д. Струги, д. Фалилеево **Боксит**. || Большая кадка объемом более 40 ведер. 1995, д. Анисимово **Боксит**. *Мякину парили в дошнике.* д. Большой Двор **Боксит**.

Дощё́ный, *прил., относит.* Дощатый. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Драксун [удар.?], *сущ., м.* Драчун. 1995, д. Заборье, д. Струги **Боксит**.

Дра́нина, *сущ., ж.* Жареный размолотый и высушенный овес. 1995, д. Струги, д. Фалилеево **Боксит**.

Дра́нка, *сущ., ж.* 1. Лыко, кусок коры дерева. 1994, д. Подолково **Волхов.**; 1995, д. Струги, д. Сухая Нива **Боксит**. || Кора сосны. 1994, д. Реброво **Волхов**.

2. Щепка, специально изготовленная для покрытия крыши, чаще всего из коры деревьев хвойных пород. 1994, д. Будаевщина, д. Глядково, д. Хамонтово, д. Яхновщина **Волхов.**; 1995, д. Анисимово, д. Заборье **Боксит.**; *Дранку делали на крышу.* д. Калинецкое **Боксит.**; 1996, пос. Шугозеро **Тихв.** || Лучина. 1995, д. Струги **Боксит**.

Дра́нина, *сущ., ж.* Пареный овес, перемолотый на жернове. 1995, д. Елзово, д. Струги **Боксит.**; 1996, пос. Пашозеро **Тихв.**

Дра́ни́ча, *сущ., ж.* Крупа. *Драничу делали из этого жита, раз пропускают и она как перловка.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Дра́нщик, *сущ., м.* Человек, который дерет кору с деревьев. 1994, д. Глядково **Волхов**.

Дра́нь, *сущ., ж.* То же, что **Дранка** во 2-м знач. *Сперва дранью крыли крыши.* 1994, д. Усадище **Волхов**.

Дра́ни́ченка, *сущ., ж.* Дощечка для покрытия крыши. *Драниченками крыли.* 1994, д. Усадище **Волхов**.

Дра́пать, *глагол., несов., неперех.* Убегать. *Гляди, опять от матери драпает. Сашка, что снова сделал? Отвечай!* 1996, д. Владычино **Тихв.**

Дра́ть, *глагол., несов., перех.* 1. Обдирать кору с деревьев. *Драть дранку.* 1994, д. Реброво **Волхов.**; д. Хамонтово **Волхов**. 1995, д. Большой Двор **Боксит**. *Ходила в лес корьё драть.* д. Фалилеево **Боксит**. || *Щепать лучину. Лучину дерём.* 1995, д. Гагрино **Боксит.**; пос. Ефимовский **Боксит**.

2. Пахать целину. *Цэлину драли.* 1995, д. Климово **Боксит**.

Дра́чина, *сущ., ж.* 1. Жернов. 1995, д. Бочатино **Боксит**.

2. Молотая рожь, нечто из молотой ржи [?] *Жёрновом рош да и смелют, драчину зделают.* 1995, д. Бочатино **Боксит**.

Драчо́нка, *сущ., ж.* Запеканка из муки и яиц. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Драчо́ный, *прил.* Приготовленный из манной крупы. *Драчонные лепешки.* 1994, д. Реброво **Волхов**.

Дребистый [Удар.?], прил. Вязкий, болотистый (о месте). 1995, д. Анисимово, д. Большой Двор **Боксит**.

Дресва́, сущ., ж. Рассыпчатый камень [Какой?]. 1995, д. Заборье **Боксит**. || Крупный песок. *Насыпь-ко дресвы в ящик*. 1996, д. Семеново **Боксит**.

Дресвя́ный, прил. Крупнопесчаный камень. *Дресвяной камень засыпают между шпалами*. 1996, **Тихв**.

Дроби́на, сущ., ж. Гуща, осадок после слива пива, кваса, сусла. 1996, **Тихв**.

Дроби́ть, глаг., несов., неперех. Отбивать ногами дробь во время танца. *Ребята дробят*. 1994, д. Иссад **Волхов**.

Дрове́нник и **Дровя́н(н)и́к**, сущ., м. Сарай для хранения дров. 1994, д. Алексино, д. Иссад, д. Реброво **Волхов**.; 1995, д. Большой Двор, д. Великое Село, пос. Ефимовский, пос. Заборье, д. Нос **Боксит**.; *Сходи в дровенник*. 1997, д. Чудская **Боксит**.; 2009, д. Коськово **Тихв**.

Дрoвешки, сущ., множ. Детские санки. 1995, д. Струги **Боксит**. *Дровешки нам делал дед, мы на них катались по три зимы*. 1996, д. Дуброво **Тихв**.; 2009, д. Коськово, д. Харитоновщина **Тихв**.

Дрoвни, сущ., множ. Сани для перевозки дров. 1995, д. Струги **Боксит**.; *Зимой дрова из лесу на дровнях возили*. 1996, д. Абрамова Гора **Тихв**.; д. Борисово, д. Горка, д. Шугозеро **Тихв**.

Дровосе́ка, сущ., ж. Чурбан, кусок бревна, на котором колют дрова. *Дровосека стояла недалеко от крыльца*. 1996, **Тихв**.

Дровя́ничо́к, сущ., м. Место для хранения дров. 1994, д. Реброво **Волхов**.

Дрожжецы́, сущ., множ. Дрожжи. 1995, д. Нос **Боксит**.

Дрoлечка, сущ., м. Жених, ухажер. 1995., д. Анисимово, д. Заголодно, пос. Ефимовский, д. Струги **Боксит**.

Дрoля, сущ., м. То же, что **Дрoлечка**. 1995, д. Анисимово **Боксит**. *Платочек синие каемочки/ На горочке нашла/ Говорят, что из-за дрoлечки/ Гулять сюда пришла*. пос. Ефимовский **Боксит**.; *Как по нашему по садику летает белый пух/ Хуже нет тово на свете / Када дрoля любит двух*. д. Струги **Боксит**.; 1996, д. Борисово **Боксит**.; д. Шомушки **Тихв**.

Дрoчeнка, сущ., ж. Запеканка из яиц. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Другодeнный, прил. в знач. сущ. Завтра, следующий день. *Вот она эту свиклу намoет, нарубит мелко-мелко с вечера и оставит на другодeнную, а на утро из неё дальше делает*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Другoя́к, нареч. По-другому. 1994, д. Великое Село, д. Посадница, д. Хамонтово **Волхов**. *Дед думает об этом другoяк*. 1996, д. Харитоновщина **Тихв**.

Другoя́кий и **Другoя́кой**, прил. Другой. **Другoя́кой**. 1994, д. Великое Село, д. Реброво **Волхов**. **Другoя́кий**. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Дру́жка, суц., м. 1. В свадебном обряде: тот, кто держал венец во время венчания. 1994, д. Залужье **Волхов**.

2. В свадебном обряде – одно из лиц со стороны жениха. 1994, д. Алексино, д. Залужье **Волхов**.

Дры́хнуть, глаг., несов., неперех. Спать. *В сенокосную пору дрыхнуть некогда, вставать надо рано.* 1996, д. Мехбаза **Тихв**.

Дрябь, суц., ж. и м. Грязь. *Дрябь была.* 1995, д. Заборье **Боксит**. *Дрябь был везде.* 1995, д. Заборье **Боксит**.

Дуба́сить, глаг., несов., перех. Бить кого-либо. 1994, д. Коскеницы **Волхов**.

Дуби́на, суц., ж. Палка для опоры при ходьбе. *Дак вот ноженьки теперь не ходя (sic!), с дубиной и хожу.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Дуби́ть, глаг., несов., перех. Обрабатывать кожу путем выдерживания в растворе толченой ивовой коры. 1995, д. Нос **Боксит**.

Дубни́к, суц., собир. Опавшие листья, ветки с дуба. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Дубо́м, нареч. Прямо, вертикально. *Дубом снопы ставили.* 1995, д. Анисимово Боксит.; д. Косые Харчевни **Боксит**.

Дуди́нка, суц., ж. Горшок для взбивания масла. 1994, д. Яхновщина **Волхов**.

Дудка, суц., ж. Трава [Какая?]. *Дуткам питались.* 1994, д. Будаевщина **Волхов**.; 1995, д. Сухая Нива **Боксит**. *Дудки варили, вот на канавах, толстые и сладкие, трава такая, все эти дудки собирали и ели.* 2009, д. Коськово **Тихв**. || Ядовитая трава [Какая?]. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Дуна́й, суц., м. Дальний лес. 1994, д. Алексино, д. Иссад **Волхов**.

Дупе́лко, суц., ср. Дупло. *В молодости дикий мёд в дупёлках собирали.* 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Дупля́нка, суц., ж. Шуба из овечьей шкуры. 1995, д. Никола **Боксит**.

Дурно́й, прил. В сочетании ◊ **Дурной гриб**. Несъедобный гриб. *Вот только, девочки, осторожне, есть же и дурные грибы, с виду посмотришь – хороший, а на самом деле дурной он, нельзя его есть.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Духмя́нка, суц., ж. Дикая мята. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Духово́й, прил. В сочетании ◊ **Духово́й утёг**. [Знач.? Работающий на пару?] 1994, д. Креницы **Волхов**.; 1995, пос. Ефимовский, д. Фалилеево **Боксит**.

Душе́нька, суц., ж. Кофта. *Душеньку всё никак довязать не могу, всё дела.* 1996, д. Яковлево **Боксит**.

Душнѣик, *сущ., м.* Отверстие над устьем русской печи, куда ставили подогреться самовар. 1994, д. Алексино, д. Глядково, д. Ежева, д. Иссад, д. Посадница, д. Сырицкая **Волхов.**; 1995 д. Анисимово, пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Косые Харчевни, д. Михалево, д. Семеново, д. Струги **Боксит.**

Душѣок, *сущ., м.* Растение мята. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит.**

Дѣянки, *сущ., множ.* Рукавицы. 1995, д. Заборье, д. Михалево **Боксит.**

Дымарь, *сущ., м.* Приспособление для окуривания пчел. *Дымарь фычит.* 1994, д. Иссад **Волхов.**

Дѣмник, *сущ., м.* Дымоход: отверстие в потолке или в стене черной избы. 1996, **Тихв.**

Дѣмный, *прил.* Об окне: предназначенный для выхода дыма в черной избе. *В дымное окно ничего не видать.* 1996, **Тихв.**

Дырѣнка, *сущ., ж.* Дыра. 1994, д. Посадница **Волхов.**

Дѣрошница, *сущ., ж.* Деталь ткацкого станка. 1994, д. Посадница **Волхов.**

Дышѣть, *глагол., несов., неперех.* В сочетании \diamond **Лѣд дышит.** Движение льда при приливе или отливе воды. 1994, д. Алексино **Волхов.**

Дѣуже, *нареч.* Очень. *Не дѣуже штобы.* 1995, д. Заголодно, д. Струги **Боксит.**

Дѣужий, *прил., обычн. в кратк. ф.* Здоровый, крепкий. *Пока дѣужа была, дояркой работала.* 1994, д. Реброво **Волхов.** *Он севодня не дѣуж.* д. Юшково **Волхов.**; 1995, д. Фомкино **Боксит.**; 1996, д. Никульское **Боксит.**; 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Дѣужить, *глагол., несов., неперех.* (?) Быть в состоянии делать что-либо. 1995, д. Фомкино **Боксит.**

Дѣгла, *сущ., ж.* Трясина. *Однажды провалился на болоте в дѣглу, чудом выбрался.* 1996, д. Сухая Нива **Боксит.**

Дѣгнуть, *глагол., несов., перех.* Быть в состоянии делать что-либо. *Старик мой совсем не дѣгнет.* 1996, д. Борисово **Боксит.**

Дѣнечки, *сущ., обычно множ.* Варезки. *Надеть к зиме из этой пряжи дѣнечки связать.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**

Дѣнки, *сущ., обычно множ.* Варезки. *Связала дѣнки себе.* 1995, д. Анисимово **Боксит.**; д. Великое Село, пос. Ефимовское, д. Заборье, д. Заголодно, д. Калинецкое, д. Косые Харчевни, д. Машнево, д. Нос, д. Семеново, д. Утишье, д. Чудская **Боксит.**; 1996, **Тихв.**

Е

Евѣоный, **евѣоний**, **евѣоной**, *притяж. мест.* Его. **Евѣоный.** *У церкви дом евоный.* 1994, д. Немятово **Волхов.**; 1995, пос. Заборье **Боксит.** **Евѣоной.** 1994, д. Юшково **Волхов.**; 1995, д. Машнево **Боксит.**; **Евѣоний.** *Это евоний*

паспорт, а это мой. 1996, д. Шуйга **Тихв.** **Евона:** 1994, д. Бабино **Волхов.;** *Евона собака.* 1995, д. Заборье **Боксит.,** д. Бочатино **Боксит.;** *евоны дети.* 1995, д. Заборье **Боксит.**

Егóрий, *сущ., м.* Церковный праздник, когда первый раз выгоняют коров (6 мая). 1994, д. Алексино **Волхов.;** 1995, д. Заборье **Боксит.**

Ёжели, *союз.* Если. 1995, д. Машнево **Боксит.**

Ёйный, *притяж. мест.* Её. *Ёйна матка в магазине торгует.* 1994, д. Бабино **Волхов.;** д. Немятово, д. Посадница, д. Юшково **Волхов.** 1995, пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Калинецкое, д. Фалилеево, д. Чудская **Боксит.** *Ёйный брат уш женифшы был.* 1995, д. Нос **Боксит.**

Ёлико, *нареч.* Сколько. *Ёлико годочков тебе будет?* 1996, пос. Ефимовский **Боксит.**

Ело́вик, *сущ., м.* Ручное весло. 1994, д. Иссад **Волхов.**

Ело́вица, *сущ., ж.* Желтая волнушка. 1995, д. Никола, д. Семеново **Боксит.** || Желтый груздь. 1995, д. Сухая Нива **Боксит.**

Ельня́к, *сущ., м.* Еловый лес. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Еме́ля, *сущ., ж.* Маленькая печь в избе, труба печи выведена на чердак (на улицу). 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Ен, *личн. мест.* Он. *Ен нам помогал.* 1996, д. Абрамово **Тихв.**

Ендова́, *сущ., ж.* Сосуд для жидкости. *Подай ендову.* 1996, д. Горка **Тихв.**

Ено́жды, *нареч.* Однажды. 1995, д. Михалево **Боксит.**

Епа́нечка, *сущ., ж.* Епанча, накидка. 1996, **Тихв.**

Еру́шник, *сущ., м.* Пирожок с гороховой мукой. 1995, д. Заборье **Боксит.**

Ётакой, *прил.* Такой. *Куриц надо держать в етакой клетушке.* 1994, д. Алексино **Волхов.**

Ё

Ёмка, *сущ., ж.* Ложка. *Бери свою ёмку.* 1996, д. Харитоновщина **Тихв.**

Ёршник, *сущ., м.* Ошейник. 1995, д. Струги **Боксит.**

Ёрыш, *сущ., м.* Лодка – две осины, связанные вместе, с выдолбленными доньями. 1995, д. Чудская **Боксит.**

Ж

Жа́вкать, *глагол., несов., перех.* Есть – употреблять пищу. *Жафкаит – значит ест.* 1994, д. Алексино **Волхов.;** д. Юрцево **Волхов.**

Жадо́бушка, *сущ., общ. р.* Жадина. *Он у нас таким жадобушкой рос, что мочи нет.* 1996, д. Островок **Тихв.**

Жакётка, *сущ., ж.* Женская одежда – кофта. 1994, *Ничаво нет, ни польта, ни жакетки.* 1994, д. Посадница **Волхов.;** 1995, д. Сухая Нива **Боксит.** || Жилет, кофта без рукавов. *Жакетка суконна.* 1994, д. Алексино **Волхов.** || Женская верхняя одежда. 1995, д. Заголодно **Боксит.**

Жа́лилки, *сущ., множ.* Кладбище для некрещенных детей. 1995, д. Заголодно **Боксит**.

Жа́литься, *глагол., несов., неперех.* Жаловаться. *Она фсе жалитца.* 1994, д. Алексино **Волхов.**; д. Усадьбище **Волхов.**; 1995, пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Климово **Боксит.**; 1996, д. Цвылево **Тихв.**

Жа́ло, *сущ., ср.* Конец лезвия косы. 1995, д. Никола **Боксит**.

Жа́льник, *сущ., м.* Кладбище. *Жальник в нашей деревне очень большой, людей много умирало. Здесь и в войну хоронили.* 1996, д. Дуброво **Тихв.**; 2009, д. Коськово **Тихв.**

Жа́льничек, *сущ., м.* Насекомые, которые жалят [?]. 1995, д. Гагрино **Боксит.**; *Жальнички в лесу.* д. Фалилеево **Боксит**.

Жа́мка, *сущ., ж.* Печенье, пряники. *Чай-то пей с жамками.* 1996, д. Пашозеро **Тихв.**

Жара́тник, *сущ., м.* Место в русской печи, куда сгребали угли. 1993, д. Юшковичи **Подпорожск.**

Жара́ток, *сущ., м.* То же, что **Жаратник**. 1994, д. Залужье **Волхов.**

Жарё́ха, *сущ., ж.* Что-либо жареное. 1995, д. Бочатино **Боксит**.

Жаро́вня, *сущ., ж.* 1. Посуда для запекания. *У нас бабушка с утра жаровню поставит в печку, к завтраку хорошая запеканка готова.* 1996, д. Владычино **Тихв.**

2. Место в русской печи, куда ставят горшки [?]. 1994, д. Реброво **Боксит**.

Жатьё́, *сущ., ср.* Жатва. *В жатьё не вылезали с поля, много было жатья.* 1994, д. Алкесино **Волхов.**; д. Блитово, д. Гагрино **Волхов.**

Жела́ненькой, *прил. в знач. сущ.* Самый дорогой, любимый человек. 1995, д. Заборье **Боксит**.

Жела́нный, *прил. в знач. сущ.* То же, что **Желаненькой**. 1995, д. Заголодно **Боксит**.

1. **Желё́за**, *сущ., обычно множ.* Капканы. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

2. **Желё́за**, *сущ., ж.* Железо. *Сундуки были окованы железой.* 1994, д. Алексино **Волхов.**

3. **Железа́**, *сущ., ж.* Опухоль. *Все ноги в железах.* 1996, д. Пяхта **Боксит**.

Желё́зка, *сущ., ж.* 1. Часть косы – клинок. 1994, д. Посадница **Волхов.**

2. Чугун. 1995, д. Росстань **Боксит**.

Же́лоб, *сущ., м.* Деревянная поилка для лошадей. 1994, д. Алексино **Боксит**.

Желту́ха, *сущ., ж.* 1. Цветок, напоминающий одуванчик; цветет с середины до конца лета. 1995, д. Белоглазово **Боксит**.

2. Желтый гриб, поганка. 1995, д. Чудская **Боксит**.
- Желтушка**, суц., ж. Гриб лисичка. ...а вот ещё есть желтушки, муж их вроде лисички называет, они на полянах растут, кучками. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.
- Желтыш**, суц., м. Желток. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Жёнка**, суц., ж. Жена. *Женка ево там работаит*. 1996, д. Пашозеро **Тихв**.
- Жёрбий**, суц., м. [Знач.?] Сенокос давали по жребью. 1994, д. Дяглево **Волхов**.
- Жердина**, суц., ж. Палка. *Это жердины фтаргивались*. 1994, д. Реброво **Волхов**. || Толстая палка. 1994, д. Алексино **Волхов**. || Шест из длинного тонкого ствола дерева. 1995, д. Анисимово, д. Михалево **Боксит**. || Палка, к которой привязывают лошадь на мельнице. 1994, д. Дяглево **Волхов**.
- Жердь**, суц., ж. Приспособление для скрепления снопов, длинный шест. 1994, д. Реброво **Волхов**.
- Жердьё**, суц., собир. Жерди. *Веть надо жердьём прижымать солому*. 1994, д. Усадище **Волхов**.; *Изгороть из жердья*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.
- Жёрлица**, суц., ж. Рыболовная снасть: деревянная рогатка, обмотанная леской. 1995, д. Машнево **Боксит**.
- Жёлоб**, суц., м. Выемка в бревне, из которой поили лошадей. 1994, д. Алексино **Волхов**.
- Живенький**, прил. Живой. *Жывенькая была*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Жівность**, суц., ж., в знач. нареч. В сочетании ◇ **Как в живности**. По-настоящему, как в реальной жизни. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Живот**, суц., м. Имущество. *Он у крестьянина живот накрал*. 1996, **Тихв**.
- Жівчик**, суц., м. Маленький (о животном). 1995, пос. Заборье **Боксит**.
- Жівчиком**, нареч. Быстро. *Приехали мы в сельсовет живчиком*. 1996, д. Сафоново **Боксит**.
- Животка**, суц., ж. Животное. 1995, д. Семеново **Боксит**.
- Жйгавка**, суц., ж. Крапива. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Жйдкий**, прил. Редкий, в малом количестве. *Потберезовики реткие были, таки житки*. 1995, д. Черкасова Горка **Боксит**.
- Жильцица**, суц., ж. Жительница. 1995, д. Бочатино **Боксит**.
- Жим**, суц., м. То, из чего делали растительное масло. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.
- Жимануть**, глаг., сов., перех. Ударить кого-либо. 1995, д. Фомкино **Боксит**.

Ж́имы, сущ., множ. Лён [?]. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Жи́р, сущ., м. Богатство, достаток. *Много там жиру*. 1996, д. Пяхта **Боксит**.

Жи́рлица, сущ., ж. Приспособление для ловли хищной рыбы, то же, что рогатка. 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Жи́ровать, глаг., несов., неперех. Наедаться овсом (о медведе). *Медведь жирует, много овса потопчет*. 1996, д. Сухая Нива **Боксит**.

Жи́сть, сущ., ж. Жизнь. 1995, пос. Заборье **Боксит**.; 1997, д. Волошово **Лужск**.

Жи́тмень, сущ., м. Ячмень. *В магазин привезли житмень*. 1996, д. Пяхта **Боксит**.

Жи́тник, сущ., м. Пирог из ячменной муки. 1995, д. Великое Село, пос. Ефимовский, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Жи́тница, сущ., ж. 1. Помещение для хранения зерна. 1995, пос. Ефимовский, д. Никола, д. Сухая Нива **Боксит**.; *Житница большая была выстроена*. 1996, д. Михалево **Боксит**.

2. Место, куда убирали лен. 1994, д. Коскеницы **Волхов**.

Жи́тня, сущ., ж. Мука из ячменя. 1995, д. Большой Двор **Боксит**.

Жи́то, сущ., ж. Ячмень. 1994, д. Алексино, д. Березье, д. Иссад, д. Коскеницы, д. Посадница, д. Хамонтово **Волхов**.; *Жыто на жыто никогда не сеяли, не родит*. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.; д. Заборье, д. Косые Харчевни, д. Часовня **Боксит**.; 1996, д. Михалево **Тихв**.; 1997, д. Потанино **Волхов**.

Жи́ть, глаг., несов., неперех. 1. Расти. *В огородах жывёт*. 1995, д. Калинецкое **Боксит**.

2. Находиться, пребывать. *В умывальнике вода не жывёт, утекает*. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Ж́мых, сущ., м. Отжимки льна. 1995, д. Ростань **Боксит**.

Жне́йка, сущ., ж. Приспособление для кошения травы. 1996, д. Овино **Тихв**.

Жне́я, сущ., ж. Жница. 1995, пос. Заборье **Боксит**.

Жне́ва, сущ., ж. Поле, засеянное злаками. 1995, д. Климово, д. Чудская **Боксит**.

Жо́гать, глаг., несов., перех. Кусать (о насекомом). 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Жо́гнуть, глаг., сов., перех. Укусить. 1995, д. Анисимово **Боксит**. *Как жогнет, так и крофь на руке*. пос. Ефимовский **Боксит**.; д. Заборье **Боксит**.

Жолоно́, сущ., ср. Больное место на теле человека. 1995, д. Заголодно **Боксит**.

Жо́мы, суц., множ. Тиски. *Жомы плотно сжимали доску.* 1996, *Тихв.*

Жоніть, глаг., сов., перех. Женить. *Пора бы его жонить, но пока не хочет.* 1996, д. Лазаревичи *Тихв.*

Жо́нка, суц., ж. Жена. 1994, д. Посадница *Волхов.*; 1995, д. Заборье *Боксит.*

Жорди́нка, суц., ж. Жердочка, палка. *Жординкой закладу, забороф-то не было.* 1994, д. Тихомировщина *Волхов.*

Жо́рдье, суц., собир. Жерди. *Вот так сделаны жордые.* 1994, д. Алексино *Волхов.*

Жорло́, суц., ср. Воронка. 1995, д. Анисимово *Боксит.*

Жорновицы [Удар.?], суц., обычно множ. Жернова. 1994, д. Алексино *Волхов.*

Жо́хнуть, глаг., сов., перех. Украсть. *Чужого петуха жохнули.* 1996, пос. Шугозеро *Тихв.*

Жре́бчик, суц., м. Годовалый жеребец. 1994, д. Коскеницы *Волхов.*

Жура́в, суц., м. 1. Приспособление для поднятия воды из колодца. 1994, д. Блиново, д. Усадище *Волхов.*; 1995, д. Гагрино, д. Заборье, д. Нос, д. Машнёво *Боксит.*

2. Птица журавль. *Журавы тут у нас летают, не видали вы журавлёв-то?* 2009, д. Харитоновщина *Тихв.*

Жураве́ль, суц., м. То же, что **Журав**. 1995, д. Заборье *Боксит.*; *У нас журавель самый хороший, там вкусная вода.* 1996, д. Мехбаза *Тихв.*

Жукові́нья, суц., ж. След от кольца на пальце. *На загорелых руках остались жуковиньи.* 1996, *Тихв.*

Жураві́на, суц., ж. Клюква. 1995, д. Чудская *Боксит.*; 1997, д. Потанино *Волхов.*; 2009, д. Коськово, д. Медвежий Двор *Тихв.*

Журавлі́ха, суц., ж. Клюква. *И журавлихи наберем на этот раз. На болоте еще и прошлогодняя лежит.* 1996, д. Владычино *Тихв.*

Жура́вль, суц., м. То же, что **Журав**. 1994, д. Алексино, д. Гагарино, д. Иссад *Волхов.*; 1995, д. Заборье *Боксит.*

3

За, предлог. У, около. *Больша, крупна попадѣцца, а за береги мелка рыба.* 1994, д. Иссад *Волхов.*

Заа́рандать, глаг., сов., неперех. Начать ругаться, ворчать. *Ну, опять зааранда.* 1993, д. Юсковичи *Подпорожск.*

Забáва, суц., ж. Кавалер. *У меня был самый красивый забава. Я его так любила.* 1996, д. Кайвакса *Тихв.*

Забáвочка, суц., ж. Любимый человек. 1995, д. Струги *Боксит.*

Забелить, глаг., сов., перех. Положить сметаны в блюдо. 1995, д. Анисимово, д. Большой Двор, пос. Ефимовский **Боксит**. *Суп-то забелить или не надо?* 1996, д. Мехбаза **Тихв**.

Заберечь, глаг., сов., перех. Защитить. 1995, д. Фомкино **Боксит**.

Забилка, суц., ж. Сметана. *Мы забилку дома делали, у нас своя корова была.* 1996, д. Пикалево **Боксит**.

Забирать, глаг., несов., перех. Украшать. *Это забирала я тряпочками.* 1995, д. Часовня **Боксит**.

Заблекотать, глаг., сов., неперех. Закричать. *А та как заблекочет, так далече слышно.* 1996, д. Кузьминка **Тихв**.

Заболотный, прил. В сочетании \diamond **Заболотное место**. *Вязкое место.* 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Заболочить, глаг., сов., перех.?.; обычно безл. Затянуть небо облаками. *У нас ещё говорят «заболочило», это когда небо облаками затянуло.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Забóрина, суц., ж. Доска от забора. 1994, д. Чернецкое **Волхов**.

Забóрка, суц., ж. Перегородка, стена из досок между комнатами. 1993, д. Юсковичи **Подпорожск**.; 1994, д. Алексино, д. Поляша, д. Посадница, д. Реброво **Волхов**.; *Заборку сдилал.* 1994, д. Тихомировщина **Волхов**.; *Передня комната, заборку зделали, а то дефки на виду.* 1994, д. Усадище **Волхов**. 1995, д. Заборье, пос. Ефимовский, д. Климово, д. Косые Харчевни, д. Струги **Боксит**.; 2009, д. Коськово, д. Харитоновщина **Тихв**. \diamond *Спальная комната. Робятишек в заборку загнали.* 1994, д. Хамонтово **Волхов**. \diamond *Стенки зыбки (колыбели) [?].* 1994, д. Яхновщина **Волхов**. \diamond *Кухня [?].* 1994, д. Новая Ладога **Волхов**.

Забóрочка, суц., ж. То же, что **Заборка**. 1994, д. Блитово, д. Посадница, д. Реброво **Волхов**.; 1995, пос. Ефимовский, д. Чудская **Боксит**.

Заботать, глаг., сов., перех. Мутить воду, загонять рыбу в сеть. *В этом месте реки мужики заботали много рыбы.* 1996, **Тихв**.

Забродать, глаг., сов., перех. Наловить рыбы бреднем. 1996, **Тихв**.

Забрюхатеть, глаг., сов., неперех. Забеременеть. *С этим типерь забрюхатила.* 1997, пос. Еремина Гора **Тихв**.

Забúдня, нареч. Постоянно. 1994, д. Юрцево **Волхов**.

Завáживать, глаг., несов., перех. Разводить (о костре). *Костёр завáживали.* 1994, д. Посадница **Волхов**.; д. Реброво **Волхов**.

Завáл, суц., м. Непроходимое место в лесу. 1995, д. Анисимово, д. Большой Двор **Боксит**.

Завáлина, суц., ж. Земляная насыпь вокруг дома: когда дом срублен, его окапывают землей. 1995, д. Климово, д. Косые Харчевни **Боксит**.; 1996, **Тихв**.

Заваля́ть, глаг., сов., перех. Замесить [что?] и обвалить в муке. 1995, д. Великое Село **Боксит**.

Завару́ха, сущ., ж. 1. Каша из муки с ягодами. 1994, д. Чернецкое, д. Юрцево **Волхов**.

2. Квас, вино. *Заварухи заварят*. 1996, д. Никульское **Боксит**.

Завереща́ть, глаг., сов., неперех. Закричать. *Опять ребята заверещали*. 1996, д. Кузьминка **Тихв**.

Заве́т, сущ., м. Праздник в честь домашнего скота. *А ищце́ был по завету скота, ф чесь скота был, скот болел*. 1994, д. Посадница **Волхов**.

Завёрнутый, прил. Законсервированный. *Завёрнутые красушки*. 1995, п. Ефимовский **Боксит**.

Завёртка, сущ., ж. Цепочка на двери для запираения. *Кто ж украде́т-то у меня? В огород-то ить это недалеко. На завёрткудверь закрою да пойду. Цепочка это широкая на двери*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Завёрточка, сущ., ж. Вертушка у калитки. 1995, д. Фомкино **Боксит**.

Зави́рки, сущ., множ. Шнурки. *Полусапожки с этими... завирками... ну... шнуркам заделывали*. 2009, д. Коськово **Тихв**.

Заво́р, сущ., м. Большие ворота. *Это два столба, там привенчаны жэрдиди*. 1995, д. Анисимово **Боксит**.; пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Заголодно, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Завора, сущ., ж. Жердь, которой загораживают (закладывают?) проход в изгороди. 1995, д. Сухая Нива **Боксит**.

Заво́рина, сущ., ж. Жердь, которая закладывалась в завор; закрывает проход в изгороди. 1995, д. Анисимово, д. Семеново **Боксит**.

Заво́рница, сущ., ж. То же, что **Заво́рина**. *Она заворницу закрыла*. 1995, д. Заголодно **Боксит**.; д. Михалево **Боксит**.

Завсе [Удар.?], нареч. Всегда. *Зафсе харашо адета была*. 1996, д. Шуйга **Тихв**.

Завсегда́, нареч. Всегда. *Молодёш зафсегда была в упряшке*. 1994, д. Усадище **Волхов**. *Зафсигда я весила*. 2007, д. Домкино **Лужск**.

Завтриём, сущ., в знач. нареч. Завтрашним днем. *Жыть нада зафтриём*. 1994, д. Тихомировщина **Волхов**.

Завя́з, сущ., м. В сочетании ◊ **До завязу**. Полностью, целиком. *Другой раз ведь мешки надо было вздымать, а мешок ведь до завязу насыпан*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Завязи́ть, глаг., сов., перех. Застрясть, засунув. *Ногу завязила под балку*. 1995, д. Елзово **Боксит**.

Загалини́вшы, прич. Загажено [?]. 1994, д. Усадище **Волхов**.

Загамить, глаг., сов., *неперех.* Залаять (о собаке). 1994, д. Посадница **Волхов**.

Загануть, глаг., сов., *перех.* Загадать загадку. 1995, д. Машнево **Боксит.**;
Заганула она мне такую загадку. 1996, д. Сухая Нива **Боксит**.

Загвóздка, сущ., ж. Деревянный или железный клин, забиваемый в топорщце. 1995, д. Никола **Боксит**.

Загíбишком, *часть речи?* Загнутый угол [чего?]. 1995, пос. Ефимовский **Боксит**.

Загибáть, глаг., *несов., неперех.* Выдумывать, рассказывать небылицы. *Вон как дед загибает.* 1996, д. Яковлево **Боксит**.

Загíбнуть, глаг., сов., *неперех.* Пропасть. 1994, д. Усадище **Волхов**.

Загнётка, сущ., ж. Место в русской печи, куда сгребают угли. 1997, д. Маттия **Кингисепп**.

Загнёток, сущ., м. Маленький шкафчик около русской печи? *Загнёток и куток одно и то же, это фсё у печки русской.* 1995, д. Анисимово **Боксит**.

Зáгон, сущ., м. Огороженное место для скота. 1997, д. Потанино **Волхов**.

Загнётся, глаг., сов., *неперех.* Умереть. 1996, д. Пашозеро **Тихв**.

Заголовок [Удар.?], сущ., м. Смесь хмеля с дрожжами при приготовлении пива. 1995, д. Елзово **Боксит**.

Загóра, сущ., ж. Болото [?]. 1995, д. Косые Харчевни **Боксит**.

Загорóдка, сущ., ж. 1. Изгородь. *Загоротка сделана для их.* 1995, д. Заголодно **Боксит**.

2. Отгороженные друг от друга части двора для разных животных. 1994, д. Гладково **Волхов**.

Загорóдочка, сущ., ж. Место для скота в хлеву, стойло. *Ф хлеве кажный ф своей загородочке стоит.* 1995, д. Заголодно **Боксит**.

Загóрок, сущ., м. Место за деревней [Какое?] *На сенокос нас, малышню-то даже, на загорки выганяли. Полей-то вокруг деревень много было.* 2009, д. Медвежий Двор **Тихв**.

Загубистый, прил. Загнутый. 1995, д. Ростань **Боксит**.

Загуста, сущ., ж. Каша из крупно помолотой ржи. *С молоком загусту прихлябывали.* 1994, д. Будаевщина **Волхов.**; д. Алексино, д. Неметово-2, д. Посадница, д. Хамонтово **Волхов**. 1995, д. Заборье, пос. Ефимовский **Боксит**. 1996, д. Мехбаза, д. Пашозеро **Тихв**.

Задáток, сущ., м. Вещь, которую давали жениху в знак согласия на брак. *Невеста даёт задаток.* 1995, д. Михалёво **Боксит**.

Задожжáть, глаг., сов., *неперех.* Вот грозы были, дожди. *Иногда так задожжает, целыми днями льёт и льёт.* 2009, д. Медвежий Двор **Тихв**.

Залипаться, глаг., несов., неперех. Забраться. У нас не «забраться» говорят, а «залипаться», я вот говорю, например: Я раньше в Крым ездила, теперь только не залипаться никуда мне, старая стала. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Залобок [Удар.?), сущ., м. Фронтон крестьянского дома с двускатной крышей, имеющий форму треугольника. Спереди тут, вверху, над окнами залобок. Этот треугольник под крышей. 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**; 2009, д. Коськово **Тихв.**

Заложка, сущ., ж. Цепочка на двери. Дом не запираю, если до огорода дойти, дак заложку – цепочка такая на двери, из звеньев крупных. 2009, д. Ваньково **Тихв.**

Зарёцкий, прил., в знач. сущ. Человек, живущий на другом берегу реки. Вон дома, на том берегу, мы их, жителей, заречанами кличем. А они нас зарецкими. 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**

Заречанин, сущ., м. Человек, живущий на том берегу реки, с позиции говорящего. Вон дома, на том берегу, мы их, жителей, заречанами кличем. 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**

Зарода, сущ., ж. Скирда сена. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Засик, сущ., м. Подвал. Вот картошку-то держу в засике, в подвале, муж мне сделал. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Заспа, сущ., ж. Ячменная крупа. На деревянном жёрнове заспу драли, то есть заспа-та выходила, крупа из ячменя. Полностью не перемалывалась, муки не выходило, а крупа. 2009, д. Ваньково **Тихв.**

Застрёка, сущ., ж. Струя воды. А с крыши часто целы реки текут, когда дождь. Струё, застрекой; цела бочка и набежит. 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**; 2009, д. Коськово **Тихв.**

Заулок, сущ., м. Территория около дома, отгороженная забором от улицы? На заулке у меня и клумбы вон. ... А за забором уж улица, а это заулок. За заулком вон огороды у всех. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Захломять, глаг., несов., перех. Загрязнять воздух (о машинах). Вот машины из города приезжа, так ведь весь воздух захомяют. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Знашей, сущ., м. Ноша, которую можно унести на плечах/ на спине. Воду всё с колодца носили и домой, и в баню. В баню дак восемь знашеев в холодную и восемь в горячую. Знашей – это на коромысле один раз принести, два ведра. 2009, д. Ваньково **Тихв.**

Зобёнка, сущ., ж. Корзинка. 1995, пос. Ефимовский **Боксит.**

Зыбка, сущ., ж. Колыбель. 1997, д. Потанино **Волхов.** Я своё дитё в зыбку ложила и качала. 1997, д. Машнёво **Боксит.**; 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Зыбу́чный, прил. Зыбкий, топкий. *Иные болота совсем ноги вязнут – зыбучные они.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Зябь, сущ., ж. [Знач.?] *Сжатое зерно, и вот зябь поднимали, зябь называлось это стержень-то.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

И

Избу́шка, сущ., ж. *Передвижная избушка для обслуживания сплавщиков леса. Шли избушки вслед за этими сплавщиками. В одной избушке торговали, продукты там были, во второй – там варили им пищу.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Изгоро́да, сущ., ж. [Знач.?] *Зимой обхватим изгороду, вот так, руками, и насчитаем «а, бе, ве».* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Измя́тина, сущ., ж. *Жидкость, остающаяся при взбивании масла из сметаны. Добавлю старого масла, поболтаю сметану, погрею её, и получится масло, там остаётся измятина, она уже не гожа, но на блины пойдёт.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Исто́пина, сущ., ж. *Верхний слой сливочного масла, который образуется при растапливании его. А вот масло топили, сливочное, дак верхний слой истопиной называли.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Й

Йон, мест. Он. *Встретил ён меня у деревни.* 1996, д. Шуйга **Тихв.**

К

Кали́тка, сущ., ж. *Пирожок из ржаной муки с начинкой из картофельного пюре.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Ка́ра, сущ., ж. *Глубокое место в реке, омут. А где в речке место такое глубокое, это кара называется.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Карто́фница, сущ., ж. *Запеканка из картофеля. Раньше вот в печах картофницы делали – это запеканка такая.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Ката́лка, сущ., ж. *Приспособление для глажения белья. А бельё чем гладили? Так каталки... одна была ровная – бельё наматывалось, а втора была с нарезом.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Като́к, сущ., м. *Скалка. ...тесто рассукиваецца катком и на протвинь ево.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Квас, сущ., м. *Окрошка. К праздника летом обязательно квас делали, это окрошка наша теперешна.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кёрка, сущ., ж. *Инструмент для обработки земли. Мотыги были, картошку керкой окучивали.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кла́дочка, сущ., ж. *Деревянный настил, с которого полоскали бельё в реке. ... кто забредал так полоскать, а кто с кладочек, это вроде плотов в реке.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кладу́шка, *сущ., ж.* Сноп сена для укладки в стог. *Сено собираешь, а потом его кладушками ложим, это как маленькие кучки такие.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Кладь, *сущ., ж.* То же, что **Кладочка**. *Так четыре брёвнышка, они лежат на самой воде, мост такой.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Клёпать и клепа́ть, *глагол., несов., перех.* Выбивать бельё, чтобы отжать воду. *Зимой бельё в проруби прополощець, а руками выжимать холодно, его палицей клепят, кладут на доски и клепят.* 2009, д. Ваньково **Тихв.**; д. Коськово **Тихв.**

Кли́шка, *сущ., ж.* Плоская деревянная доска, с помощью которой вяжут сети. 2009, д. Ваньково **Тихв.**

Клоч, *сущ., м.?* Кочка на болоте. *Осенью всё кругом вода на болоте, и клочов-то нету, куда положить этот мешок.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кля́ча, *сущ., ж.* Кусок ствола дерева, чурбан. *Бирути ствол дерева, распиливают на клячи на длине лучины, на чурбачки такие круглые.* 2009, д. Ваньково **Тихв.**

Кобы́лка, *сущ., ж.* Плот, деревянный настил, с которого полоскали бельё в реке. *Когда в колодце, в ледяной воде, руки так и своди (sic!), а когда в реке, кобылка была, на плоту на этом и полоскали.* 2009, д. Коськово **Тихв.**; 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Кожá, *сущ., ж.* Дубовая кора. *Кора дубовая, дак кожей звали.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Козли́ться, *глагол., несов., неперех.* Выражать недовольство. *Жених у меня был, не нравился он мне, правда, так вот мать и говорила: Что ты всё козлишься?* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Козя́к, *сущ., м.* Высушенный козий навоз. *И когда навоз маленько подсохнет, вот его рубят на плитки такие. Рубят, рубят, а потом плитки переверачивают; они высохнут, и получался козяк.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кокóрка, *сущ., ж.* Выпечное изделие из ржаной муки. *Кокорки тоже из ржаной муки, только тоненькие.* 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**; 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кокóшник, *сущ., м.* 1. Головной убор. Бокс. Анисимово; 2) прическа, когда коса обвита вокруг головы. 2004, пос. Ефимовский **Боксит.**

Коку́шка, *сущ., ж.* Кукушка. *Кокушка кокует.* 2004, д. Заборье **Боксит.**

Колдо́бина, *сущ., ж.* Яма на дороге. *Вся дорога в колдобинах.* [Год?] д. Кузьминка **Тихв.**; *Переехал через колдобин.* Д. Харитоновщина **Тихв.**

Колéсочки, *сущ., множ.* Масло топленое застывшее. [Год?], д. Глядково **Волхов.**

Кóли, союз. Если. *Коли не пойдёшь, так и не надо.* [Год?], д. Пашозеро **Тихв.**

Коли́ще, сущ., ср. 1. Палки для укрепления берега, чтобы не вымывало песок. *Старики делали колище.* [Год?], д. Глядково **Волхов.** 2. Загородка на реке для ловли рыбы, из кольев с просветом посередине, куда крепится вя- тиль или мережа. 2009, д. Ваньково, д. Коськово **Тихв.**

Колкоти́ться, глаг., несов., неперех. Бродить. *Всё равно колкóтится.* [Год?] д. Анисимово, **Боксит.**

Кóлоб, сущ., м. Вид пирога. *Напеку к вечеру колобы.* [Год?] **Тихв.**

Колобо́к, сущ., м. Пирог круглой формы без начинки. *Колобок круглень- кий как хлебец, без начинки.* [Год?], д. Калинецкое **Боксит.**

Колобо́чек, сущ., м. Скатанный шариком кусочек теста. *Колобочки навалям:* [Год?] д. Залужье **Волхов.**

Колобу́шечка 1. Кусочек теста. пос. Ефимовский **Боксит.**;

2. Посуда для выпечки. д. Великое Село **Волхов.**

Колобу́шка, сущ., ж. 1. Маленький хлебец домашней выпечки. Год? пос. Ефимовский, д. Струги **Боксит.**; д. Великое Село, д. Посадница **Волхов.**;

2. Пирог без начинки. Пос. Ефимовский, д. Климово **Боксит.**; д. Ребро- во **Волхов.**;

3. Пирог с творогом. д. Заголодно **Боксит.**;

4. Пирог с картошкой. *Картошку натолкут да начинят – колобушки.* Пос. Ефимовский, д. Заборье, д. Заголодно, д. Косые Харчевни **Боксит.**; д. Великое Село **Волхов.**

Коло́да, сущ., ж. 1. Толстое упавшее дерево. *В лесу такие колоды лежа- ли.* д. Абрамова Гора **Боксит.**;

2. Деревянное корыто на ножках для кормления скота. *Кормили с коло- ды, с ведра.* д. Нос **Боксит.**; *Мышка, мышка, вылей воду под осинову колоду.* д. Заборье **Боксит.** д. Струги, д. Чудская **Боксит.**;

3. Часть ткацкого стана, на которую крепилась катушка с долево- й нитью. *С этих сновалок возьмёшь навьёшь на колоду.* д. Заборье **Боксит.** *Нит- ки навивались на колоду.* д. Нос **Боксит.** *Колода у станка есть. Колоды, завивать пряжу-ту.* д. Утишье **Боксит.** *Две рамы, колода.* д. Большой Двор Боксит.; д. Заголодно, д. Машнево, д. Михалево **Боксит.**; д. Глядково, д. За- лужье, д. Коскеницы, д. Посадница, д. Хамонтово, д. Юрцево **Волхов.**; 2009, д. Коськово **Тихв.**

Коло́дезнь, сущ., м. Колодец. *Принесли бы вы мне, девоньки, водицы из колодезня.* д. Тамбовский шлюз **Боксит.**

Коло́дина, сущ., ж. Упавшее дерево. *Колодина посреди дороги. Как за- росше павше дерево, так говорят колодина:* д. Заборье **Боксит.**

Коло́дичек, *сущ., м.* Маленький колодец. *Там такой колодичок есть.* д. Гагарино **Волхов.**; д. Посадница **Волхов.**

Коло́дка, *сущ., ж.* 1. Палка, на которую крепятся зубья граблей. д. Гагарино **Боксит.**; д. Фалилеево **Боксит.**; д. Крекенцы, д. Реброво, д. Посадница **Волхов.**;

2. Четыре бревна, связанные вместе, для перевозки чего-нибудь. д. Заборье **Боксит.**

Коло́дочка, *сущ., ж.* Приспособление для вязания сетей. *Колодочка регулирует размер ячеи.* Год? д. Бочатино **Боксит.**

Коло́дчик, *сущ., м.* Маленький колодец. *Мы делали колодец из спичек, как колодчик.* Год? д. Заборье **Боксит.**

Кóлокол, *сущ., м.* Колокольчик на шее коровы. Год? д. Машнево **Боксит.**

Колокóлец, *сущ., м.* Колокольчик. *Колокольцы слышны.* Год? д. Заголодно **Боксит.**

Коломенкóвый, *прил.* О ткани: плотная бумажная ткань. Год? **Тихв.**

Колосови́к, *сущ., м.* Гриб [Какой?]. *На пожнях колосовики росли, грибы такие в июле месяце.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Колоту́шка, *сущ., ж.* Приспособление для обмолота льна. *Сноп вот льна берут и колотушкой отбивают макушки, у льна-то, он-то ведь сам сверху на колосьях.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Комель [Удар.?], *сущ., м.* Нижняя часть снопа, у среза. *Колосья кладу вот так: стеблем туды, комлям, а колосья с обеих сторон туды, и вот потом начинаю молотить.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Копáлка, *сущ., ж.* Деревянная лопатка для копки картошки. *Вот осинью картошку выкапывать – все за дело брались. Она, копалки берём, лопатки таки деревянные, да и внагинку целый день.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кóпань, *сущ., ж.* Нерукотворный водоём (в отличие от колодца). *Колодцы сами, конечно, выкапам. Отец мой копал. А вот остальные водоёмы... не знаю. Копани вона назывались. Мы их не трогали, сами образовывались, водоёмы-то эти.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кора́бушка, *сущ., ж.* В сочетании ◊ **Ба́бушка-кора́бушка.** Об очень старом человеке. д. Заборье **Боксит.**

Кора́винка, *сущ., ж.* Краюшка хлеба. *Хоть коравинку-то дай.* д. Заголодно **Боксит.**

Кóрба, *сущ., ж.* 1. Непроходимое место в лесу. *Корба там. Корба болотистая.* д. Заборье **Боксит.**;

2. Одинаковый во все стороны лес, в котором легко заблудиться. д. Юксовичи **Подпорожск.**

Корба́ха, *сущ., ж.* 1. Посуда из бересты. д. Заборье **Боксит**.

2. Плетеная корзина с ручкой. д. Струги **Боксит**;

3. Деревянный ковш. д. Некрасово **Боксит**.

Корбец, *сущ., м.* Ковш. д. Иссад **Волхов**.

Корда́, *сущ., ж.* Веревка. *Подай корду*: Шугозеро **Тихв**.

Кореля́к и **корля́к**, *сущ., м.* Корел. *Кореляки есть*. д. Заголодно, **Боксит**. *И село три кореляка*. пос. Ефимовский **Боксит**.

Коренни́к, *сущ., м.* 1. Корзинка. *В тот раз коренник до краев был наполнен белыми грибами, мы больше ничего и не брали*: Тихв. Пяхта. || Лучинная корзина квадратной формы с одной или двумя ручками. д. Иссад, д. Поляща **Волхов**; 2009, д. Коськово **Тихв**.

2. Рыбачья сумка. Немятово-2 **Волхов**.

Коренничо́к, *сущ., м.* Корзинка из ивовых прутьев. пос. Ефимовский **Боксит**; 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Коренно́й, *прил.* [Знач.?]. *Потом которы коренны можете есь*. д. Усадище **Волхов**.

Корене́ё, *сущ., собир.* Корни. *Коренеё всё сгорит*. д. Часовня **Боксит**.

Корене́ня, *сущ., множ.* Корни. *Коренья рвали*. д. Климово **Боксит**.

Коре́ц, *сущ., м.* Небольшой ковш. *Полей-ка, мать, из корца водицы*. д. Абрамова Гора **Боксит**. *Из корца попей*. д. Борисово **Боксит**. *Ковшичек, раньше коре*. д. Нос **Боксит**. *Корцом-то подай-то, воды же хотят испить*. д. Горка **Тихв**. *Выпил целый корец воды*. д. Пашозеро **Тихв**; д. Анисимово, пос. Ефимовский, д. Косые Харчевни, д. Никульское, д. Струги **Боксит**; д. Алексино, д. Весь, д. Немятово-2, д. Реброво **Волхов**; *С колодца воду принесу. Он [внук] корец взял, зачерпнул да выпил – зубы-то так и свело*. 2009, д. Исаково **Тихв**.

Корёжиться, *глагол., несов., неперех.* Ломаться, трескаться. д. Коскеницы **Волхов**.

Корза́ть, *глагол., несов., перех.* Обрубать сучья у дерева. *Корзатъ-то надо*. д. Заголодно **Боксит**.

Кори́течко, *сущ., ср.* Корыто. д. Утишьё **Боксит**.

Кори́ть, *глагол., несов., перех.* Снимать кору. *Корили берёзу*: д. Утишьё **Боксит**. *Сами корили*: пос. Ефимовский **Боксит**.

Кори́ться, *глагол., несов.* жаловаться. *Кори́ться не будем*. д. Заборье **Боксит**.

Корне́вка, *сущ., ж.* Настойка на горьких кореньях. *Выпей-ка корне́вки*. д. Шугозеро **Боксит**.

Корося́тник, *сущ., м.* Небольшой водоём, где водится рыба. *Если не в речке ловим, так к коросятнику ишли, ну как вроде водоема небольшого по-вашему*. 2009, д. Харитоновщина **Тихв**.

Косá, суц., ж., обычно множ. Скопление в реке сплавляемых брёвен. 120 километров шёл этот сплав. Набиралось с этого леса косы. Потом сплавщики разбирали эти косы. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Костли́ще, суц., ср. Кость. Она сухолявая была, так костлявая, одни костлища торчат. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Косты́к, суц., м. Щука. А вот рыба, ну, щука, например, у нас костык зовётся. 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Костылёк, суц., м. Маленькая щучка. – Какая рыба в реке есть? – Плотва, да вот щуки, или костыльки. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кошелёк, суц., м. Карман на поясе, в котором держали оселок на покое. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кошэль, суц., м. Плетёная корзина из бересты с крышкой. Насыплю корзинку, кошель высыплю. Кошели были плетёны, з берёсты, для грибов, ягод. 2009, д. Исаково **Тихв.**; 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Кошэльки, суц., множ. Закорки. Папа меня в детстве на кошельках катал... так на плечи к себе сажал и катал так. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Краси́к, суц., м. Гриб подосиновик. Лисички, гладухи, волнушки, красики, солонухи... грибы, подосиновики это. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Красота, суц., ж. ♦ **Девичья красота**. Домашний цветок [Какой?]. Девичья красота на окна выставлена. 1996, д. Кузьминка **Тихв.**

Красу́шка, суц., ж. Гриб [Какой?] Ой, да грибов-то раньше немерено было: подосиновики, лисички, красушки. 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**

Крася́к, суц., м. Гриб [подосиновик?]. Волнухи дак солили, а эти сушили: красяки, боровики, грузди... 2009, д. Коськово **Тихв.**

Крахма́лина, суц., ж. Каша из крахмала с молоком. Дажка крахмалину варим, вы-то не едали, а это очень вкусная каша из крахмала с молоком. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Креж, суц., м. Крутой берег, возвышенность с крутыми склонами. И вот креж крутой, надо в речку-то лес сплывать, а креж – это крутая гора... 2009, д. Коськово **Тихв.**

Крёсла, суц., множ. Рама из жердей, которая кладется на дровни? А сани-то были устроены: вот дровни, полозья были, чем по снугу иди, а потом на верёх клали щипы, на полозья ставили, дырочки делали и клали. А потом крёсла делали: две дуги на переду и на заду, а к этим крёслам тоже делались таки как жырдошки дви. 2009, д. Исаково **Тихв.**

Кри́чина, суц., ж. Лыдина. Лёд-то идёт по реке, то кричина, весной-то расшевелится лёд и идёт он кучам. 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Кро́лька, суц., ж. Козырёк над окошком. Вот над окном здесь кролька, часть крыши такая. Она как для защиты. 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кропáть, глаг., несов., перех. Набивать матрас. *Весной приедем в избу – всё вынуть надо: матрасы, да. Отсырело за зиму. Или кропать заново – набивать, значит.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кропóш, сущ., м. Небольшое выпечное изделие из ржаной муки, небольшой хлебец. 2009, д. Коськово **Тихв.** *Ещё кропошы – из ржаной муки пекли, наподобие кексов небольших.* 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**

Крошáнина, сущ., ж. Хлеб, крошенный в квас, молоко, кефир, воду. *...кефира нальют и крошанины – хлеба крошат туда.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Крошóнка, сущ., ж. То же, что **Крошанина**. *Крошонка была, это хлеб с молоком так намешен.* 2009, д. Харитоновщина **Тихв.**

Крупíна, сущ., ж. Крупа. *Супы варили, так если есть какая крупина, ложыли, дак тогда-то и крупы не было.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Крúпный, прил. В сочетании ◊ **Крупная зима**. Лютая, морозная. *Когда зима крупная, морозы, толстый делается лёд. Паша вон из берегов выходит.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Крыло́, сущ., ср. ◊ **Бережнёе крыло́**. Часть рыбаков, идущая по берегу, когда сеть тянут против течения. 1994, д. Иссад **Волхов.**

Крыся́к, сущ., м. Мох на болоте. *А на болоте мох мы крысяк называем, даже сама не знаю, почему крысяк.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Крюк, сущ., м. Кочерга. *Крюком я угли на совок сгребаю – и в самовар.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кубарь [Удар.?], сущ., м. Несколько вязков соломы [?] *Обмолоченню солону, она длинная такая, в вязки связывали, а потом уж ф кубари, да по домам развозили.* 2009, д. Ваньково **Тихв.**

Кудéля, сущ., ж. [Знач.?] *Как жєнщины на посидки собирались, и за прялками сидели. Куделя была – то, что сначала всей пряжи.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кукылёк, сущ., м. Женская прическа: узел на затылке. *Из волос жєнщины кукылёк делали. Волосы на затылке так заворачивали, жєнская причёска такая.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кúлгача, сущ., ж. Калитка. *Калитка в огороде, ну, в заборе-то, называли кулгача.* 2009, д. Медвежий Двор **Тихв.**

Куть, сущ., ж. Угол в доме около входной двери. *Прихожую раньше звали куть.* 2009, д. Коськово **Тихв.**

Кучьё, сущ., ср., собир. Некоторое количество сена, которое приносили к месту будущего стога. *Стога-то распускали, перевалы были, сырое ведь спадёт, дак ко стогу принесёшь кучьё – перед тем как в стоги складывать.* 2009, д. Исаково **Тихв.**

Список литературы

1. Бакланова И. В., Сьянова Е. И. Архив Диалектологического атласа русского языка (1937–1947 гг.): материалы к словарю говоров Ленинградской области (Винницкий, Вознесенский, Лодейнопольский, Пашский, Полавский, Пожеревицкий районы) // Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2019. С. 52–89.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2000.
3. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / отв. ред. д-р филол. наук В. Г. Орлова; АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1970. 455 с.
4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.
5. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л./СПб., 1965–2019.
6. Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1998. 207 с.

References

1. Baklanova, I. V., S'yanova, E. I. *Arhiv Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka (1937–1947 gg.): materialy k slovaryu govorov Leningradskoj oblasti (Vinnickij, Voznesenskij, Lodejnopol'skij, Pashskij, Polavskij, Pozherevickij rajony)* [Archive of the dialectological atlas of the Russian language (1937–1947): materials for a dictionary of the dialects of the Leningrad region (Vinnicky, Voznesensky, Lodejnopolsky, Pashsky, Polavsky, Pozherevitsky districts)] *Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov*. St. Petersburg, 2019. Pp. 52–89. (In Russian).
2. Dal', V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The explanatory dictionary of the contemporary Russian language]: V 4-h tt. Moscow, 2000. (In Russian).
3. *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskih govorov* [Formation of the Northern dialect and Cntral Russian dialects]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 455 p. (In Russian).
4. *Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej* [Dictionary of the Russian dialects of Carelia and adjacent area] / gl. red. A. S. Gerd. Vyp. 1–6. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1994–2005. (In Russian).
5. *Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of the Russian dialects] / gl. red. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. T. 1–51. Moscow; Leningrad/ St. Petersburg, 1965–2019. (In Russian).
6. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology] / pod red. V. V. Kolesova. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1998. 207 p. (In Russian).

**Феномен эмотивной невыразимости
(на примере языковой категоризации смешанных эмоций)**

В статье рассматривается проблема способов и средств выражения эмотивной невыразимости на материале художественной литературы. На примере языковой категоризации смешанных эмоций показано, что эмотивная невыразимость имеет свою поддающуюся типологизации структуру (имплицитная и эксплицитная эмотивная невыразимость, интенциональная и неинтенциональная невыразимость и пр.). Показано, что появление эмотивно невыразимого и попытка языковой категоризации данного явления обусловлены нарративным диссонансом, который характеризует естественный язык и речевую коммуникацию.

Ключевые слова: невыразимость, эмотивность, смешанные эмоции, языковая категоризация эмоций, нарративный диссонанс, антиязык.

Alexey Shteba

**The Phenomenon of Emotive Inexpressibility
(on the Example of Language Categorization of Mixed Emotions)**

The article deals with the problem of ways and means of expressing emotive inexpressibility. Using the example of language categorization of mixed emotions it is shown that emotional inexpressibility has its own structure (implicit and explicit emotional inexpressibility, intentional and non-intentional inexpressibility, etc.). It is shown that the appearance of the emotive inexpressibility and the attempt to categorize this phenomenon is caused by the narrative dissonance that characterizes natural language and speech communication.

Key words: inexpressibility, emotivity, mixed emotions, language categorization of emotions, narrative dissonance, anti-language.

*Но лъзя ли в мертвоє живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.*

В. Жуковский. Невыразимое

Проблема невыразимости, в первую очередь, относится к сфере телесных ощущений и эмоциональных переживаний. Феномен невыразимого привел к появлению в философии такого самостоятельного направления, как

антиязык – область философии языка, связанная с невыразимым в слове [2, с. 10]. К основным понятиям данного философского направления изысканий о языке относят собственно антиязык и антислова, которые и являются невыразимыми в естественном языке. Так, любая этимологическая реконструкция праформы суть гипотетична, а, значит, недостоверна, потенциальна [10, с. 119]. Отдельным частным подвидом невыразимого в языке является трансцендентальность. Так, Ю. Я. Коваль-Темиковский отмечает, что символизм, скорее, чем естественный язык, способен выразить невыразимое в ситуации, когда необходима дескрипция потенциально непередаваемых метафизических истин [3, с. 6]. Ю. М. Михайлова указывает на то, что к семантике невыразимого относятся объекты божественного мира, внутрителесные ощущения человека, мир чувств, ощущений и человеческих отношений [6; 7]. При этом на ассоциативном уровне лексико-семантическое поле невыразимого проявляется в ориентации на сферу чувств и эмоций [8, с. 157]. А. В. Нагорная пишет, что все внутрителесные события являются элементом дискурса невыразимого, что, в частности, цитируемый автор подтверждает проблемой репрезентации разного рода болевых ощущений [9, с. 13; 149]:

(1) *Однако ему не дали упасть на ленту: другие рычаги подхватили его в воздухе, растянули, повернули, согнули – и **невыразимая боль** вдруг пронзила его* (В. Пелевин).

(2) *И вдруг – адская, **невыразимая боль** охватила его ногу, его тело, все его существо* (Ф. Ф. Зелинский).

(3) *Железный обруч стягивал мне голову, **невыразимая боль** сжимала мне сердце, я готова была вскрикнуть от боли – и я молчала* (Е. И. Апрельева). (Здесь и далее цитируемые примеры из художественной литературы приводятся по материалам Национального корпуса русского языка; шрифтовые выделения везде наши. – А. Ш.).

Потеря целостности, энтропийность и диффузия семантики отчетливо просматривается в поэтике, когда, к примеру, «романтическая картина мира движется по пути потери целостности, разрушения связей между входящими в нее элементами к новому обретению целостности при ином соотношении составляющих» [1, с. 5]. Соглашается с данным тезисом А. Р. Лукинова, которая утверждает, что поэты-романтики, для которых характерны как попытки выразить тончайшие «душевные движения», так и признание обреченности на непонимание, часто переживают несовершенство естественного языка, сталкиваются с проблемой необходимости выражения невыразимого [5]. При этом А. В. Нагорная также отмечает, что бедность языка

есть бедность идиолекта как неспособность ввиду незнания выразить средствами языка актуальное переживание [9, с. 150]:

(4) *И в эти удивительные минуты, когда хочется писать еще и еще, испытываешь какое-то странное, невыразимое ощущение* (М. Шишкин).

(5) *Невыразимое ощущение тепла, покоя и слабости овладело измученными людьми, но у них все же хватило энергии развязать тук с оружием* (И. А. Ефремов).

(6) *Какая высь в душе просторная. Невыразимое ощущение неповторимости (вот, вот, вот!). Как бьется сердце эти мгновения, может быть, придется и потом видеть и слышать Москву на заре с этими же или с другими* (О. А. Бессарабова).

(7) *Как только дверцы захлопнулись, молодой офицер почувствовал, что несетя к неизбежному, увлекаемый какою-то неизвестною целью – его охватило странное, невыразимое ощущение* (Н. Э. Гейнце).

Причину появления дискурса невыразимого А. В. Нагорная видит в том, что словарь интероцепции усваивается иначе, поскольку предоставить перцептивный эталон для его последующего точного обозначения не представляется возможным, а также по причине того, что человек ограничен индивидуальным интероцептивным опытом, воспринимает и выбирает лексические единицы для обозначения только собственных ощущений [9, с. 151]. Г. С. Сырица также отмечает диффузность семантики языковых знаков, к чему приводит использование атрибута *невыразимый*. Исследователь приходит к выводу о том, что лексика с семантикой невыразимого чаще всего сочетается с эмотивной лексикой [13, с. 295]:

(8) *Иногда это просто некое необычайное, невыразимое состояние, чаще приятной окраски* (В. Леви).

Г. И. Кустова рассматривала интересный семантико-структурный аспект невыразимого через феномен семантического пассива [4, с. 29–30], когда главным компонентом становится ощущение, а субъект ощущения не получает синтаксического выражения: семантический пассив делает главным «объектный» компонент, что приводит к элиминированию субъекта (по принципу *ботинок жмет ногу, показалась луна, послышались голоса, заболела спина, Марка огорчила новость*). Здесь источник переживания лежит внутри субъекта, а экспериенцер непосредственно не принимает участие в ситуации восприятия, выражается только отношение человека к данной ситуации [4, с. 36–37].

Присоединение к номинациям эмоций определения ‘невыразимый’ объективирует интуитивно воспринимаемую носителями языка безграничность

и неопределенность эмоциональных переживаний, неадекватность имеющихся средств языковой категоризации эмоций. Анализ примеров показал, что подобную невыразимую характеристику получают эмоциональные состояния вне зависимости от их оценочной составляющей:

(9) <...> не верили, знали, что врёт, но в душе опять испытывали **невыразимую тоску** (А. Варламов).

(10) Так почему же, думаю я снова и снова, почему же нам не пойти прямо к бесконечному и **невыразимому счастью**, бросив всё остальное? (В. Пелевин).

(11) И вдруг почувствовал такую острую боль, такую **невыразимую** словами **горечь**, что даже растерялся (С. Довлатов).

(12) **Невыразима** была моя **грусть** по прочтении ликоспастровского рассказа (М. А. Булгаков).

(13) Кроме пользы в этом есть еще и **невыразимое удовольствие** (Л. Вертинская).

(14) И **невыразимая радость** от того, что мы – его частица! (М. Штейн).

(15) – Акт? — с **невыразимым презрением** отозвался Свинецкий (Д. Быков).

(16) <...> заглянул в полные слез и невыразимой обиды глаза Баррикелло (Б. Мурадов).

(17) Потом в каком-то внезапном порыве она притянула его к себе – он прощен, он полон невыразимого восторга (В. Слипечук).

(18) <...> приходят невыразимое отчаяние героини, смута и ужас (А. Смелянский).

Помимо эксплицитной (по причине наличия эмоциональной доминанты в форме номинации эмоционального переживания) эмотивной невыразимости в ходе анализа выявлены случаи имплицитной невыразимости, когда говорящий использует описательные конкретизаторы эмоциональных переживаний/состояний без последующего прямого обозначения доминанты:

(19) Мне хотелось еще раз испытать то невыразимое чувство, когда гуляя в тропическом лесу или глядя на закат солнца в Бенгальском заливе, замираешь от восторга и в то же время грустишь по родине (А. П. Чехов).

(20) Никто не шел, и невыразимое чувство животного отчаяния, подымаясь все выше и выше, начало доходить до того предела, когда человеку кажется, что он кричит страшным, пронзительным голосом, на все поле, на весь мир, а он молчит и только судорожно стискивает зубы (М. П. Арцыбашев).

(21) *И все чувства, что стеснились в их душах, вдруг пронизало одно невыразимое чувство, более глубокое и сильное, чем ужас за себя, – чувство разверзшейся перед ними бездны конца, конца всему* (А. А. Фадеев).

(22) *Невыразимое чувство гнева и отвращения охватывает каждого честного человека при чтении обвинительного заключения* (Ю. П. Анненков).

(23) *Чудное, ясное небо, распростертое надо мною, возбуждает во мне какое-то невыразимое чувство восторга и стремление к высшему совершенству»* (Л. К. Туган-Барановская).

(24) *Но тут и там невыразимые страх и трепет героев иллюстрируют струение музыки, а не наоборот* (З. Абдуллаева).

Представленные два вида эмотивно невыразимости соотносятся с предложенной Ю. В. Михайловой классификацией невыразимого на собственную невыразимость и невыразимость с опосредованным выражением, когда с точки зрения синтагматического измерения в правостороннем контексте не происходит нейтрализация значения невыразимости, это не объект раскрытого однозначного свойства [8, с. 156–157]. Однако именно в правостороннем контексте на примере приведенных выше примеров смешанных эмоций проявляется раскрытие характеристик эмоциональных переживаний в аспекте эмотивных допущений на их последующую конкретизацию. Также внутри имплицитной эмотивной невыразимости можно выделить моновалентную (отчаяние – пример № 20, ужас – пример № 21, восторг – пример № 23) и поли-/амбивалентную (грусть и восторг – пример № 19, гнев и отвращение – пример № 22, страх и трепет – пример № 24) эмотивность. Также среди отличительных особенностей невыразимой эмотивности следует рассматривать необходимость последующей конкретизации невыразимого в правостороннем контексте, имплицитное указание на невыразимость эмоционального состояния/переживания оценивается как информативно недостаточное и приводит к необходимости формального объяснения средствами языка.

Интересными являются примеры не собственно прямой невыразимости, когда для обозначения невыразимости эмотивного содержания используются иные описательные обороты, к примеру, глагол *вертеться*. Определения данного слова из словарей русского языка показывают, что данное слово включает в себя качественные наречия интенсивности (*постоянно, быстро, беспокойно, нетерпеливо, часто*):

ВЕРТЕТЬСЯ – постоянно возвращаться к одному и тому же, к одной и той же теме; быстро поворачиваться в разные стороны; сидеть, стоять или лежать, нетерпеливо, беспокойно и т.п. поворачиваясь то в одну, то в другую сторону; часто проводить время около кого-либо или чего-либо, постоянно находиться вблизи кого-либо или чего-либо.

Из словарных определений происходит обсессивность действия, обозначенного данным глаголом, соответствующая понятию нарративного диссонанса, который обусловлен одновременными компульсивностью и креативностью речи и мышления, новаторством и стереотипностью каждого отдельного речевого акта на фоне принципиальной труднодоступности выбора адекватных актуальному речевому намерению языковых средств [12, с. 8]. Корпус примеров показал, что, с одной стороны, феномен «на кончике языка» (*Tip-of-the-Tongue*) соответствует патапсихологическому явлению анэксфории, что представляет собой невозможность вспомнить о чем-либо без напоминания:

(25) *Его название вертелось на языке, я мучительно напрягал память, но не мог вспомнить – ассоциативные связи разрушились, и не у кого было спросить* (В. П. Катаев).

(26) *Иной раз имя просто вертится на языке, а никак не дается – хоть бейся головой об стенку* (А. Макеев, Н. Леонов).

(27) *Я прошлую ночь стал вспоминать – вертится на языке, а не вспомню* (Г. В. Иванов).

С другой стороны, данное состояние («вертится на языке») предполагает интенциональное сдерживание потенциально эмоциогенного (причем с отрицательной составляющей) эмоционального состояния у собеседника:

(28) *“Вот эта сучка? – вертелось на языке. – Как трогательно! – Говорит, что он душка и интеллектуал* (Н. Щербак).

(29) *У Тима вертелось на языке: «А ты лучше помолчи и придержи свои замечания про запас!»* (И. Краева).

(30) *Шуток и цитат вертелось на языке множество, но все они казались кощунственными* (Е. Козырева).

(31) *Не исключено, что у отца Ивана и впрямь вертелось на языке что-нибудь в этом роде; пытаюсь как-то смягчить форму, он даже придвинулся, чтобы сесть не напротив, как раньше, а для интимности поближе к Муравьеву, но, так и не найдя необходимой интонации дружеского участия, которая могла бы убедить Муравьева, заставить поверить, что товарищ его говорит правду, утомленно откинулся на спинку стула* (В. Ф. Кормер).

(32) *Так и вертелось на языке, влепить бы прямым текстом, но сдержался* (Ю. В. Трифонов).

(33) *Боялся произнести то, что вертелось на языке* (Г. Полонский).

(34) *В висках у него ныло от постукивания колес, и в лад с этим постукиванием все время вертелось на языке: «Ведьма, ведьма, ведьма!»* (А. Д. Скалдин).

(35)... *вертелось на языке у Ольги, но она удержалась* (А. Н. Анненская).

Соответственно, к типологии эмотивно невыразимого следует добавить еще два типа: интенциональное и неинтенциональное невыразимое, где первое соответствует феноменам сдерживания, самоконтроля, митигативности, а второе – особенностям семантической памяти в целом. Также предложено разграничивать условно эксплицитную (где определение *невыразимый* объединяется с конкретной номинацией эмоции) и условно имплицитную моно-, поли-, амбивалентную (где определение *невыразимый* сочетается с родовым понятием эмоционального переживания, а далее получает свое синтагматическое развертывание) эмотивную невыразимость.

Список литературы

1. Абрамова В.И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В. А. Жуковского к К. К. Случевскому: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 238 с.
2. Гураль С. К., Петрова Г. И., Смокотин В. М. Выразить невыразимое: возможности синергетических усилий лингвистики и философии // *Язык и культура*. № 42. 2018. С. 6–18.
3. Коваль-Темиковский Ю. Я. "Облако Незнания" и Образы Невыразимого: О символизме анонимного английского трактата: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 221 с.
4. Кустова Г. И. Производные значения с экспериенциальной составляющей // *Семиотика и информатика*. Изд-ва «Школа «Языки русской культуры» и «Русские словари». № 36. 1998. С. 19-40.
5. Лукинова А. Р. Развитие представлений о «невыразимом» в творчестве А.А. Фета // *Филология*. М.: МГППУ, 2010. С. 33–48.
6. Михайлова М. Ю. Актуальные проблемы изучения семантики невыразимого // *Вестник Башкирского университета*. Сер. Филология и искусствоведение. Т. 20. № 3. 2015. С. 1072–1079.
7. Михайлова М. Ю. Местоимения как средство передачи семантики невыразимого // *Инновационные процессы современности: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.* Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014. С. 149–153.
8. Михайлова М. Ю. Характеристика поля семантики невыразимого // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 2(68): в 2 ч. Ч. 2. 2017. С. 156–158.
9. Нагорная А. В. Дискурс невыразимого. Вербалика внутрителесных ощущений. М.: URSS, 2019. 320 с.
10. Нилогов А. С. Дискурс антиязыка (от философии языка к философии антиязыка) // *Гуманитарные науки*. № 2. 2015. С. 118–124.
11. Нилогов А. С. Что такое философия антиязыка? // *Философия и культура*. № 1. 2016. С. 49–59.
12. Руднев В. П. (при участии К. Праньич). *Нарративный диссонанс: язык против реальности: учеб. пособие для вузов*. М.: Академический проект, 2020. 165 с.
13. Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // *Славянские языки и культуры в современном мире*. М.: МГОУ, 2009. С. 294–295.

References

1. Abramova, V. I. *Motiv «nevyrazimogo» v russkoj romanticheskoj kartine mira: ot V. A. Zhukovskogo k K.K. Sluchevskomu* [The motif of the "inexpressible" in the Russian romantic picture of the world: from V. A. Zhukovsky to K. K. Sluchevsky]: dis. ... kand. filol. n. Moscow, 2007. 238 p. (In Russian).
2. Gural', S. K., Petrova, G. I., Smokotin V. M. *Vyrazit' nevyrazimoe: vozmozhnosti sinergeticheskikh usilij lingvistiki i filosofii* [To Express the inexpressible: the possibilities of synergetic efforts of linguistics and philosophy] *Jazyk i kul'tura* [Language and culture]. № 42. 2018. Pp. 6–18 (In Russian).
3. Koval'-Temikovskij, Ju. Ja. *"Oblako Neznaniya" i Obrazy Nevyrazimogo: O simvolizme anonimnogo anglijskogo traktata: ["The cloud of Ignorance" and Images of the Unspeakable : on the symbolism of an anonymous English treatise]: dis. ... kand. filol. n. Moscow, 2005. 221 p. (In Russian).*
4. Kustova, G. I. *Proizvodnye znachenija s jeksperiencial'noj sostavljajushhej* [Derived values with an experimental component] *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Izd-va «Shkola «Jazyki russoj kul'tury» i «Russkie slovari». № 36. 1998. Pp. 19–40 (In Russian).
5. Lukinova, A. R. *Razvitie predstavlenij o «nevyrazimom» v tvorcestve A.A. Feta* [Development of ideas about the "inexpressible" in the works of A.A. Fet] *Filologija* [Philology]. Moscow: MGPPU, 2010. Pp. 33–48 (In Russian).
6. Mihajlova, M. Ju. *Aktual'nye problemy izuchenija semantiki nevyrazimogo* [Actual problems of studying the semantics of the inexpressible] *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Ser. Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Bashkir University. Series Philology and Art Criticism]. T. 20. № 3. 2015. Pp. 1072–1079 (In Russian).
7. Mihajlova, M. Ju. *Mestoimenija kak sredstvo peredachi semantiki nevyrazimogo* [Pronouns as a means of transmitting the semantics of the inexpressible] *Innovacionnye processy sovremennosti: Sb. mat-lov Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [Innovative processes of our time: Collection of materials of the international scientific and practical conference] Ufa: RIO MCII OMEGA SAJNS, 2014. Pp. 149–153 (In Russian).
8. Mihajlova, M. Ju. *Harakteristika polja semantiki nevyrazimogo* [Characteristic of the field of semantics of the inexpressible] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. № 2(68): v 2-h ch. Ch. 2. 2017. Pp. 156–158 (In Russian).
9. Nagornaja, A. V. *Diskurs nevyrazimogo. Verbalika vnutritelesnyh oshhushhenij* [Discourse of the inexpressible. Verbalization of internal sensations]. Moscow: URSS, 2019. 320 p. (In Russian).
10. Nilogov, A. S. *Diskurs antijazyka (ot filosofii jazyka k filosofii antijazyka)* [Anti-language discourse (from the philosophy of language to the philosophy of anti-language)] *Gumanitarnye nauki* [Humanitarian sciences]. № 2. 2015. Pp. 118–124 (In Russian).
11. Nilogov A. S. *Chto takoe filosofija antijazyka?* [What is the anti-language philosophy?] *Filosofija i kul'tura* [Philology and culture]. № 1. 2016. Pp. 49–59 (in Russian).
12. Rudnev, V. P. (pri uchastii K. Pran'ich). *Narrativnyj dissonans: jazyk protiv real'nosti* [Narrative dissonance: language versus reality]: uchebnoe posobie dlja vuzov. Moscow: Akademicheskij proekt, 2020. 165 p. (In Russian).
13. Syrica, G. S. *Semantika nevyrazimogo kak jetnokul'turnyj fenomen* [Semantics of the inexpressible as an ethnocultural phenomenon] *Slavjanskije jazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world]. Moscow: MGOU, 2009. Pp. 294–295. (In Russian).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 130.2

ГРНТИ 13.07.27

Е. А. Цуканов

Женское лицо журналистики как антропологический казус

Статья посвящена изучению влияния культурно-антропологических факторов по линии «мужское – женское» на современное состояние журналистики и в целом медиасферы. Автор полагает, что отсутствие должного мониторинга противоречий, вызываемых гендерной разбалансировкой медиа, выраженной преобладанием феминного начала над маскулинным, может обернуться в дальнейшем значительными кризисными последствиями, имеющими аналоги в мире матриархата.

Ключевые слова: журналистика, медиа, феномен, мужчина – женщина, матриархат, хтонизм СМИ, гендерные архетипы, первобытные культы, массовое сознание.

Evgeny Tsukanov

The Female Face of Journalism as an Anthropological Case

The article is devoted to the study of the influence of cultural and anthropological factors along the line of "male - female" on the modern state of journalism and, in general, the media sphere. The author states that there exists gender imbalance of the media, expressed by the predominance of feminine origin over masculine. He believes that the lack of proper monitoring of the contradictions caused by this imbalance can lead to significant crisis consequences which have analogues in the world of matriarchy.

Key words: journalism, media, phenomenon, male – female, matriarchate, media chthonism, gender archetypes, primitive cults, mass consciousness.

Преобладание среди учащихся факультетов журналистики преимущественно лиц женского пола лишь для незаинтересованного ума, внешнего по отношению к медиа, не таит в себе ничего загадочного. Контингенты журфаков на сегодня укомплектованы юношами и девушками в весьма репрезентативной пропорции – один к десяти не в пользу первых, что заставляет, конечно, задуматься и как-то проинтерпретировать эту социологию. Что та-

кое феминизация современной журналистики, какие последствия данный факт обещает обществу в недалекой перспективе и какую оптимальную мировоззренческую позицию необходимо будет занять исследователю в связи с этим – вот круг вопросов, с которыми автор попытается разобраться в рамках статьи.

Культурологам и антропологам давно известна концепция феноменологического несовпадения мужского и женского поведенческого стандартов. По справедливому мнению Маргарет Мид, «различия между двумя полами – одно из важных условий, легших в основу многих разновидностей культуры, которые придают людям чувство собственного достоинства и положение в обществе» [9, с. 28]. Архетип и проистекающий от него социальный статус женщины предполагают совершенно иной набор элементов, чем архетип и статус мужчины. Кажется, что стало уже общим местом в философском дискурсе закрепление за женским началом характеристик низа, тяжести, хаоса, инертности, мрака и аффективной неопределенности и, наоборот, прочной фиксации в мужском культурном коде отсылок кверху, легкости, порядку, движению, свету и четкой ясности. Разумеется, мы не берем в расчет замысловатую ситуацию постмодерна, которая чувствительно размыла границы между принципиально мужским и принципиально женским, превратив гендерные роли в подвижные условности и игровые конвенции. Мы здесь будем исходить из антропологической классики, полагая, что постмодерны приходят и уходят, а подлинная жажда постижения реальности, какой она есть, остается с человеком всегда. Необходимо также признать и возможность неких кардинальных сдвигов в обсуждаемом вопросе в будущем в связи с развитием науки и технологий, однако, как представляется, это уже станет шагом за горизонт человечности, о чем пусть рассуждают профессиональные трансгуманисты и футурологи. Наша задача, повторимся, заключается в том, чтобы непредвзято оценить наблюдаемый сегодня серьезный гендерный сдвиг от маскулинности в пользу феминности в журналистской и – шире – массовой сферах с философских и культурно-антропологических позиций.

Начнем с того, что журналистика считается деятельностью по производству и ретрансляции информации, ведущейся по каналам массовой коммуникации, таким как печать, телевидение, радио, интернет и т.п. [5, с. 3]. Иными словами, речь идет о работе со словом в целях формирования общественного мнения и массового сознания, добавим: ради социальной стабильности, консенсуса и прогресса. Во многих культурных традициях, включая и европейскую, фундированную на библейском тезаурусе, однозначно утверждается мужской примат обращения с вербальной стихией, своего рода онтологиче-

ская привилегия и одновременно суровый и тяжкий долг мужчины перед Бытием. Подобный взгляд уходит корнями в райское состояние Адама до Евы, когда он сподобился от Бога права назвать вещи своими именами. Во всех авраамических религиях – иудаизме, христианстве, исламе – иерейские функции из-за этого закономерно исполняют представители сильного пола. Именно священник, распределяя словесную энергию по своему усмотрению во время богослужения, организовывал окружающий космос, преображал пространство социального.

Коллапсирующий и предприимчивый 18–19 долгий век был богат на революционные события, которые затронули и сферу религиозной практики. Постепенно литургическая высота и вертикаль подменяются обывательской мирской горизонталью, в которой суррогатными божествами становятся феномены более понятные среднему человеку, аккуратно квалифицируемому К. Леонтьевым как «идеал и орудие всемирного разрушения» [6, с. 159–234]. В пантеон этих божеств входят либеральная демократия, права человека, буржуазные ценности потребления, достатка, накопительства. Еще выше уровнем располагались боги издательского дела и журналистики. Им теперь доверяют, к ним прислушиваются настолько, что если какому-то факту вдруг не посчастливилось оказаться на газетной или журнальной полосе, он моментально вычеркивался из числа существующих. В общем, медиа в эру раннего капитализма делегировали неограниченные полномочия, однако если посмотреть на кадровый состав редакционных коллективов того времени, то окажется, что кроме, быть может, г-жи Панаевой, сотрудничавшей с «Современником» и «Отечественными записками» и даже оставившей интересные мемуары [10], из женщин там никого не было. Искусство плетения словес и в этот период было уделом мужчин, формулировавших смелые и радикальные концепции революционного переустройства действительности на началах (что важно!) элевации. Заметим также, что и специализированных высших учебных заведений журналистского профиля в царской России не существовало [11, с. 55] – они появились уже при большевиках (первое – это Институт Красных журналистов на базе московских курсов Российского телеграфного агентства в 1919 году) [3, с. 103]. Их миссия заключалась исключительно в продвижении советской идеологии, с чем журфаки несколько десятилетий успешно справлялись, до тех пор, пока что-то пошло не так и в начале девяностых Советский Союз не был демонтирован. Что касается контингента советских журфаков, то мальчиков там училось приблизительно столько же, сколько и девочек [13]. Давал свои восхитительные плоды суффражистский тренд на гендерное равенство, что в общем-то было совершенно приемлемо,

поскольку на самом деле любая дискриминация ни к чему. А дальше наступил момент переизбытка женского в журналистском образовании, на выходе же – и в журналистской практике. В процессе тотальной либерализации свободная от коммунистической доктринальности Россия негласно объявила призыв в деидеологизированную журналистскую армию сотен и тысяч представительниц прекрасной половины. Журфаки вдруг стали интересны женщинам, а в итоге, несомненно, меняется общая конфигурация жизни, зависящая от медиапозиционирования – политика, экономика, культура и прочие сферы, о которых в особой стилистике говорят и пишут дамы. Что это за стилистика – разговор отдельный и трудный, но навскидку можно сказать, что ей как формату присущи, во-первых, игровые стратегии с их явной установкой на релятивизацию мнений, смягчение, а значит, смешение конфликтующих позиций, во-вторых, поглощение внешней формой внутреннего содержания, а значит ставка на эмоциональную броскость и очаровательные эффекты в ущерб утомительному и нудному смыслу, и, в-третьих, еще больший фаворитизм, оказываемый в повестке медиа несублимированным эросу и танатосу как делегатам земли и дикой природы. Последний аспект, как нам кажется, должен тревожить общество сильнее всего, что требует своего обстоятельного объяснения.

Напрасно думают, что будто бы женское, в отличие от невыносимо воинственного мужского, всегда сопряжено с миром, мягкостью, милосердием, заботой, терпимостью, альтруизмом и всяческим благолепием [16, с. 156]. Ни в коем случае не желая оскорбить женщин, которые действительно перманентно излучают перечисленные добродетели, предпримем тем не менее рискованный экскурс в тот доисторический период, который предшествовал патриархату. Ориентировочно длился он на несколько сотен тысяч лет дольше последнего, именуясь, соответственно, матриархатом [12]. В условиях данного социокультурного уклада власть женщины была, как считается, всепроникающей и весьма агрессивной. Женщина тогда являлась главным медиумом, на котором концентрировались не только все коммуникативные потоки, но и вообще жизненные пульсации племени. О том, как это происходило, во всех подробностях пишет А. Ф. Лосев, посвятивший изучению матриархальных культов и мифов не одну страницу своих увлекательных сочинений. В частности, он считает, что матриархату свойственен особый хтонизм – с греч. Хтон – Земля. Речь идет о таком состоянии индивидуального и коллективного сознания, когда все мыслится состоящим из земли или ее порождений. На этой стадии человек находится во всецелой зависимости от природы [7, с. 21], что культивировало естественный ужас перед миром,

населенным страшилищами и чудовищами. В матриархате царит иррациональное как результат неспособности человека рассортировать объекты окружающей действительности и выделить себя из общего фона. Лосев отмечает причудливую магичность и даже фантастичность матриархальной картины универсума, пропущенного сквозь призму хтонизма: вещи видятся текучими, размытыми, с нечеткими контурами и функциями. Они вечно переходят одна в другую в хаосе нагромождения, беспорядочности и дисгармонии [7, с. 45–46]. На этой ступени развития сознание ограничено непосредственно-чувственным восприятием, оно принципиально непроецируемо, поскольку для любого производства необходим интеллектуальный навык абстрагирования от созерцаемой конкретики. Добавим также, что в общий профиль матриархата прекрасно вписывается обычай кровной мести [2, с. 285], и вообще первобытная гинекократия сопровождалась разнузданной кровожадностью и оргиастичностью [7, с. 78]. Венцом матриархальной религиозности стал культ т.н. Великой Матери, ритуальным ядром которого, судя по всему, являлись членовредительство [4, с. 229], каннибализм и человеческие жертвоприношения [7, с. 83]. О широкой распространенности изуверского культа Матери Богов говорят ее множественные имена: Кибела, Тиамат, Астарта, Деметра, Сехмет, Афина и даже Афродита. Как можно понять, роль жертвы всегда отводилась мужчине как социальному актору второго плана. Это логично в условиях, когда главой рода выступала мать, а отец был ее только случайным посетителем [7, с. 82]. По Бахофену, конец свирепой матриархальной парадигме был зафиксирован в мифах о таких светлых культурных героях, как Тесей и Геракл [2, с. 312].

Таким образом, женское начало само по себе, как минимум, априори должно пониматься исследователем как реальность более сложная, чем расхожий колыбельный гештальт. Архетип матери включает в себя помимо очевидно трогательных моментов, также и хищнических компонент, связанный с первобытной нерасчлененностью сознания на почве хтонического неистовства и истеризма. Учитывая данный культурно-религиозный бэкграунд, можно осторожно констатировать, что у феномена журнализма, взятого в аспекте женской доминации, могут быть обнаружены неожиданно инфернальные энергетические сгущения. Какие, например? Допустим, плавный отказ медиаработников от даров логоцентризма в пользу техник визуализации контента, что формирует бессвязно-клиповое мышление массового потребителя информации, вытеснившее со страниц газет и экранов мониторов рассудительность и стройность изложения материала. Потоки визуальной информации, выражаясь словами М. Маклюэна, «пробуждают Африку внутри нас» [8,

с. 67], насылают, цитируя Ф. Гойю, «сон разума, который рождает чудовищ». К сожалению, не придуманы еще социальные индикаторы, демонстрирующие прямую зависимость роста преступности и девиантного поведения в обществе от роста визуальной составляющей содержания современных СМИ. Однако кажется несомненным философское правило Плотина, согласно которому «во что смотришься, – в то и обращаешься» [1, с. 16]. Сегодня мы, к сожалению, через посредство массмедиа чаще всматриваемся в тьму и пустоту, чем в возвышающие идеалы, и кособокая конструкция кадрового состава медиа в этом вопросе может играть не последнюю роль. Можно, конечно, в порядке эксперимента, попробовать испытать, так сказать, «в долгую» и эту аляповатую модель, однако, как представляется, результаты могут быть чреватy гуманитарной катастрофой. Необходимо согласиться, что оригинальных авторов масштабов Татьяны Черниговской, убедительно настаивающей, кстати, на том, что никакого женского ума нет [14], а есть ум либо сильный, либо слабый, который столетиями назывался мужским, в редакционных коллективах днем с огнем не сыщешь, а вот «творцов», наподобие Элочки Людоедки, выучивших пару десятков расхожих речевых оборотов в расчете на их быструю коммерциализацию, там абсолютное большинство. Что это? Журналистика становится своеобразным барометром, свидетельствующим о форсированном движении общества вспять, в своего рода вторичный неоматриархат? Но тогда, по логике, вынужденно должны будут претерпеть изменения и нормативно-правовые, и этические и профессионально-творческие принципы деятельности журналистики, а за ними и нормы всего общества, которое вознесет на щит новых, но так хорошо известных матриархату великих хтонических богинь хаоса и деструкции, наподобие трех барышень, спровоцировавших в 2020 году нескончаемые протесты ради протестов в спокойной прежде Белоруссии? Вопросы действительно очень тяжелые, однако на них рано или поздно кому-то придется ответить, учитывая, что природа не терпит любых диспропорций, включая и гендерных. Ведь если где-то прибыло (журфаки переполнены дамами), автоматически где-то и убыло (сжимается концептуальный потенциал медиа), что однозначно влияет на устойчивость универсума, его стабильно-определенное состояние.

Стратегии управляемого хаоса в большой политике с успехом используются уже давно [15]: расшатывание государственных режимов на Ближнем Востоке и Северной Африке, вскармливание зверя международного терроризма, майданные технологии в республиках бывшего СССР и т.п. Готовность общества протестовать по самому незначительному поводу, наблюдаемое сегодня в различных уголках мира, с нашей точки зрения, сво-

им корнем имеет, в том числе, и фактор феминизации медиадискурса. Обильная прививка женской стихийности совокупному телу медиа обещает обществу далеко идущие последствия в плане нагнетания обстановки повышенной тревожности, роста непредсказуемости, и, как следствие, элиминации уверенности в завтрашнем дне у многомиллионной аудитории потребителей медиапродукции. Единственным действенным средством против возможных потрясений, на наш взгляд, может явиться попытка восстановления гендерного баланса на факультетах журналистики посредством формулирования более убедительной мотивации для поступающих абитуриентов-юношей. Можно надеяться, что гендерная балансировка журфаков в сложившихся условиях поможет преодолеть вынесенный в название статьи антропологический казус.

Список литературы

1. Адо Пьер. Плотин, или простота взгляда. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 142 с.
2. Бахофен И. Я. Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой: в 3 т. Т. I. СПб.: Издательский проект «Quadrivium», 2018. 384 с.
3. Гутнов Д. А. Из истории журналистского образования в России: Институт Красных журналистов и его ближайшие преемники (1919–1938) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №1. С. 103–114.
4. Зелинский Ф. Ф. История античных религий. Т. 1–3. СПб.: Издательский проект «Квадривиум»; Алетейя, 2014. 864 с.
5. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 287 с.
6. Леонтьев К. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 8(1). СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2007. 639 с.
7. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
8. Мак-Люэн Маршалл. Галактика Гуттенберга: сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.
9. Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 416 с.
10. Панаева Авдотья. Воспоминания. М.: Издательство Захаров, 2002. 448 с.
11. Туманов Д. В. История отечественной журналистики: концепция преподавания // Журналистское образование в XXI веке. Кого, кому и как учить журналистике? Сборник материалов междунар. учебно-методической конференции. Екатеринбург. 25–27 февраля 2000 г. Екатеринбург, 2000. С. 46–55.
12. Фатыхов С. Г. Новая археология матриархата (Социокультурный анализ реликтов). Челябинск: ЧГАКИ, 2009. 252 с.

13. Цыбульская Ольга. Эти счастливые несчастные журналистки // Журналист. Электронный ресурс. URL: <https://jrnlst.ru/content/eti-schastlivye-neschastnye-zhurnalistki> (дата обращения: 10.09.2020).

14. Черниговская Т. В. Мозг и его различия по половому признаку. Электронный ресурс. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/84021-mozg-i-ego-razlicia-po-polovomu-priznaku-tv-cernigovskaa> (дата обращения: 10.09.2020).

15. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

16. Янчук Е. И. Гендер // Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. 896 с.

References

1. Ado, P'er. *Plotin, ili prostota vzglyada* [Plotin, or a simple look]. Moscow, 1991. 142 p. (In Russian).

2. Bahofen, I. YA. *Materinskoe pravo. Issledovanie ginekokratii drevnego mira v sootvetstvi s ee religioznoj i pravovoj prirodoj. V trekh tomah* [Maternity law. Study of the gynecocracy of the ancient world in accordance with its religious and legal nature. In three volumes]. Vol. I. St. Petersburg, 2018. 384 p. (In Russian).

3. Gutnov, D. A. *Iz istorii zhurnalistikogo obrazovaniya v Rossii: Institut Krasnyh zhurnalistov i ego blizhajshie preemniki (1919–1938)* [From the history of journalistic education in Russia: Institute of Red Journalists and its closest successors (1919–1938)] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Episode 10. Journalism]. 2014. No 1. Pp. 103–114. (In Russian).

4. Zelinskij, F. F. *Istoriya antichnyh religij* [History of ancient religions]. Vol. 1–3. St. Petersburg, 2014. 864 p. (In Russian).

5. Korkonosenko, S. G. *Osnovy zhurnalistiki: Uchebnik dlya vuzov* [Fundamentals of journalism: Textbook for universities]. Moscow, 2001. 287 p. (In Russian).

6. Leont'ev, K. *Srednij evropec kak ideal i orudie vseirnogo razrusheniya* [The Middle European as an ideal and an instrument of world destruction] *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v dvenadcati tomah* [Complete Works and Letters in Twelve Volumes]. V. 8(1). St. Petersburg: Izdatel'stvo «Vladimir Dal'», 2007. 639 p. (In Russian).

7. Losev, A. F. *Mifologiya grekov i rimlyan* [The mythology of the Greeks and Romans]. Moscow, 1996. 975 p. (In Russian).

8. Mak-Lyuen, Marshall. *Galaktika Guttenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury* [Gutenberg Galaxy: The Creation of Man of Print Culture]. Kiev, 2004. 432 p. (In Russian).

9. Mid, M. *Muzhskoe i zhenskoe: issledovanie polovogo voprosa v menyayushchemsya mire* [Male and Female: Exploring the Sex Question in a Changing World]. Moscow, 2004. 416 p. (In Russian).

10. Panaeva, Avdot'ya. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, 2002. 448 p. (In Russian).

11. Tumanov, D. V. *Istoriya otechestvennoj zhurnalistiki: koncepciya prepodavaniya* [History of Russian journalism: teaching concept] *Zhurnalistikoe obrazovanie v XXI veke. Kogo, komu i kak uchit' zhurnalistike? Sbornik materialov mezhdunarodnoj uchebno-metodicheskoy konferencii Ekaterinburg. 25–27 fevralya* [Journalism education in the XXI century. Who, to whom and how to teach journalism? Collection of materials of the international educational and methodological conference. Ekaterinburg. February 25–27, 2000]. Ekaterinburg, 2000. Pp. 46–55. (In Russian).

12. Fatyhov S. G. *Novaya arheologiya matriarhata (Sociokul'turnyj analiz reliktoy)* [New archeology of the matriarchate (Sociocultural analysis of relicts)]. Chelyabinsk. 2009. 252 p. (In Russian).
13. Cybul'skaya, Ol'ga. *Eti schastlivye neschastnye zhurnalistki* [These happy unfortunate journalists] *Zhurnalist* [Journalist]. Elektronnyj resurs. URL: <https://jrnlst.ru/content/eti-schastlivye-neschastnye-zhurnalistki> (data obrashcheniya: 10.09.2020).
14. Chernigovskaya, T. V. *Mozg i ego razlichiya po polovomu priznaku* [Brain and its differences by sex]. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/84021-mozg-i-ego-razlicia-po-polovomu-priznaku-tv-chernigovskaa> (data obrashcheniya: 10.09.2020).
15. Sharp, D. *Ot diktatury k demokratii* [From dictatorship to democracy]. Ekaterinburg. 2005. 224 p. (In Russian).
16. Yanchuk, E. I. *Gender* [Genders] *Novejshij filosofskij slovar'* [The latest philosophical dictionary]. Minsk. 1998. 896 p. (In Russian).

**Рецепция русским читателем
художественных образов английской романтической поэзии
(на материале произведения Дж. Байрона «Lines written in an album,
at Malta» в переводе Ф. И. Тютчева)**

Сегодня все больше исследователей в области литературоведения уделяют пристальное внимание такому явлению, как рецепция поэтических текстов. Особый интерес представляет рецепция русским читателем английской романтической поэзии.

Статья посвящена проблеме анализа процесса рецепции английской поэзии в русском литературном обществе на материале перевода произведения Дж. Байрона «Lines written in an album, at Malta», выполненного Ф. И. Тютчевым. Художественные образы, созданные Ф. И. Тютчевым, являются значимыми для исследования поэзии эпохи романтизма. При этом для литературоведов особую ценность представляет рецепция образов в переводе Ф. И. Тютчева, выраженная через определенные фонетические особенности и использование лексики. Сложные идейно-эстетические взгляды Дж. Байрона нашли адекватное отражение в переводе Ф. И. Тютчева и приобрели новое звучание в русской и мировой литературе.

Ключевые слова: рецепция, художественный образ, перевод, поэтический текст, романтизм, романтическая поэзия, философия романтизма.

Olga Misyachenko

**Reception of Artistic Images of English Romantic Poetry
by Russian Reader (on the Example of F.I. Tyutchev's Translation
of the Work "Lines written in an album, at Malta" by G. Byron)**

Today more and more researchers in the field of literary criticism are paying close attention to such a phenomenon as the reception of poetic texts. The reception of English romantic poetry by Russian reader is of particular scientific interest.

The article is devoted to the problem of analyzing the process of reception of English romantic poetry in Russian literary society based on F. I. Tyutchev's translation of the work "Lines written in an album, at Malta" by G. Byron.

Artistic images created by F. I. Tyutchev are significant for study of poetry of the era of romanticism. Moreover the reception of images translated by F. I. Tyutchev expressed through certain phonetic features and usage of vocabulary are widely researched by many scientists. The whole philosophy of romanticism is expressed in the images created in F.I. Tyutchev's

translation. G. Byron's complicated ideological and aesthetic views were reflected in the translation and acquired a new sound in Russian and world literature.

Key words: reception, artistic image, translation, poetic text, romanticism, romantic poetry, philosophy of romanticism.

В первую очередь необходимо определить, что же такое рецепция, что понимается под данным термином. Если мы имеем дело с теорией литературы, то рецепция представляет собой восприятие читателем (говоря иначе – адресатом) художественного произведения. Проблематика рецепции входит в многочисленные исследования зарубежных и отечественных школ литературоведения. Рецепция была и остается базовой категорией в понятийном аппарате рецептивной эстетики – особого направления в литературоведении и критике, исходящего из основной идеи: то или иное художественное произведение реализует свой потенциал в полной степени только в процессе контакта художественного текста с читателем. Рецептивная эстетика представлена такими именами, как: Х. Р. Яусс, В. Изер, Р. Варнинг, Х. Вайнрих, Г. Гримм [1]. Последовательное и глубокое изложение идей рецептивной поэтики в работах известного ученого в области западной эстетики и филологии второй половины XX века Ханса Роберта Яусса, который внес весомый вклад в развитие концепции воздействия на адресата. Он является видным представителем так называемой «констанцской школы», сформировавшейся в ФРГ в 1960-е годы [2, с. 28].

Достаточно подробно рассмотрел вопросы рецепции известный советский и российский литературовед доктор филологических наук профессор В. Е. Хализев в «Теории литературы». Ученый уверен, что авторы непременно размышляют о своих читателях. Любое творчество становится бессмысленным без его восприятия и осмысления адресатом. Эта (имплицитная или эксплицитная) беседа ведется постоянно. Авторы не только описывают свою авторскую индивидуальную картину мира, но и стараются воспроизвести мысли читателя, прочувствовать настроение своего читателя, позволить читателю согласиться или не согласиться с той или иной точкой зрения. Так, В. Е. Хализев говорит о том, что образ читателя выступает как одна из граней художественной «предметности» [6], упоминая великих поэтов и писателей своего времени – Л. Стерна, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, вполне логично полагая, что их великие творения представляют собой живой диалог писателя с читателем. Концепция адресата – термин, который был представлен и детально проанализирован В. Е. Хализевым. Он подразумевает универсальную значимую форму «художественного

преломления воспринимающего субъекта», т.е. «подспудное присутствие в целостности произведения воображаемого читателя» [6]. Ученый четко представляет классификацию типов читателя, т.е. это может быть вполне конкретное лицо (здесь В. Е. Хализев приводит в качестве примера пушкинские дружеские послания), современная публика (к примеру, суждения А. Н. Островского о демократическом зрителе) и далекий мандельштамовский читатель (О. Э. Мандельштам «О собеседнике»). В своей работе В. Е. Хализев также называет представителей «констанцской школы». Кроме Х. Р. Яусса и В. Изера, В. Е. Хализев анализирует идеи М. Наумана. Западно-германские ученые, как пишет в своем труде В. Е. Хализев, исходили из того, что художественный опыт имеет две стороны: продуктивную, или творческую, и рецептивную (сферу восприятия). В центр произведения ставится не автор с его взглядами на действительность, а именно читатель, способный вступить в диалог и эту действительность интерпретировать. То есть читатель имплицитен, включен в процесс некоего конструирования художественной действительности, а автору присуща определенная энергия воздействия на читателя, именно ей, по мнению представителей «констанцской школы», и уделяется основное значение. В любой художественный текст вложен потенциал воздействия, как утверждают представители рецептивной эстетики. Именно он и определяет уровень восприятия произведения читателем. Таким образом, мы можем утверждать, что основным постулатом рецептивной эстетики является выдвигание на первый план процесса коммуникации читателя с текстом.

На взгляд многих ученых в области рецептивной эстетики, самыми главными проблемами являются: исследование творческого восприятия художественного текста и его исторического и социального функционирования. Если классическая теория литературы исходила из оценки произведения с точки зрения структуралистского или формального анализа, а смысл литературного произведения понимался через призму авторского замысла или критического взгляда ученого, то рецептивная эстетика основана на художественном восприятии, который, как мы уже отметили, понимается как «разговор» читателя и произведения. Художественное произведение понимается как цельное эстетическое выражение, которое наделено образным содержанием, способным пробуждать целое множество образов и ассоциаций. Можно сказать, что рецептивная теория обладает гуманистической направленностью, которая раскрывается через эстетический аппарат читателя, творческую направленность акта чтения. Главным приоритетом рецептивной эстетики в литературе является убеждение в возможности разговора читателя

и текста, что отличает рецептивную эстетику от тех теорий в литературе, где «наличие адресата как собеседника и возможность второго голоса полностью элиминируются» [4, с. 5]. Говоря иначе, рецептивная эстетика, анализ литературного процесса именно с точки зрения адресата направляет развитие литературной теории в сторону разнообразия выражения, преодоления культурных и языковых барьеров восприятия; помогает читателю исследовать языковую и художественную картину мира, а также индивидуальную авторскую картину мира через собственные эмоции и переживания, через свой жизненный опыт; раскрывает таким образом индивидуальность читателя и художественного своеобразия текста.

Говоря о процессе рецепции именно в поэтических текстах, необходимо отметить следующее: роль рецептивной эстетики в лирических текстах по-настоящему велика. Поэзию, безусловно, необходимо чувствовать, «пропускать через себя» и уметь анализировать образы, которые поэт стремился обозначить и передать через систему художественных средств и определенных фонетических особенностей. Переводческое творчество русских поэтов знакомит русского читателя с культурой других народов. Так, к примеру, переводы Ф. И. Тютчева являются своеобразным европейским культурным наследием в русском литературном обществе. Кроме немецкой и французской литературы, поэт также переводил всемирно известные английские лирические произведения эпохи романтизма. Например, знаменитое стихотворение Дж. Байрона «Lines written in an album, at Malta» появляется в журнале «Северная лира» в 1827 году именно в переводе Ф. И. Тютчева. Поэт в своем переводе байроновских строк стремился переосмыслить творчески заложенный в произведении «эталон альбомного послания», присущий оригиналу. Композиция стихотворения представлена двумя катренами, но в этих восьми строчках, как может отметить читатель, лежит глубочайший смысл бытия: жизнь не вечна, но воспоминания живых о тех, кого уже нет в нашем мире, заставляют задуматься о смысле собственной жизни. Перевод Ф. И. Тютчева обладает особой художественной выразительностью.

Рецепция читателя художественных образов, изображаемых в переводе Ф. И. Тютчева, создается не только через систему выразительных средств языка, но также через более глубокое и широкое изображение художественного времени и пространства, искусно передаваемое через фонетические особенности, анализ которых приводится в статье. Ф. И. Тютчев даже создает свое собственное (авторское) художественное поле, которое значительно шире художественного поля в оригинальных строках. Эта широта художественного поля выражена через многие фонетические особенности. Если

сравнивать оригинальные байроновские строки с переводом, то можно отметить следующее: у Ф. И. Тютчева частое использование фонем /л/ и /н/, словно «растягивает» слова и фразы, что, безусловно, и создает впечатление той самой широты художественного пространства:

*«Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых»* [5, с. 431].

Более того, поэт совершенно точно использует интонацию и ударение. Так, в каждой строке в первых двух словах ударение падает на первый слог, что также словно «растягивает» пространство текста, позволяет читателю легче проникнуть в это пространство: «медлит», «путника», «хладных», «камнях». Широта художественного поля подтверждается еще и тем, что Ф. И. Тютчев в своем переводе создает образ не единственного холодного могильного камня, как мы можем наблюдать в оригинальных строках Дж. Байрона – «the cold sepulchral stone», а целой груды таких камней: «на хладных камнях гробовых». Экспансия художественного пространства необходима поэту-переводчику для того, чтобы читатель смог в полной степени погрузиться в атмосферу лирических строк. Благодаря расширению художественного пространства читатель рассуждает свободно, легче воссоздает образы, не чувствуя определенных пространственных рамок. Можно сказать, что восприятие русским читателем романтической философии также становится шире и глубже.

Говоря о рецепции английской литературы романтизма в русских литературных кругах, невозможно обойти стороной и строки оригинала. Первый катрен у Дж. Байрона более динамичен, нежели в переводе Ф. И. Тютчева. Становится ясно, что поэты используют разные приемы для привлечения внимания читателя к романтическим строкам. Если у Ф. И. Тютчева акцент делается в основном на фонемах /н/ и /л/, а также на ударении, то Дж. Байрон использует частый повтор фонемы /s/:

*«As o'er the cold sepulchral stone
Some name arrests the passer-by...»* [7, с. 304].

Как равнодушный байроновский путник непременно останавливает свой взгляд на холодном камне: «arrests the passer-by», – так и читатель, безусловно, направит свое пристальное внимание на имена, начертанные на этом камне. Фонема /s/ словно удерживает это внимание читателя, ее изобилие поражает силой звучания: «some», «sepulchral», «stone», «arrests», «passer-by», «thus», «this», «view'st», «pensive». Читатель сможет без труда воссоздать в своем воображении те образы, которые описаны поэтом в строках: образ холодного кладбищенского камня, образ бесконечного, которое ощущается в каждой лирической строке, образ самого бытия. Здесь нами затро-

нута уже другая категория произведения – категория времени. Если художественное пространство в строках оригинала ограничено, то время и у Ф. И. Тютчева, и у Дж. Байрона представляет собой категорию более сложную для восприятия читателя. Время словно «разворачивается» постепенно, принимая, в конце концов, форму того самого бесконечного, представляющего собой особую философию романтизма, которая только углубилась в переводе Ф. И. Тютчева.

У поэта-переводчика категория времени выражается через отдельные фразы: «как медлит путника вниманье» (создается впечатление о протяженности времени), «через много-много лет» и, наконец, в самых последних строках категория времени раскрывается как нечто бесконечное, вечное, незыблемое: «Его – нет боле в вашем круге; / Но сердце здесь погребено». Имя будет жить вечно в этих начертанных поэтом строках. В философии романтической поэзии тема духовного и душевного бессмертия всегда шла рука об руку с темой быстротечности человеческой земной жизни. В строках перевода бесконечная временная протяженность выражается также через уже знакомую читателю фонему /n/, то есть фонема выполняет в переводе сразу несколько функций: благодаря ей расширяется не только пространство, но и художественное время текста («много-много», «оно», «напомнит», «но», «о прежнем», «погребено»). Поэт продолжает искусно выстраивать ритмический рисунок, углубляя и поддерживая эффект «протяженности» строк, создаваемый во многом благодаря ударению:

«Чрез много, много лет оно

Напомнит им о прежнем друге...» [5, с. 431].

За счет ударения достигается не только эффект музыкальности, напевности и протяженности строчек, но и бесконечности как совершенно романтического философского понятия.

Бесконечность времени выражается через память. Жизнь теперь может продолжаться только в воспоминаниях. Тема минувших мгновений, ушедшей жизни передается у Дж. Байрона местоимением «some», которое несёт абстрактное значение в словосочетании «in some succeeding year». Темпоральность передается через долготу гласных: «thee», «read», «succeeding», «dead», «perchance», а также через фонему /n/, которая создает эффект временной протяженности: «when», «name», «perchance», «succeeding», «think». Кроме того, в строке «Perchance in some succeeding year» читатель может наблюдать так называемое явление проспекции, что передается через фонему /s/: «perchance», «succeeding», «some». Взгляд поэта действительно устремлен в будущее. Доказательством этому служит прилагательное «succeeding», которое и относит действие в будущее. Примечательно, что Дж. Байрон уже ис-

пользовал фонему /s/ в первом катрене для того, чтобы завладеть вниманием читателя. Так, поэт стремится удержать внимание читателя не только для описания настоящих мгновений. Он уверен, что в памяти этот возвышенный образ будет жить вечно.

Романтическая философия, представленная как в оригинальных строках, так и в переводе, создана вечным противопоставлением жизни (памяти) и смерти, бесконечного (духовного бытия) и скоротечного (человеческой жизни на земле). В переводе Ф. И. Тютчева байроновские строки поднимаются сложные вопросы бытия. Читатель вместе с поэтом может рассуждать о смысле бытия, о жизни и смерти, о роли судьбы в жизни человека, о мимолетности мгновений и памяти, в которой эти мгновения продолжают жить. Сложная байроновская романтическая философия нашла в переводах Ф. И. Тютчева свое выражение и приобрела совершенно новое звучание.

Таким образом, поэт-переводчик Ф. И. Тютчев смог не только передать основной посыл оригинальных байроновских строк и укрепить в сознании русского читателя созданные автором произведения образы, но и выразить через них целую философию романтизма, добавить свою проблематику к английской лирике, расширить границы художественного пространства, тем самым обогатив содержание английской романтической поэзии.

Список литературы

1. Ковылкин А. Н. Читатель как литературно-теоретическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М.: Ин-т мир. лит. им. М. Горького РАН, 2007. 25 с.
2. Машакова А. К. Казахская литература в современной зарубежной рецепции: [монография]; М-во образования и науки Российской Федерации, Ком. науки, Ин-т лит. и искусства им. М. О. Ауэзова. Алматы: Изд. центр Ин-та лит. и искусства им. М. О. Ауэзова, 2014. 236 с.
3. Рецептивная эстетика. Электронный ресурс. URL: http://geum.ru/kurs/retseptivnaya_estetika.php (дата обращения: 14.08.2020).
4. Теория литературы. Электронный ресурс. URL: https://4itaem.com/book/teoriya_literaturyi-22174 (дата обращения: 14.08.2020).
5. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. М.: Изд. центр «Классика», 2005. Т. 5. 385 с.
6. Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 405 с.
7. Lord Byron George Gordon. Poems. London: Wordsworthmy-schop, 2004. 816 p.

References

1. Kovylnin, A. N. *CHitatel' kak literaturno-teoreticheskaya problema* [Reader as a literary-theoretical problema]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.08. Moscow: In-t mir. lit. im. M. Gor'kogo RAN, 2007. 25 p. (In Russian).
2. Mashakova, A. K. *Kazahskaya literatura v sovremennoj zarubezhnoj recepcii* [Theoretical thesis of the literary reception]: [monografiya]; M-vo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Fed-

eracii, Kom. nauki, In-t lit. i iskusstva im. M. O. Auezova. Almaty: Izd. centr In-ta lit. i iskusstva im. M. O. Auezova, 2014. 236 p. (In Russian).

3. *Receptivnaya estetika* [Receptive aesthetics]. Elektronnyj resurs. URL: http://geum.ru/kurs/retseptivnaya_estetika.php (data obrashcheniya: 14.08.2020).

4. *Teoriya literatury* [The theory of literature]. Elektronnyj resurs. URL: https://4itaem.com/book/teoriya_literaturyi-22174 (data obrashcheniya: 14.08.2020).

5. Tyutchev, F. I. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v shesti tomah* [Complete works and letters in six parts]. Moscow: Izd. centr «Klassika», 2005. T. 5. 385 p. (In Russian).

6. Halizev, V. E. *Teoriya literatury* [The theory of literature]. 4 izd., ispr. i dop. Moscow: Vysshaya shkola, 2004. 405 p. (In Russian).

7. Lord Byron George Gordon. *Poems*. London: Wordsworthmy-schop, 2004. 816 p. (In English).

Сведения об авторах

Лебедева Татьяна Евгеньевна, доцент Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург); e-mail: te_lebedeva_1210@mail.ru

Мальцева Татьяна Владимировна, заведующая кафедрой литературы и русского языка Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург); e-mail: kaflit@yandex.ru

Меркушов Станислав Федорович, главный специалист Центра русского языка и культуры Тверского государственного университета, кандидат филологических наук (Россия, г. Тверь); e-mail: stas2305@gmail.com

Мисяченко Ольга Евгеньевна, магистрант Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (Республика Казахстан, г. Петропавловск); e-mail: misyachenko96@mail.ru

Никольский Евгений Владимирович, профессор Ужгородской украинской богословской академии Карпатского университета им. Августина Волошина, доктор филологических наук, доктор богословия (Республика Украина, г. Ужгород); e-mail: eugenius-09@ukr.net

Ничипоров Илья Борисович, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва); e-mail: il-boris@yandex.ru

Слободнюк Сергей Леонович, профессор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург); e-mail: gumilev65@mail.ru

Снигирев Алексей Васильевич, доцент Уральского государственного юридического университета, кандидат филологических наук (Россия, г. Екатеринбург); e-mail: alex_sengir@rambler.ru

Цуканов Евгений Александрович, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); e-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Штеба Алексей Андреевич, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Волгоград); e-mail: alexchteba@yandex.ru

About Authors

Lebedeva Tatiana, Associate Professor, Pushkin State University, Candidate of Philological Sciences (Russia, St. Petersburg); e-mail: te_lebedeva_1210@mail.ru

Maltseva Tatiana, Doctor of Philological Science, Full Professor, Head of Department Russian Language and Literature, Pushkin State University (Russia, St. Petersburg); e-mail: kaflit@yandex.ru

Merkushov Stanislav, Chief Specialist of the Center for Russian Language and Culture, Tver State University, Candidate of Philological Sciences (Russia, Tver); e-mail: stas2305@gmail.com

Misyatenko Olga, Undergraduate Student, Manash Kozybayev North Kazakhstan University (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk); e-mail: misyachenko96@mail.ru

Nichiporov Iliya, Doctor of Philological Science, Professor, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow); e-mail: il-boris@yandex.ru

Nikolsky Eugeny, Doctor of Philology (Dr. hab.), Doctor of Theology, Professor, Avgustyn Voloshyn Carpathian University (Republic of Ukraine, Uzhhorod); e-mail: eugenius-z@mail.ru

Slobodnyuk Sergey, Doctor of Philological Science, Doctor of Philosophy Science, Full Professor, Pushkin State University (Russia, St. Petersburg); e-mail: gumilev65@mail.ru

Snigirev Alexey, Associate Professor, Ural State Law University, Candidate of Philological Sciences (Russia, Ekaterinburg); e-mail: alex_sengir@rambler.ru

Shteba Alexey, Associate Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences (Russia, Volgograd); e-mail: alexchteba@yandex.ru

Tsukanov Evgeny, Associate Professor of the Higher School of Printing and Media Technology, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Candidate of Philological Sciences (Russia, St. Petersburg).

Требования к оформлению статей, представленных для публикации в научном журнале «Art Logos»

К публикации в журнале «Art Logos» принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современного научного знания в области филологии.

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в алфавитном порядке) помещается после текста статьи.

Русские источники необходимо **транслитерировать**, для автоматической транслитерации использовать программу на сайте <http://www.translit.ru>, вариант **BGN (Board of Geographic Names)**.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК и код ГРНТИ.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом не менее 1000 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

3. Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

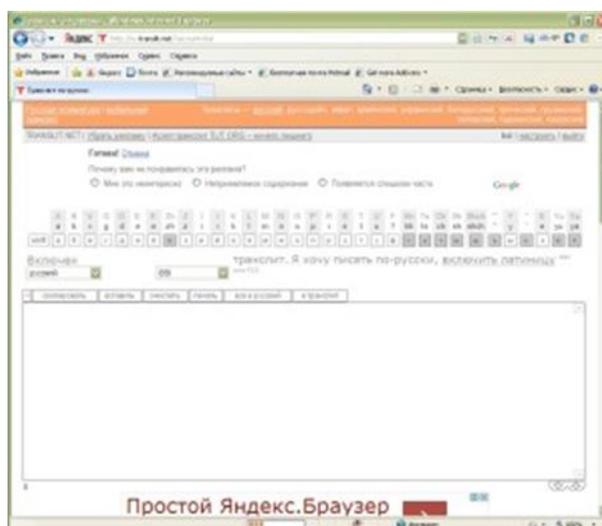
Примеры оформления библиографического описания различных источников и алгоритм их подготовки

Для транслитерации русского текста в латиницу в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>. Обязательно использовать системы **автоматического** перевода кириллицы в романский алфавит; **не делать транслитерацию вручную**. Это позволит избежать ошибок транслитерации.

Перевод названия на английский можно сделать, например, с помощью программы «Переводчик Google» (<https://translate.google.ru>).

Краткая схема процесса преобразования ссылки:

1. Входим в программу **Translit.ru**. Выбираем вариант (BSI), получаем изображение всех буквенных соответствий. Вставляем в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажимаем кнопку «в транслит».

2. Копируем транслитерированный текст в готовящийся список References.

3. Переводим с помощью переводчика Google все описание источника, кроме авторов (название книги, статьи, постановления и т.д.) на английский язык, переносим его в готовящийся список (за транслитерированным названием). Перевод, безусловно, требует редактирования, поэтому эту часть необходимо готовить человеку, понимающему английский язык.

4. Объединяем описания в транслите и переводное, оформляя в соответствии с принятыми правилами. При этом необходимо раскрыть сокращения в указании места издания (Moscow и St. Petersburg) и исправить обозначение страниц на английский язык (вместо 1072 s. – 1072 p.).

5. Курсивом выделяем название источника и ссылка готова.

Пример:

Кочукова Е.В. Павлова О.В. Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: сб. науч. тр. / Калёнов Н.Е. (ред.). – М.: Научный Мир, 2009. – 342 с. – С. 190–199.

Вставляем в программу Translit, получаем:

Kochukova E.V. Pavlova O.V. Raftopulo Yu.B. Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh // Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr. – M.: Nauchnyi Mir, 2009. – S. 190–199.

Преобразуем транслитерированную ссылку:

- 1) убираем специальные разделители между полями (“/”, “–”);
- 2) в квадратных скобках после транслитерации пишем перевод заглавия статьи и названия источника на английский язык;
- 3) пишем на английском языке полное место издания и обозначение страниц (издательство оставляет транслитерированным). Издательство лучше обозначать добавлением слова Publ. (факультативно).
- 4) конечный результат:

Kochukova E.V. Pavlova O.V. Raftopulo Yu.B. *Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh* [The peer review system in the information providing of scientists] *Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr. 57* [Information Support of Science. New Technologies: Collected papers]. Moscow: Nauchnyi Mir Publ., 2009, pp. 190–199.

Научный журнал

ART LOGOS
(ИСКУССТВО СЛОВА)

№ 3(12)

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 25.09.2020. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 1658

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10